

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1990

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1990

042(02)I

Р е д к о л л е г и я :

**А.Г.ТАРТАКОВСКИЙ (отв.ред.), Л.Л.МУРАВЬЕВА, А.И.ПЛИГУЗОВ,
А.Н.МЕДУШЕВСКИЙ**

ISBN 5-201-00562-4

© Институт истории СССР АН СССР

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник продолжает принятую Отделом источниковедения истории СССР дооктябрьского периода издание источниковедческих исследований по отечественной истории. Как и предшествующие выпуски, он состоит преимущественно из статей молодых ученых — соискателей, аспирантов или сравнительно недавно защитивших кандидатские диссертации. В предоставлении им возможностей оперативной публикации научных трудов Отдел усматривает важное средство формирования кадров квалифицированных специалистов-источниковедов, подготовка которых ранее не имела сколько-нибудь целенаправленного характера.

Однако, в отличие от прежних выпусков, традиционно ориентированных на изучение источников феодальной эпохи, настоящий сборник сосредоточен главным образом на проблемах источниковедения нового периода отечественной истории — наименее развитого направления данной отрасли исторического знания. В этом, несомненно, — его принципиальная новизна.

Сказанное, конечно, не умаляет значения небольшого числа статей по XVI—XVII вв., в которых отражены результаты интересных архивных поисков и глубоких текстологических разысканий. Незаурядной представляется в этом смысле статья Е. Б. Емченко, содержащая скрупулезный анализ 90 списков полной редакции Стоглава (более 30 из них впервые выявлены автором) и намечающая схему научного издания этого сложного памятника.

В основной своей части материалы сборника представлены статьями разнообразного жанрового диапазона, посвященными различным видам источников — от газетной периодики (статья В. А. Иванова) до законодательных памятников (статья Ю. Я. Рыбакова). Углубленный источниковедческий анализ с отчетливо выраженным вниманием к методической стороне дела сочетается с наблюдениями конкретно исторического порядка, затрагивающими как частные, так и общие проблемы отечественной истории XVIII — начала XX в. Это — еще одно принципиальное достоинство

сборника. Присутствуют здесь информативно весьма существенные обзоры крупных рукописных и музейных коллекций (статьи Е.В.Синицыной и О.П.Тюниной) и основанные на свежих архивных данных исследования историко-источниковедческого профиля (статья А.Н.Медушевского).

Особое место принадлежит в сборнике работам, посвященным комплексному изучению разных групп массовых источников. Среди них – прежде уже не раз привлекавшиеся историками, например, "Приложения к трудам Редакционных комиссий", демографические переписи и офицерские формулярные списки (статья О.Н.Бурдиной, К.Б.Литвака, Д.Г.Целорунго). Причем при их обработке в ряде случаев с успехом используются достаточно сложные и отточенные методы статистико-математического анализа. На базе разработки этих массовых источников авторы ставят насущные вопросы экономической и социо-культурной истории XIX – начала XX в.

Настоящий сборник готовился в год 70-летия доктора исторических наук, профессора Бориса Григорьевича Литвака – виднейшего источниковеда в области отечественной истории XIX–XX вв., одного из ведущих в нашей стране историков-аграрников, труды которого получили широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Б.Г.Литвак хорошо известен и как организатор и редактор важнейших научных изданий по источниковедению и археографии. В этой связи нельзя не отметить вклад, внесенный Б.Г.Литваком в подготовку предшествующих выпусков "Исследований по источниковедению истории СССР до октябрьского периода".

Естественно, что тематика помещенных в данном сборнике статей в какой-то мере отражает многообразие интересов Б.Г.Литвака – ученого и педагога. Естественно, что среди авторов статей мы видим и ряд его учеников. Поздравляя Б.Г.Литвака с юбилеем, редколлегия сборника сочла уместным предварить публикуемые ниже исследования статьей, посвященной характерным чертам его научного облика.

Доктор исторических наук
А.Г.Тартаковский

Борис Григорьевич Литвак

(штрихи к портрету историка-источниковеда)

Борис Григорьевич Литвак принадлежит к поколению тех, кто после Великой Отечественной войны в гимнастерках заполнил студенческие аудитории. Фронтная правда для них оставалась критерием человеческих ценностей и отношений, основой их профессионального становления, миропонимания настоящего и прошлого. Бывшие фронтовики объединяли и цементировали студенчество тех лет. В том, что послевоенные выпускники институтов и университетов, по моим наблюдениям, остаются товариществом, продолжают регулярно встречаться, не забывают друг друга в радостях и горестях — несомненная заслуга студентов-фронтовиков.

Придет время, когда при изучении истории развития исторической науки второй половины XX в. будет освещена роль в ее процессах этого поколения историков. Настоящая же заметка не претендует ни на что иное, как на историографическо-источниковедческие штрихи в характеристике одного из этой когорты историков.

Лудущим же историографам оставим решать, насколько закономерен или случаен демобилизованным капитаном Б.Г. Литваком был выбор *alma mater* — ведь до войны он окончил Одесский педагогический техникум и лингвистический факультет учительского отделения Одесского пединститута им. К.Д. Ушинского, а начинал трудовую жизнь преподавателем украинского и русского языка на Днепропетровщине. Отметим лишь, что в 1946–1951 гг., когда Б.Г. был студентом Московского историко-архивного института, в нем работало немало ученых, у кого можно было учиться, и тем, кто пришел сюда прямо из школы, и тем, кто постигал вначале правду истории на военных дорогах. Специфика института, внимание в нем к изучению документа, к архивной эвристике, к источниковедению и археографии оказали большое влияние на формирование научных интересов Б.Г.

Список научных трудов Б.Г. начинается с рукописи и автореферата кандидатской диссертации "Уставные грамоты Мос-

ковской губернии как источник по изучению реализации "Положения" 19 февраля 1861 г.", подготовленной под руководством В.К. Яцунского и защищенной в 1956 г. Затем год от года поток научной продукции Б.Г. становится все обильнее и разнообразнее по проблематике и направленности. И вот уже более 30-ти лет его монографии и выступления, статьи в основных академических изданиях по истории СССР, посвященные социально-экономической и социально-политической истории России конца ХУШ - начала ХХ в., по актуальным проблемам источниковедения, археографии и документоведения, отражая постоянный и систематический труд их автора, привлекают внимание историков нашей страны и за рубежом.

Важное значение в формировании научных интересов Б.Г. имела его работа в журнале "Исторический архив". (Ответственный секретарь, заместитель редактора). В статьях 50-х - начала 60-х годов, опубликованных в этом журнале и других изданиях, он пишет о задачах советских архивов по собиранию, изучению, экспертизе ценности и публикации документальных материалов, говорит о важности разработки методики издания документов массового характера, обосновывает приемы публикации статистических источников, выступает против тезиса о выборочном использовании источников, распространенного в историко-партийной литературе тех лет¹. Он участвует в публикации документов о борьбе советских людей в фашистском плену в Бухенвальде, об интернациональной солидарности СССР и революционного Китая в 1924-1928 гг. и др.² Выявляется интерес к обобщению накопленного опыта в издании документальных сборников по истории Октября в национальных районах. В связи с чем ставятся некоторые общие вопросы публикации и изучения материалов по истории Октября³. Таким образом, Б.Г. обращается к документам широкого тематического и хронологического диапазона, к разработке различной проблематики.

Особым направлением его научной работы становится изучение методологического и методического наследия основоположников научного социализма. В первой же специальной статье о приемах анализа и характеристики источников в трудах

В.И.Ленина он предлагает программу раскрытия и использования ленинской методики анализа различных видов источников. Он призывает к тому, чтобы совместными усилиями исследовать приемы работы В.И.Ленина со статистическими источниками, делопроизводственными материалами, печатью, законодательными актами, мемуарами, перепиской и др. Б.Г. выявляет методический арсенал В.И.Ленина при анализе им социально-экономических явлений на различных этапах его революционной деятельности, ставит вопросы об особенностях источниковой базы и приемах работы с различными материалами В.И.Ленина после Октября 1917 г.⁴

В последующих работах Б.Г. стремится осмыслить ленинское требование о том, чтобы фундаментом исследования была вся совокупность фактов, относящихся к рассматриваемому вопросу, т.е. к важнейшему принципу источниковедческой эвристики, полемизирует с произвольными толкованиями этого положения. Особое внимание он уделяет исследованию ленинских приемов статистического анализа, примененных к опубликованным сведениям по уголовным делам, текущему законодательству России, финансовым отчетам о рабочих взносах в поддержку органов печати, данным о тираже газет и количестве выпущенных номеров и др.⁵ Если в обобщении приемов работы В.И.Ленина с источниками социально-экономического характера нашей историографией уже был накоплен определенный опыт, то в изучении ленинской методики анализа источников по политической истории Б.Г. среди историков был одним из первых. В отдельных статьях и выступлениях последнего времени начинает вырисовываться картина начатого им комплексного исследования приемов работы с источниками по истории России К.Маркса и Ф.Энгельса⁶.

Необходимо отметить, что ленинская тема в работах Б.Г. была взаимосвязана с историческими и источниковедческими размышлениями автора и прежде всего с изучением массовых источников, потребовавшим выявления конкретных путей применения ленинской методики к их анализу. Обращение к творческой лаборатории первооткрывателей научного социализма для Б.Г. —

это не только пропаганда научных приемов работы с источниками, но и продуктивная реализация накопленного опыта в собственной работе с источниками по истории России.

В 1967 г. выходит книга Б.Г. "Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.". К этому времени был выявлен и опубликован большой массив различных материалов о крестьянском движении, вышло восемь томов документов серии "Крестьянское движение в России XIX - начала XX века", охватившей почти весь XIX в., что явилось качественным скачком в изучении борьбы крестьян в дореволюционной России. Казалось бы, уже данная публикация создавала солидную основу для выработки и применения единой методики изучения различных форм протестов крестьян.

Но Б.Г. при реализации комплексной статистической методики не ограничивается документами этой серийной публикации. Для максимально полного учета размаха крестьянского движения и его реальной силы он мобилизует местные архивы, проводит анкетное обследование, охватившее 29 бывших губерний великорусского центра.

Сам по себе статистический метод являлся традиционным приемом исследования крестьянского движения в работах многих советских историков. Качественно иное применение этого метода Б.Г. состояло в том, что он был направлен на объективный учет конкретных форм борьбы: на отказ от статистики валовых подсчетов в таких расплывчатых единицах их измерения как "волнение". О тщательности подготовки обследования и описания отдельного крестьянского выступления говорит, например, такой показатель: в книге приведены текст анкеты и приложения к ней, рассылавшиеся в архивы; одно из приложений содержит градацию форм крестьянских выступлений в виде перечня из 42-х пунктов⁷. Это позволило с высокой степенью точности подойти к описанию каждого крестьянского протеста.

По своему характеру, оригинальности эта небольшая по объему книга - особое явление в советском источниковедении, где методические проблемы выступают как средство решения не вспомогательных, а общих исторических задач. Думаю, что преподаватели пединститутов и университетов не раз добрым

словом вспоминали автора, используя эту работу в качестве учебного пособия на семинарских занятиях.

Ставя вопрос о соотношении методологии и методики исследования, Б.Г. обращает внимание на известную автономность приемов источниковедческого анализа по отношению к методологической позиции исследователя, что позволяет шире использовать положительный опыт в работе с источниками предшествующих поколений историков⁸.

Как историк, Б.Г. остается верен прежде всего изучению истории крестьянской России в переломный ее период, когда шло превращение крестьянина из бесправного крепостного, получившего в 1861 г. личную независимость, в борца за экономическое и духовное освобождение. В процессе освоения этой безграничной темы, актуальной для понимания исторических судеб России, в его работах расширялись исследуемая проблематика, хронология, территория и общие масштабы изучения.

Выделим несколько его работ.

В 1972 г. была опубликована монография "Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861-1895 гг.", в основе которой его докторская диссертация "Проведение реформы 19 февраля 1861 г. в Черноземном центре России", защищенная в 1969 г.

Он написал две главы IV-го тома "Истории крестьянства в России", посвященные подготовке и проведению реформы 1861 г.

В коллективной монографии "Русское крестьянство: этапы духовного освобождения" он рассматривает эволюцию социальной психологии крестьян после Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева до Первой русской революции⁹.

В 1989 г. увидела свет книга "Крестьянское движение в России в 1795-1904 гг. История и методика изучения источников" (М., "Наука") - результат исследования опубликованных документальных материалов, отражающих различные формы классовой борьбы крестьян на обширнейшей территории за время, включавшее разложение, кризис и падение крепостного строя, утверждение капитализма. В опубликованном документальном комплексе Б.Г. видит усиливающееся понимание крестьянской

борьбы как процесса, с подъемами и спадами, качественными сдвигами, региональными особенностями и т.д. Он прослеживает формирование и развитие методики изучения крестьянского движения в советской историографии, ее роль в раскрытии масштабов борьбы. Это исследование поднимает значение археографической работы над узкоприкладным восприятием ее целей. Б.Г. рассматривает документальную научную публикацию как историографическое явление, которое расширяет источниковую базу, обогащает приемы источниковедческого анализа, поднимает уровень изучения крестьянского движения конца XVIII - начала XIX в.

В своей совокупности работы Б.Г. показывают, сколь систематично и целостно в них исследование истории российского дореволюционного крестьянства, как одна тема органически связана и вытекает из другой. Можно говорить, что независимо от тематики работ Б.Г., источниковая их фундаментальность и доказательность, интерес к методике изучения источников, - их характерные черты.

Анализ широкого круга уникальных и особенно массовых источников, осмысление по-новому источников, которые регулярно привлекались для тех или иных исторических построений, а также привлечение источников, прежде ускользавших от пристального изучения, - это свойство его работ, его авторский стиль. Так, монография "Русская деревня в реформе 1861 года"⁹ посвящена крупной исторической проблеме. В ней рассматривается состояние помещичьей деревни Черноземного центра накануне отмены крепостного права, выясняется размер крестьянского надела и повинностей по уставным грамотам, раскрываются процессы, происходившие в деревне до конца XIX в. Но была бы неполной оценка источниковедческого аспекта работы, если бы мы только отметили, что в ней систематизированы обширные сведения по отдельным губерниям, уездам и региону в целом, которые внесли заметные коррективы в ранее высказывавшиеся положения. Исторический источник, его характеристика, приемы использования, различные стороны анализа буквально пронизывают весь материал собственно исторических наблюдений и оценок, присутствуют во многих общих выводах. Даже в

краткой издательской аннотации книги отмечается, что она основана на материале сплошного изучения 18 тысяч уставных грамот и такого же количества выкупных актов шести губерний, что анахронизм надельной системы, связь отработочной системы с рефсрмой освещаются на массовом конкретном материале, т.е. выделяется источниковедческий аспект монографии.

Б.Г. явился одним из основоположников разработки теории и методики изучения массовой документации – целого раздела современного источниковедения.

Изучение и использование Б.Г. значительных массивов разнообразной документации, возникавшей в связи с необходимостью фиксации повседневных нужд социальной жизни, приводит его к потребности источниковедческого осмысления особенностей таких материалов. В его работах вопрос об основных чертах массовых источников получает четкое методологическое обоснование, реализуется путем исследования возникновения наиболее распространенных видов массовой документации России XIX – начала XX в.

Первоначально Б.Г. определял массовые источники как источники статистического характера. В этой постановке прежде всего выделялась возможность их обработки с помощью статистических методов¹⁰. В дальнейшем он отказывается от такой формулировки, которая, по его мнению, ведет к неоправданному смешению массовых и собственно статистических источников, различных по своей заданности или форме отражения действительности. В 1964 г. им предлагается следующее описательное определение источников массового характера: "Под ними мы понимаем такие источники, которые имеют или которым можно придать сравнительно разработанный формуляр, что дает возможность содержащиеся в них отдельные частные факты, сами по себе имеющие ограниченную для исторического исследования ценность, подвергнуть статистической или иной обработке и научной группировке для получения данных обобщающего характера"¹¹.

Впоследствии атрибутирование массовых источников облекается в более обобщенную форму. В данное собирательное понятие он включает документы с определенным формуляром или

его зачатками, которые "отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выяснить ту или иную закономерность"¹². Признаками массовой документации он считает ординарность обстоятельств ее происхождения, однородность, аналогичность или повторяемость содержания, однотипность формы, тяготеющая к стандартизации¹³. Он отмечает историзм появления массовой документации, обусловленной развитием товарно-денежных отношений, говорит о нетождественности их с документацией делопроизводственного происхождения и первичного уровня возникновения, предостерегает от смешения понятий "массовость" и "множественность" при вычленении массовых источников из общего корпуса письменных материалов. Наиболее разносторонняя теоретико-методическая разработка комплекса массовых источников нашла отражение в монографии "Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX в." (М., 1979). В процессе дальнейшего изучения массовых источников, их характера, состава и методики анализа высказывались и иные точки зрения¹⁴. Но позиция Б.Г. представляется на сегодняшний день теоретически наиболее развернутой и аргументированной.

На основе своего понимания массовых источников Б.Г. продолжает изучение конкретных разновидностей этих материалов, вовлекая в сферу анализа новые документальные пласты и возвращаясь к исследованию источников, ранее привлекавшихся им. Он еще раз обращается к уставным грамотам и выкупным актам, называя их классической разновидностью массовой документации. Им анализируются ежегодные губернаторские отчеты, подворные описи, описания помещичьих имений, штрафные книги, договорно-сделочная документация, приговоры сельских и волостных сходов, волостных правлений и судов, жалобы, прошения и другие источники. В их составе автором различаются группы документальных материалов вотчинного, государственного и смешанного государственно-частноправового происхождения¹⁵.

По его утверждению, приемы формализации массовых источников и их статистическая обработка - естественный результат эволюции формуляра отдельных разновидностей этой документации.

Он говорит о необходимости системного подхода к их изучению, т.е. к совокупному рассмотрению различных разновидностей, считает, что внедрение математических методов в исторических исследованиях создает материальную основу для широкого привлечения массовой документации как исторического источника. Вместе с тем Б.Г. предостерегает от некритического перенесения методики изучения уникальных памятников на массовые материалы. Как историк-архивист, Б.Г. уделяет большое внимание изучению массовых источников XIX – начала XX в. в связи с решением задач современной экспертизы ценности документальных материалов.

Б.Г. широко и нетрадиционно подошел к выявлению и обобщению уже накопленного опыта изучения массовой документации. В историографию источниковедения им включаются имена, ранее не упоминавшиеся. Так, в результате специальных его изысканий выяснилось, что пионером в изучении документации массового характера в России был Д.П.Журавский, до сих пор характеризовавшийся только как ученый-статистик. Б.Г. раскрывает роль Журавского в складывании методических основ источниковедения делопроизводственного документа XIX в., выявляет связь приемов собирания и обобщения Журавским статистических сведений с земской статистикой, которая на материале второй половины XIX в. продолжала его традиции.

Важно отметить, что разработка Б.Г. методики статистического изучения крестьянского движения, разностороннее теоретическое и методическое осмысление источниковедения массовой документации способствовали подготовке почвы для широкого применения математических методов и ЭВМ в изучении истории России.

Настоящие штрихи в характеристике Б.Г. Литвака как источниковеда выявляются прежде всего из опубликованных им работ. Но даже в краткой заметке нельзя не упомянуть организационной, редакторской и педагогической деятельности Б.Г. по источникам, археографии и другим связанным с ними отраслям знаний. Ограничимся перечнем наиболее систематических проявлений такой работы.

Три десятилетия Б.Г. участвует в подготовке и проведении Всесоюзного симпозиума по аграрной истории, в издании его материалов, являясь членом оргкомитета, членом редколлегии Ежегодников по аграрной истории, руководителем секции симпозиума. Секция, которую он возглавляет, стала, по отзывам ее участников, координирующим центром в изучении кризиса феодально-крепостнической системы и крестьянской реформы 1861 г., школой разработки массовых источников.

С 60-х годов продолжается активная работа Б.Г. в Археографической комиссии, где в настоящее время он является заместителем ее председателя. В значительной мере благодаря Б.Г. как члена редколлегии, а затем заместителя ответственного редактора "Археографического ежегодника", это издание даже в застойные годы сохранило свой высокий академический уровень.

Общие результаты руководства им аспирантами и соискателями позволяют уже в настоящее время говорить о научной школе Литвака по аграрной истории, источниковедению и археографии. 30 лет его имя присутствует среди членов редколлегии или в качестве ответственного редактора многих монографических и серийных изданий, различных сборников статей.

-
- 1 См. работы Б.Г. Литвака: Важнейшие задачи советских архивов. // "Исторический архив", 1957. № 2; О некоторых приемах публикации источников статистического характера. // Там же; К истории формуляра уставной грамоты 1861 года. // "Археографический ежегодник за 1957 год". М., 1958; Новое Положение о ГАФ СССР. // "История СССР", 1958. № 6; Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи. // "Исторический архив", 1960. № 2; Конкретное источниковедение истории советского общества. - "Вопросы истории", 1965. № 1, в соавт.; и др.
 - 2 Бухенвальдское сопротивление. // "Исторический архив", 1957. № 4, 6 (в соавт.); К истории советско-китайской интернациональной солидарности (1924-1928 гг.). - "Исторический архив", 1959. № 4 (в соавт.).
 - 3 Документы по истории Октябрьской революции в национальных районах. // "Вопросы истории", 1958. № 7 (в соавт.).
 - 4 О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В.И. Ленина. // Источниковедение истории советского общества. М., 1964.

- 5 См.: О путях развития источниковедения массовых источников. // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С.107-114; Ленинские проблемы источниковедческого анализа и методика исследования массовой документации. - "История СССР", 1970. № 2; О ленинской методике статистического анализа политических явлений. // Источниковедение отечественной истории". М., 1973. Вып. I.
- 6 См.: О культуре передачи текста в издании "Архив Маркса и Энгельса" (к выходу т. XVI). // "Археографический ежегодник за 1983 год". М., 1985; Б.Г. - инициатор подготовки в Отделе источниковедения истории СССР дооктябрьского периода коллективной монографии "Русские источники в творческой лаборатории К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина". Он же основной автор разделов, посвященных изучению корпуса русских источников в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса и приемов их анализа основоположниками научного социализма (первая часть этой работы в 1987 г. обсуждена на заседании Отдела).
- 7 Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. С.116.
- 8 См.: О путях развития источниковедения массовых источников. С.103.
- 9 Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., "Мысль", 1988 (Б.Г. соавтор введения и автор гл. I "Пробуждение. От последней Крестьянской войны до Первой русской революции").
- 10 О некоторых приемах публикации источников статистического характера. С.155.
- 11 О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В.И.Ленина. С.12.
- 12 Конкретное источниковедение истории советского общества. С.8.
- 13 Приемы формализации содержания массовой документации и регесты (по материалам XIX в.). // "Археографический ежегодник за 1977 год". М., 1978. С.226.
- 14 Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. Предисловие.
- 15 См. Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX в.

Ю.Я. Рыбаков

К ИСТОРИИ КАЛУЖСКО-БЕЖЕЦКОГО УДЕЛА
В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

Границы удела князя Семена, четвертого сына Ивана III и Софьи Палеолог, первоначально были обозначены в духовной его отца, согласно которой он должен был получить во владение Бежецкий Верх, Калугу и Козельск¹. Перед кончиной Иван Васильевич подтвердил свое распоряжение, поручив младших сыновей попечительству наследника великокняжеского престола: "Сына своего Семюна да Андрея дать на руки брату их великому князю Василию и повеле им дати уделы"². Однако новый московский властитель не спешил с исполнением воли отошедшего в мир иной. С.М.Каштанов считает, что удел князя Семена Ивановича был создан только в 1509 году, поскольку именно к январю этого года относится первая жалованная грамота князя Семена³. Данное суждение неточно. В Пространной редакции Разрядов под 7015 г. содержится запись: "Того же году из удела от князя Семена Ивановича посылонь были воеводы в Белев Василей Тимофеевич Юрлов Плешеев да князь Олександр Васильевич Кашин, да Бултак Денисьев". После этого следует известие 7016 г.⁴, что позволяет датировать образование Калужско-Бежецкого удела не позднее августа 1507 г. Указавший на этот факт А.А.Зимин замечает: "Впрочем, власть князя Семена была больше номинальна, чем реальна"⁵. Той же точки зрения относительно периода 1509-1511 гг. придерживается С.М.Каштанов, предположивший также, что в конце 1509 г. князь Семен Иванович был отозван из Калуги в Москву⁶. Подтверждение своей гипотезы о номинальности власти калужского князя оба автора усматривают в том, что судебные дела в Бежецком Верху в эти годы разбирает "великокняжеский вельможа" князь Василий Иванович Голенин. Необходимо однако заметить, что В.И.Голенин вершит суд не в качестве представителя великого князя, а "по княже Семенову слову Ивановича", как прямо говорится в документах, и докладывает о суде "государю своему" князю Семену⁷. На данное обстоятельство обратил внимание А.А.Зимин, который, анализируя правую грамоту

Троице-Сергиеву монастырю, писал в одной из своих последних работ: "Должно ли означать это последнее известие о Голенине, что в конце своей деятельности он перешел в удел, сказать трудно"⁸, т.е. тем самым признал, что судебная деятельность князя В.И.Голенина в Бежецком Верхе не является доказательством номинальности власти князя Семена Ивановича на землях его удела.

Должно заметить, что указанная А.А.Зиминим правая грамота Троице-Сергиеву монастырю не содержит последнего известия о князе Голенине. Из ее текста следует, что спорящим сторонам был первоначально назначен срок стать перед князем Семеном Ивановичем на докладе на Рождество Христово, а вторично - "на середохрестье", приходящееся на 7 марта 1510 г., судебное же разбирательство происходило спустя четыре недели, т.е. уже в начале апреля, коим вероятно и необходимо датировать документ, а не 1509/10 г., как это сделано в издании. В то же время имеется другая правая грамота, относящаяся к маю 1510 г., в которой князь В.И.Голенин также назван судьей Семена Ивановича⁹.

Нельзя согласиться и с предположением С.М.Каштанова об отзыве Семена Ивановича в конце 1509 г. из Калуги в Москву. Из правой грамоты Троице-Сергиеву монастырю известно, что доклад суда не мог произойти 25 декабря 1509 г. в Москве, т.к. в то время князь Семену "дела зашли иные"¹⁰. Скорее всего в это время князь еще находился в Калуге, куда был отправлен Василием III на время поездки последнего в Новгород и Псков¹¹.

Нет никаких оснований, на наш взгляд, говорить о номинальности прав Семена Ивановича в Калужско-Бежецком уделе в 1509-1511 гг. Уже упоминалось о дарованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю на владения в Бежецком Верхе. К 1509 г. относятся известия о деятельности Ивана Данилова и Третьяка Лылова - "писцы князя Семена Ивановича, ... описали весь Бекитцкой Верх"¹². Судебные дела в Бежецком Верхе докладываются ему как "государю". В царском архиве сохранились списки с докончальных грамот Семена Ивановича с великим князем¹³.

В 1511 г. князь Семен Иванович попытался бежать в Литву, однако был задержан и прощен лишь благодаря печалованию митрополита Симона и братьев великого князя, который тем не менее "людей его и бояр и детей боярских всех перемерил"¹⁴. В настоящий момент не представляется возможным сколько-нибудь достоверно определить истинные причины, побудившие калужского князя к совершению столь рискованного шага.

Попытка отъезда в Литву обернулась для Семена Ивановича не только сменой лиц его окружения. После 1511 г. нет ни одного упоминания о какой-либо его самостоятельной политической или военной деятельности. С этого времени он постоянно находится в Москве или сопровождает великого князя в его походах и разъездах¹⁵. В 1512 г. нападение татар на окраины Русского государства из Козельска и Калуги отражал князь Иван Михайлович Воротынский, удельный же князь при этом даже не упоминается¹⁶.

С.М.Каштанов, опираясь на факт выдачи великим князем Василием Ивановичем Московскому Богоявленскому монастырю жалованной грамоты на владения в Бежецком Верхе, датированной 30 декабря 1511 г., сделал вывод об изъятии у князя Семена Ивановича бежецкой половины его удела¹⁷.

В настоящее время имеется возможность утверждать, что удел князя Семена Ивановича был полностью ликвидирован еще при его жизни. В рукописи ГИМ, Син. 755, содержащей текст Жития Григория Омиритского, на л. 280 имеется надпись: "В лето 7025 написана бысть сия книга рекомы Григорие Амиритский в обители пречистыя богородица Иосифова монастыря при благоверном и христоролюбивом великом князи Василие Ивановиче всея Руси самодержца и при братиах его иже суть княжили тогда на своих вотчинах князь юрьи Иванович в Дмитрове, а князь Дмитрий Иванович на Угличе, а князь Симеон Иванович тогда на Москве, поне свел князь великий с его уделу, да жил на Москве и до смерти. А князь Андрей Иванович тогда еще не на уделе..."¹⁸. Данная запись не только подтверждает вывод С.М.Каштанова о конфискации у Семена Ивановича после попытки бегства в Литву Бежецкого Верха, но и дает возможность говорить о полной ликвидации его удела, не называя однако точной даты этого события.

В установлении точной даты нам может помочь обнаруженный в столбцах Поместного приказа ЦГАДА список жалованной грамоты царя Михаила Федоровича Воротынскому Спасскому монастырю, датированной 20 октября 1626 г., в которой, в частности, говорится: "...А в Приказе Сыскных дел боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову да дьяку нашему Семену Бредихину стряпчей отца нашего великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии Кер Патрекеев подал подписную челобитную, а в челобитной их написано нашего жалованья у всемилостиваго Спаса вотчины старинные, и на те де у них вотчины жалованные грамоты прежних государей царей и великих князей всеа Русии ветхи, и нам бы их пожаловати, велети те жалованные грамоты переписать вновь на наше государское имя, а на челобитной их помета думного дьяка нашего Федора Лихачева.

Пожаловали мы, велели у них старых жалованных грамот взять досмотрети и дати им нашу государскую жаловальную новую грамоту по нашему государскому по новому Уложению.

Да положил Кер Патрекеев в Приказе Сыскных дел восемь грамот, три грамоты великого князя Василья Ивановича всеа Русии лета 7019 и 20-го, а в тех грамотах написано их монастырька вотчина в Воротынском уезде сельцо Орюшково да в Калужском уезде в Городцком стану деревня Шербово Поляна, деревня Жебино, деревня Дедова Поляна, деревня Кузлова да их же плесо монастырское на реке на Оке под их землями, да их же рвы монастырские на нашей земле на речке на Выроце, а велено им то плесо ловить и рвы копать по старине, да в Козельском уезде в Людском стану деревня Фроловичи; да две грамоты великого князя Ивана Васильевича всеа Русии 43 и 56 году, одна несудимая, а другая лютная на те же деревни, которые в грамотах великого князя Василья Ивановича всеа Русии имяны писаны...¹⁹.

Исходя из упоминания в приведенном тексте жалованных грамот Василия III и предполагая, что именно к ним относится наиболее поздняя дата 7020 г., мы можем датировать ликвидацию Калужского удела периодом между 1 сентября 1511 г. и 31 августа 1512 г. Однако, сопоставив датировку этих грамот с фактом распоряжения великого князя Василия Ивановича в Бе-

кецком Верхе в декабре 1511 г., мы можем утверждать, что конфискация Калуги и Козельска у удельного князя произошла осенью - в начале зимы 1511 г., в результате чего Семен Иванович именно с этого времени был лишен возможности сколько-нибудь существенным образом влиять на развитие политических событий второго десятилетия XVI века.

- 1 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков. М.-Л., 1950. С.360, № 89.
- 2 Полное собрание русских летописей (Далее - ПСЛ). Пг., 1921. Т.24. С.215).
- 3 Акты Русского государства 1505-1526 гг. М., 1975. № 50. (Далее - АРГ); Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI в.М., 1967.С.222.
- 4 Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т.1. Ч.1. Вып.1. С.92. (Далее - РК 1475-1605 гг.).
- 5 Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.С.98.
- 6 Каштанов С.М. Из истории последних уделов // Труды МГИИИ. М., 1957. Т.10. С.289.
- 7 АРГ. № 57, 61.
- 8 АРГ. № 57; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988. С.75-76. Осенью 1508 г. был В.И.Голенин на службе в передовом полку великого князя (Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.42. (Далее - РК 1475-1598 гг.); РК 1475-1605 гг. С.93).
- 9 АРГ. № 61.
- 10 Там же. № 57.
- 11 РК 1475-1598 гг. С.44.
- 12 Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983. С.70. № 63.
- 13 Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С.21.
- 14 ПСРЛ, М.-Л., 1965. Т.13. С.13.
- 15 Зимин А.А. Россия на пороге. С.151, 155, 160, 188.
- 16 РК 1475-1605. С.122; Зимин А.А. Служилые князья в Русском государстве конца XV - первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв.М., 1975.С.35, прим.78
- 17 Каштанов С.М. Социально-политическая история. С.254; Акты Московских монастырей и соборов 1509-1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984. С.65-67, № 3.
- 18 Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева). М., 1970. Ч.1. С.54.
- 19 ИГАИ. Ф.1209. Столбцы. По Калуге, стб.1082/26661. Л. 97-98.

СТОГЛАВ: ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ОРИГИНАЛ ПОЛНОЙ РЕДАКЦИИ

В ряду так называемых "обобщающих мероприятий" середины XVI в. правительства Ивана Грозного, связанных с образованием Русского централизованного государства, одно из важных мест занимает церковный собор 1551 г. с участием царя и светских представителей власти. Результатом работы собора явился сборник его постановлений, известный в литературе как "соборное уложение" или Стоглав. В нем отразились многие проблемы русского общества XVI в., прежде всего связанные с устранением недостатков в церковной и монастырской жизни: устанавливалось единообразие церковных служб, осуждалось взяточничество и волокита в церковном суде, были приняты меры к его централизации, критиковалась жизнь в монастырях, куда постригались "покая ради телесного". Ряд постановлений был связан с контролем за духовной жизнью общества: устанавливался строгий надзор за иконописанием, запрещалось чтение еретических и отреченных книг, подчеркивалась необходимость содания училищ для обучения грамоте и т.д.

Вопросы, поднятые на соборе 1551 г., волновали русское общество не только в середине XVI в., но и в течение долгого времени после него. Об этом свидетельствует существование многочисленных списков Стоглава XVI-XIX вв., выписок из него и ссылок, содержащихся в сборниках религиозного и исторического содержания. Одной из важных проблем в изучении постановлений Стоглавого собора 1551 г. является проблема классификации многочисленных сохранившихся списков.

Первую попытку систематизировать рукописи, содержащие Стоглав, предпринял Д.Ф. Стефанович. До него ряд ученых ставили вопрос о редакциях Стоглава: Макарий, И.Н. Жданов, Е.Е. Голубинский, М.М. Громогласов¹, но их исследования основывались на опубликованных списках. Д.Ф. Стефановичем было выявлено 96 списков: 80 списков Обширной или Полной редакции Стоглава и 12 отрывков, ей принадлежащих; 5 списков Краткой редакции и 3 списка так называемого "Макарьевского Стоглавника". Им же были проанализированы "Правила", изданные

Н.Калачовым, которые отдельные исследователи, в частности Макарий, считали первоначальной редакцией. Основываясь на палеографическом изучении рукописи, содержащей "Правила", Стефанович вслед за Хдановым пришел к выводу, что они представляют "переделку особого извлечения из Стоглава обширной редакции", составленную "для целей пастырских и богослужбных..."². Происхождение Краткой редакции относится к началу ХУП в., так как в ее списках имеется ссылка на печатный служебник, первое издание которого вышло в 1602 г.³ Что касается "Макарьевского Стоглавника" - списка, имеющего ряд особенностей, в частности, иной распорядок глав, то Д.Ф.Стефановичу удалось найти его протограф, хранящийся сейчас в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q.П.48). Он совпадает с "Макарьевским Стоглавником" по расположению текста, но в то же время в нем сохранилась нумерация глав обширной редакции Новгородской ее группы по классификации Д.Ф.Стефановича⁴.

В настоящей работе стоит задача выяснить, что мог представлять собой первоначальный текст Полной редакции Стоглава, какие списки наиболее точно его передают и впоследствии могли бы стать основой для новой научной публикации памятника. Дальнейшая же история текста, его последующая переработка - задача будущих исследований.

Списки Полной редакции Д.Ф.Стефанович разделил на две группы: Московскую и Новгородскую. В свою очередь, в Московской он выделил 5 подгрупп. В основу систематизации списков Д.Ф.Стефанович положил исследование списков по составу, т.е. наличию следующих частей и порядка глав: Сказание главам; предисловие составителя Стоглава и послания царя к собору (I-4 гл.); первые 37 царских вопросов (5 гл.), ответы на них собора (6-40 гл.); вторые царские вопросы и ответы на них собора (41 гл.); продолжение ответов собора (42-98 гл.); послание собора к бывшему митрополиту Иоасафу в Троице-Сергиев монастырь (99 гл.) и его ответ (100 гл.); приговоры собора: приговор о вотчинах от II мая и два приговора - от 26 июня и 15 июля, составленные по "долобницам" новгородских священников. Без приговоров списков Стоглава обнаружено не

было. На основании наличия того или иного приговора Д.Ф.Стефанович выявил Московскую и Новгородскую группы. В Московскую он включил те списки, в которых в Сказании главам и в тексте после 100 гл. содержится как 101 гл. — приговор о вотчинах 11 мая 1551 г., в Новгородскую — списки, имеющие: 1) в Сказании главам после 100 гл. приписку "Память соборного уложения, что у митрополичьих бояр в суде сидети 7 старостам поповским, да 7 попов не десятичных, да 7 старост земских, торговых людей добрых, да 7 целовальников земских, а сидети им у митрополичьих бояр на всякую неделю поповскому старосте, да целовальнику и всем на всякую неделю сидети у митрополичьих бояр по 5 человек"; 2) после ответа Иоасафа два соборных приговора 26 июня и 15 июля при отсутствии приговора 11 мая. В списках Новгородской группы ошибочно указывается, что собор происходил в "десятое" лето святительства Макария, в то время как в списках Московской группы — "в девятое".

В Московской группе Д.Ф.Стефанович выделил еще 5 подгрупп в зависимости от добавочных статей — конвоя, который сопровождает зачастую Стоглав:

А. После 101 гл. — приговора 11 мая следует добавление, содержащее "100-е правило У1 Вселенского Трулльского собора в кратком изложении Аристина и с его же толкованием" и под названием 21 главы приведены по Кормчей еще 10 правил, направленных против зрелищ (иногда они встречаются в списках как гл. 102 и 103);

Б. После 101 гл. следует гл. 102 и 103, содержащие приговоры о поповских старостах от 1 июня 1594 г. и от 1 октября 1604 г.;

В. Списки Стоглава оканчиваются 101 главой без каких-либо добавлений;

Г. В 20-й главе излагаются короче молитва о двоеженце, апостол (зач. 231) и отпуст: приводятся только начальные слова, а в 6 списках за 101 главой следует послание Грозного в Кириллов монастырь;

Д. Имеются сокращения не только в 20 гл., но и в 9 гл. В ней указаны только первые слова входного начала.

В Новгородской группе Д.Ф.Стефанович отметил ряд

списков, имеющих в Сказании главам после 100 гл. - 101 гл. - приговор II мая, но в тексте Стоглава он отсутствует. Вместо него имеются приговоры 26 июня и 15 июля⁵.

Проблему взаимоотношения списков московской и Новгородской групп, из которых, по его мнению, Московская - первичная, Д.Ф. Стефанович решает на основе двух принципов: 1) "сличая места в Стоглаве, взятые из других книг, с соответствующими местами первоисточников"; 2) на основе наличия приговоров II мая или 26 июня и 15 июля. Как считает Д.Ф. Стефанович, приговор II мая носил общерусский характер и, будучи органически связанным с "соборным уложением", вошел в его состав как 101 гл. Приговоры 26 июня и 15 июля "имели местное значение только для новгородского духовенства, а второй еще более узкое - лишь для Софийского причта". Кроме того, происхождение Новгородской группы от Московской доказывается еще и тем, что, во-первых, почти во всех известных Д.Ф. Стефановичу списках Новгородской группы в I гл. стоит "в десято" вместо "в девятое" лето святительства Макария (Макарий стал митрополитом в марте 1542 г., следовательно Стоглавый собор 1551 г. был в "девятое" лето); во-вторых, в четырех старейших списках Новгородской группы в 9 гл. опущены слова "ино то не гораздо едино глаголати: или господа или истинного", и, наконец, имеется уже упомянутая группа списков (Соф. 1526, Кир.-Бел. 59-1298, Ф.П. 73, МГАМЦ 364-814), в которых 101 гл. есть в Сказании главам, а в тексте после 100 гл. вместо него - приговоры 26 июня и 15 июля⁶.

Таким образом Д.Ф. Стефанович создает следующую модель взаимосвязи выявленных групп: Московская группа списков -> часть списков Новгородской группы, содержащих приговор II мая в Сказании главам, а в тексте вместо него приговоры 26 июня и 15 июля -> Новгородская группа.

Систематизация списков, предложенная Д.Ф. Стефановичем, имеет ряд недостатков. Во-первых, не устанавливается взаимосвязь между подгруппами "Московских" списков, выбор отличительных признаков непоследователен и содержит противоречия. Выделяя в отдельную подгруппу В, Г и Д по признаку сокращений в 9 и 20 гл. в различные подгруппы попадают списки, имеющие схожие отличительные признаки. Так, списки группы Г

Q.П.45 и Увар.697 и список группы В Писк.477: после IOI гл. в них повторено замечание митр. Иоасафа о игуменах; списки группы Г Q.П.45 и Q.П.47 и списки группы Д Рум.2947 и Сян.647: опущены конец 2 гл. и начало 3 гл. и т.д. Во-вторых, относительно взаимосвязи Московской и Новгородской групп. Текстологический анализ Д.Ф.Стефановича, доказывающий происхождение Новгородской группы списков от Московской, основан на сравнении опубликованных списков: Тр.215 (Московская группа), который, как и Соф.1515, наиболее, по его мнению, близок к оригиналу, и Хл.82 (Новгородская группа). Но при этом не учитывается, что в Новгородской группе есть гораздо более исправные списки (например, Унд.1084, Строев 46 и др.). Кроме того, отличительным признаком списков Новгородской группы Д.Ф.Стефанович назвал год святительства Макария в момент проведения собора, указанное в I гл.: "в десятое" вместо "в девятое". Однако этот признак отсутствует не только в указанных Д.Ф.Стефановичем списках (МГАМЦ 726/1246 и СПб ДА 30)⁷, но также и в списках Чуд.246, Лук.79, Строев 46 и др.

Привлечение 33 новых списков XVI-XVII вв.⁸ и передача известных, а также проведенный нами сравнительный текстологический анализ и кодикологическое исследование отдельных ранних списков дали иные результаты в систематизации существующих списков Полной редакции и их взаимоотношении. При этом необходимо обратить внимание на то, что при любой попытке систематизации списков (только списков XVI-XVII вв. - около 80)⁹ исследователь сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, большое количество списков дошло до нас неполными: в ряде рукописей утрачено Сказание главам (Рум.427, Тихонр.493, Больш.64, Арх.М.12, Муз.3478, 25.2.15, Тихонр.181), или оно более позднее (Барс.182). В ряде списков утрачен конец (Больш.425, Эрм.58 и т.д.) или он был недописан (Сол.933/1050). Во-вторых, в силу большой распространенности списки могли сверяться: Тихонр.493, Увар.697, Эрм.58, Барс.184, Тихонр.523. Так, в рукописи Тихонр.523 на л.139 после приговоров 26 июня и 15 июля следует приговор II мая, который сопровождается записью "Изписано из много Стоглава"; в руко-

писи Тихонр.593 имеется многочисленная правка почерком, отличным от почерка рукописи, а на л.165, где начинается приговор II мая - запись, сделанная той же рукой, что и все другие исправления и дополнения: "А в другой (рукопись - Б.Б.) лета 7059 июня в 26 день". В списках Увар.697, Эрм.58, Барс.184, Погод.1948, СПб ДА 277, также имеются исправления и пометы почерком, отличным от основного. В-третьих, рукописи реставрировались в ХУП-ХIХ вв., и при утере отдельных частей они могли дополняться и восстанавливаться по другим рукописям, часто относящимся к различным группам: Хлуд.84, Унд.1084. О.П.ИИ, Больш.425, Рум.426, Больш.64, Увар.697, Муз.2449, Муз.1662, Строев 43, СПб ДА 30.

Кроме того, решения Стоглавого собора непосредственно были связаны с практикой богослужения, церковного суда и т.п., поэтому не исключается возможность, что отдельные главы могли сверяться с соответствующими источниками. Так, в Московской группе есть списки, в которых в 7-й главе ("Указ о звону и о церковном пении по уставу и по священным правилам") есть ссылка на житие св.Фаласия¹⁰. Д.Ф.Стефанович, анализируя возможные источники 7-й гл., приводит примеры церковного Устава. В одном случае (ОР ГПБ, Погод.271) эта ссылка отсутствует, а в другом она есть (ОР ГПБ, Ф.1.25)¹¹.

Наконец, список Стоглава мог быть использован как текст для переписывания теми, кто учился писать. Так, на одной из рукописей имеется следующая запись: "Книга, глаголемая Стоглавник, а писал сию книгу Яков Ушаков, а сию книгу хто станет честь и ему б пожаловать не подивить: книга не исправлена, и та книга честь не подобает, а писал для ученья писанию"¹².

Большой объем памятника и большое количество списков не позволяют сравнить весь текст списков Стоглава, а при выборочной текстологии возможна случайность в выборе отличительного признака для той или иной группы и полученные результаты носят в значительной степени условный характер. Тем не менее, текстология списков ХУI-ХУИ вв. на макроуровне, то есть сравнение их по составу, текстологическое сравнение Склавания главам, названий глав в тексте и вопросов (69), а также

начальных и заключительных фраз, что является I-м этапом работы, позволяет внести некоторые коррективы в схему классификации списков Д.Ф.Стефановича¹³. На II-м этапе работы для уточнения и конкретизации полученной предварительной классификации списков по части списков (Рум.425, Писк.4I, Тр. 2I5, Хл.82, Строев 46, МДА I9I и Муз.10688) сверялись главы: I, 2, 5-7, I4, 3I, 34, 39, 4I, 50, 52, 54, 60, 67, 73, 75, 89, 98-10I; затем текст отдельных из них сравнивался полностью: Рум.425 (далее Рм), Писк.4I, Тр.2I5, Хл.82. Также привлекались опубликованные списки Казанского и Субботинского изданий¹⁴: Сол.932, Сол.933, МДА I94. Названные списки представляют выявленные группы, подгруппы и виды на основании I-го этапа сравнительно текстологического анализа рукописей Стоглава. Для текстологического анализа был привлечен также "Устав Владимира", представляющий 63 гл. и опубликованный по 57 спискам в книге "Древнерусские княжеские уставы"¹⁵. Были привлечены также списки XVI в. так называемых "наказных списков" Стоглава, как опубликованных: Владимирского (10 ноября 1551 г.), Каргопольского (2 февраля 1556 г.)¹⁶, в Вязьму и Улепен¹⁷, в Симонов монастырь (июнь 1551 г.)¹⁸; так и неопубликованных: списка 1580 г. "наказной грамоты" в Смоленск в сборнике МДА 108¹⁹, с которого впоследствии снял кошку А.Е.Викторов²⁰. В связи с дискуссией в XIX в. о "каноничности" Стоглава вопрос о его соотношении с "наказными списками" долгое время находился в центре внимания ряда исследователей. И.Д.Беляев, И.В.Беляев, А.Я.Шпаков, И.М.Громовласов и др. считали, что "наказные списки" были составлены на основе Стоглава²¹. И.М.Добротворский, арх.Никанор, И.Кононов находили, что "наказные списки" скорее являлись его источником²². "Наказные списки" различны по своему содержанию. И если происхождение от Полной редакции Стоглава "наказного списка" типа митрополичьей грамоты в Симонов монастырь не вызывает сомнений, так как нумерация глав, предлагаемая к ней, и сохранившиеся списки их текстов совпадают с текстами соответствующих глав в Стоглаве, то относительно остальных вопрос остается пока открытым.

Предложенная методика работы, конечно, не может дать подробного представления об истории текста Стоглава на

протяжении второй половины XVI-XVII в. Тем не менее, она даст возможность внести изменения в классификацию списков полной редакции Стоглава Д.Ф. Стефановича и очертить тот круг списков, текст которых ближе других находится к тексту архетипа Полной редакции.

На основании состава рукописей Стоглава - наличия приговоров - их можно разделить не на две группы, как предлагал Д.Ф. Стефанович, а на три:

1. Московская (далее М): списки содержат в Сказании главам и в тексте 101 гл. - приговор 11 мая 1551 г.;

2. Новгородская (далее Н): в Сказании главам после 100 гл. следует приписка "Память соборного уложения", а после 100 гл. текста следуют приговоры 26 июня и 15 июля;

3. Московско-Новгородская (далее М-Н): в Сказании главам содержится 101 гл. - приговор 11 мая, а в тексте вместо него - приговоры 26 июня и 15 июля. (См. приложение I).

В группе М различаются две подгруппы М1 и МП:

М1 (Рм)

МП

гл.5, вопр.2. О антими́сах.
Продажу чинят великую...
(л.31 об.)

О антими́сах. Антимиси отдая,
продажу чинят великую...

Гл.50. Да духовным же пастырем архимандритам и игуменом и строителем и с соборными старцы (л.142)

всем монастырем архимандритом и игуменом, и строителем, и с соборными старцы...

и т.д.

В подгруппе М1 часть списков соответствует подгруппе А в классификации Д.Ф. Стефановича. Условно назовем их Троицкий вид (по наиболее раннему списку, непосредственно восходящему к Рм) - Тр.215²³, в отличие от Румянцевского (по списку Рм).

В подгруппе МП различаются два вида: Пискаревский (по списку Писк.41²⁴) и Академический (по списку МДА 191²⁵). Хотя список Писк.41 датируется XVII в., он передает какой-то очень ранний текст, так как оглавление предваряется записью "Сия богоспасаемая книга Стоглав именуемал. Сказание главам

книги сея. Глава I. Лета 7059 месяца февраля в 23 день. Новое уложение, в нем же IOI глава". "Новым уложением" постановления собора I55I г. могли именоваться только в современное собору время. Списки Академического вида соответствуют подгруппе Б по схеме Д.Ф.Стефановича. Списки этого вида вероятно появились после I604 г., когда к Стоглаву в качестве IO2 и IO3 гл. присоединены были два приговора о поповских старостах от I июня I594 г. и I октября I604 г. В главе IOI в списках Пискаревского вида пропуск: "А кто без государева ведома в сих городех во Тфери, в Микулине, в Торжке, в Оболенску, на Балеозере, на Рязани, да суздальским князем, да стародубским князем в которой монастырь даст по души без государева доклада..." до слов "...да те вотчины отдавати в поместья. Аминь". В списках Академического вида - пропуск: "А кто без государева ведома в которой монастырь вотчину свою даст по душе..." до слов "...до сего государева приговору".

Пискаревский вид (Писк.4I) Академический вид (МДА I9I)

Гл.4 И в сельное на десять
возраста его...

И в сельное на десять воз-
раста моего...

Гл.5, вопр.36. О иже не вно-
сити в алтарь пьянственного
пития...

О иже не вносить в алтарь
явственного и пития...

и т.д.

Как уже отмечалось, списки группы Н²⁶ отличаются от списков М тем, что после IOO гл. следуют приговоры 26 июня и I5 июля. Но текстологическое сравнение показало, что списки группы Н имеют чтения, сходные с МП, но отличные от МI:

МI (Рм)

Н (Строев 46, Хл.82) и МП
(Писк.4I и МДА I9I)

Гл.7

...и во день недельный долж-
но есть служба творити...
(л.50 об.)

...и во день недельный
должно есть творити...

Гл.4I, вопр.6

...святыи крест да над мисою
держит... (л.99)

...святыи крест над ними ж
держит...

и т.д.

То, что списки Н и МП имели общий протограф, подтверждается наличием в 4 гл. выделенного киноварью текста (списки Н: Унд.1084, Хл.82, Строев 46, Шук.79; списки МП: Арх.М.12, Писк.41): "и тех великих новых чудотворцов молитвами начахом правити царство свое елико довлеет по благодати божи. В 2I лето от родства и осмое на десять лето царства моего по повелению нашему архиепископы и епископы, и архимандриты и игумены и пустынники, и духовные старци, и протопопы, и попы и со всеми освященными соборы всего нашего российского царства в царствующем граде Москве собравшась и во святей соборной апостольстей церкви пречистые Богородици соборные молебны пев и вкупе моление совершив в дому порученному мне от бога прародителей наших и нашего строения в царских полатах шедшись вкупе и начахом о бозе творити и дело сице"²⁷.

Однако в списках группы МП имеются отличия от списков МI и Н:

МI (Рм) и Н(Строев. 46.Хл.82)

МП (Писк.4I, МДА I9I)

Гл.50

Да духовным же пастырем архимандритом и игуменом и строителем... (л.142)

Да духовным же пастырем по всем монастырем архимандритом и игуменом и строителем...

и т.д.

Своеобразие последней группы списков Стоглава М-Н заключается в том, что в Сказании главам имеется 101 гл. - приговор 11 мая, однако в тексте его нет: за 100 гл. следуют приговоры 26 июня и 15 июля. После приговоров - Помогаион Иоанна Постника²⁸. Текстологическое сравнение списков этой группы с другими рукописями Стоглава показало, что протограф этой группы скорее всего был создан на основе двух списков - один принадлежал группе Н (типа Унд.1084, Хл.82), другой МП:

Сказание главам. Гл.8
 О божественных службах со-
 борный ответ (л.1 об.)

О божественных службах и о
второбрачных дьяцах соборный
 ответ

и т.д.

H (Строев 46. Хл.82)
 Гл.5, вопр.2. О антимисах.
 Продажу чинят великую...
 Гл.34

MI (Писк.41) и M-N (Муз.10688)
 О антимисах. Антимисы отдавая.
 Продажу чинят великую...

...предани будут церковному
 суду (л.86)

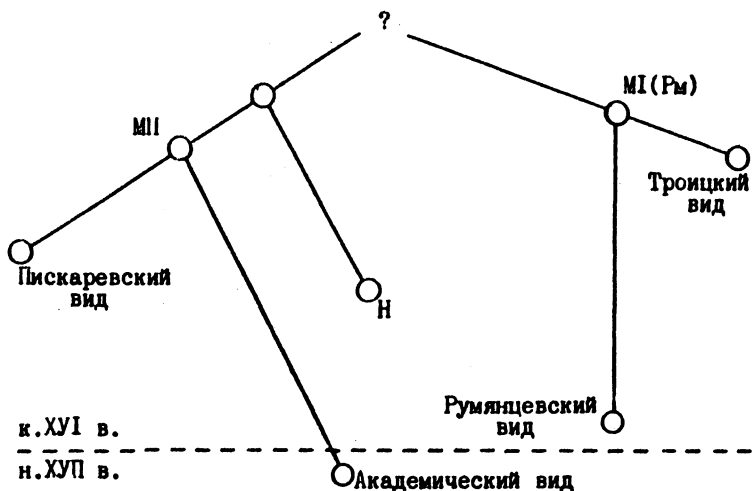
... предани будут царьскому
 суду

и т.д.

Таким образом, вывод Д.Ф.Стефановича о происхождении списков Новгородской группы от Московской требует пересмотра. Скорее всего первоначальный вариант Стоглава был без приговоров. Затем к нему был приписан приговор II мая, а к списку, предназначенному для Новгорода - приговоры 26 июня и 15 июля.

Но, как уже отмечалось, полученная классификация списков Стоглава Полной редакции во многом носит условный характер. Поэтому особо следует сказать о ряде списков XVII в., в которых имеется три приговора: Увар.II3, Тихонр.523, А.П.30, списки с общим протографом: Унд.46, Погод.III4, Q.П.80. На основании текстологических особенностей эти списки восходят к группе H, а приговор II мая или упоминание о нем (Кир.-Бел.59, Тихонр.372) появилось позже на основании сличения с другими рукописями Стоглава²⁹.

Установленное взаимоотношение списков тем не менее оставляло открытым вопрос, в каком отношении к архетипу Полной редакции Стоглава относится протограф списков MI и H и группы MI:

Ответ на этот вопрос можно найти, если обратиться к рукописи Рм.

Рм - 4⁰, ІУ-263-УШ л., у корешка листы подклеены, пагинация буквенная (при нумерации листов допущено четыре ошибки). Рукопись написана на бумаге 5 типов, не считая более поздних переплетных листов (на л.УІ - литеры І мр, pontozo 24-25 мм);

1. Перчатка І - с шестью фестонами, на ладони сердце, над пальцами корона, pontozo = 29-31 мм - подобная филигрань в справочниках в Царском списке Четий-Миней (см.: Лихачев № 1670 = 1553 г. Брике № 10996 = 1542 г.). По мнению В.А.Кучкина, Царский список получил окончательное оформление осенью 1550 г.³⁰: л.1-38; 47-96; 174-175;

2. Перчатка ІІ - с шестью фестонами, над пальцами корона pontozo 28-30 мм, тип б.Лихачев № 2859 - бумага с аналогичным маркировочным знаком встречается в Патриаршем списке Никоновской летописи (50-е гг. ХУІ в.)³¹: л.ІІ7-124, 155-160;

3. Литеры Р и R в картуше, pontozo 27-29 мм - тип, тождественный Лихачев № 4064 = 1554 г., л.39-46, 97-116,

125-154, 161-173, 176-157. Это наиболее распространенная бумага в рукописи;

4. Кувшин - фрагменты, понтызо 19-21 мм - подобная филигрань в справочниках не обнаружена: л.258-261.

5. Герчатка Ш - над пальцами крестообразная розетка, понтызо 23-24 мм - тип б. Дихачев № 1328-1488-1489 гг. (так!) - Е.Б.): л.262-263. Листы были использованы при переплете в конце XVI - начале XVII в. и текст, содержащийся на них, к Стоглаву отношения не имеет.

Тетради в рукописи не пронумерованы. Их определение и нумерация носят условный характер. Встречаются тетради сборные, состоящие как из парных, так и отдельных листов, склеенных друг с другом. Количество листов в каждой тетради колеблется от 2 до 12. Кроме того, при переплете отдельные листы у корешка подклеивались полоской бумаги.

Текст Стоглава с приговором написан 6-ью почерками:

Почерк I - скорописный полуустав - л.1-6, 47-75, 97-116, 161-173, 176-187, 190-192;

Почерк II (скорописный полуустав) - л.6 об. и 258 об.-161 об. Этим почерком написан приговор II мая и им же приговор вписан в Сказание главам, но не пронумерован.

Почерк III (скорописный полуустав) - л.7-22 об., 31-31 об., 117-157, 174-175, 188-189 об., 193-257;

Почерк IV (полуустав) - л.23-30 об.;

Почерк V (скорописный полуустав) - л.31 об.-46 об., 76-92;

Почерк VI (полуустав) - л.154-160 об.

Тетрадь I (л.1-6), состоящая из 6 парных листов, содержит Сказание главам, написанное почерком I, к которому почерком II приписан приговор II мая. Тетради по 8 листов: л.7-14 и 15-22 написаны почерком III и содержат текст 1-3 глав до слов "...Также и весь священнический собор и иноческий чин, якоже предаша вам святии отцы седми святых соборъ вселеньских и поместных, праведный закон утвержати и истинную православную веру христиань...". Затем следует тетрадь (л.23-30), написанная полууставным почерком IV, содержащая продолжение 3 гл. до слов 5 гл., I вopr.

"...указ учинили по божественному уставу и по священным правилом сполна". Следующие 5-я и 6-я тетради содержат продолжение текста I вопроса, написанное почерком III (л.3I-3I об.) и остальные вопросы 5-й главы, написанные почерком У (л.3I об.-46 об.). Л.47-76 составляют 7-10 тетради (л.47-75 об.) содержат главы 6-29, текст которых, видимо, переписывался почерком I, так как нумерация глав расположена как внутри текста, так и на полях, а л.75-75 об. написаны более мелким почерком с большим числом вносных букв, чем это свойственно данному почерку; в 9-й тетради л.7I и 76 непарные, с последнего 76 л. начинается текст гл.30-40, который продолжается почерком У до л.96. Причем л.77-82 представляют тетрадь (I-n) из 6 парных листов, л.83-92 (тетрадь I2) - из 10 парных листов. Тетрадь I3 - неполная: л.95-96 - парные, л.93 склеен с л.92, а л.94 приклеен к л.95, так как парные листы и л.95 и 94 были отрезаны в связи со смысловым окончанием текста. Нижняя половина л.96 также отрезана и приклеена чистая половина листа. По линии отреза верхней половины листа видны фрагменты букв, что свидетельствует о том, что текст 40-й главы имел продолжение. Обратная сторона л.96 - чистая.

Гл.4I - вторые царские вопросы - начинается с новой тетради и написана почерком I на л.97-II6 об.: I4-я тетрадь (л.97-I02) - из 6 парных листов, I5-я тетрадь (л.I03-II0) - из 8 парных листов, I6-я тетрадь (л.III-II6) - сборная: состоит из 4-х парных листов (II3 и II6, II4 и II5) и 2-х непарных (л.III и II2). Половина л.II6 об. - чистая.

Главы 42-52, написанные почерком III, содержатся на л.II7-I53 об. В тетрадях I7-20 по 8 парных листов в каждой.

В следующей 2I-й тетради (л.I49-I54) последний лист, перед которым заканчивается текст главы 52 был заменен, половина л.I53 об. осталась чистой. Л.I54-I60 об. (л.I54 + 22-я тетрадь из 6 парных листов) написаны полууставным почерком VI и содержат главы 53-59.

На л.I6I-I92 об. находятся главы 60-69, написанные почерком I. Но в 24-й тетради лист, парный л.I7I, отрезан и заменен парными листами I74 и I75, содержащими текст со слов 67 гл. "...или кому повелят судити, а не от мирских..."

до слов гл.68 "...или кому повелят по цареву слова, да не порочен будет суд святительской" включительно. Этот текст написан почерком Ш, но более мелко. Этим же почерком написаны также вставленные л.188-189 об. (со слов гл.69 "...сятинник или диак через Судебник лишнее и посул возмет: и о том обыскав без суда теми старостами и священники..." до слов "...А которые тиуны неделшики, стакався з блудницами и с ябедники, учнут..." включительно), причем половина л.189 оставлена чистой. Чистыми оставлены половина л.192 и его оборотная сторона. Л.178-185 и л.186-196 представляют собой склеенные парные и одинарные листы: л.178-183, 184, 185 - одинарные; л.179 и 182, 180 и 181, 188 и 189 - парные; л.178 и 183, 183 и 184, 186 и 191, 187 и 190, 192 и 196 - склеены попарно. Таким образом тетради 24 (ф.169-177), 25 (л. 178-185), 26 (л. 186-192) - сборные.

Л.193-257 содержат 70-100 гл., написанные почерком Ш. В этой части рукописи также встречаются склеенные непарные листы в тетрадах: 193 и 196, 194 и 195, 204 и 211, 237, и 242. Количество листов в каждой тетради колеблется от 4 до 10. Кроме того, отличительной особенностью расположения текста является то, что по несколько строк (2-6) на некоторых листах недописаны, как правило, если на следующем листе начинается другая глава: л.198 (перед 74 гл.), 205 (перед 78 гл.), 212 об. (перед 80 гл.), 238 об. (перед 93 гл.), 242 (перед 94 гл.) и т.д. В предпоследней тетради (л.251-256) рукописи текст ответа Иоасафа заканчивается на л.257. Половина л.257 и его оборотная сторона остались чистыми. Последний лист, парный л.251 был отрезан и к тетради подклеен лист другого типа бумаги с текстом начала приговора 11 мая, остальные три листа этой же бумаги с приговором склеены попарно с чистыми переплетными листами и вместе с парными листами 262-263, не имеющими отношения к Стоглаву, (л.258-УП) составили тетрадь (36) из 10 листов. Текст приговора, как уже отмечалось, не пронумерован как 101 гл., в Сказание главам он вписан позже; а почерк и бумага, на которой он находится, также в рукописи больше не встречаются. Видимо, приговор первоначально в рукописи отсутствовал и мог быть добавлен несколько позже. Первоначально пропущенный

текст приговора: "А кто без государева ведома в сих городех..." до слов "...А которые вотчины свои..." (далее текст обрывается) дописан почерком I.

Кодикологические особенности рукописи, имеющаяся в ней многочисленная правка свидетельствуют о том, что была проведена большая редакторская работа. Рукопись предназначалась для дальнейшего переписывания, тиражирования. В ней сохранилась разметка: над заглавными буквами, которые предполагалось выделить, стоит крестик, а иногда они обведены несколько раз обычными чернилами либо киноварью. Номера глав не всегда проставлены тем почерком, которым написан соответствующий текст: л.154-160 об. написаны почерком VI, а номера - почерком III, этим же почерком проставлены номера глав на л.161-192, написанные почерком I.

Более того, текст рукописи Рм создан с привлечением текста, подобного так называемому "Смоленскому наказному списку", частично дошедшему до нас в копии в составе сборника епитимийных правил и уставов 1580 г. - МДА 108. На него в свое время обратил внимание Н.Кононов, считая его, как, впрочем, и другие "наказные списки" источником для Стоглава, который был создан, по его мнению, не раньше 1554 г.³² В целом его концепция, на создание которой оказала влияние дискуссия об официальном и неофициальном происхождении Стоглава, является достаточно спорной³³. Тем не менее его гипотеза о "Смоленском наказном списке" как источнике Стоглава не лишена оснований в свете новых данных, полученных в результате текстологического и кодикологического исследования Рм. Статьи "Смоленского наказного списка" совпадают с текстами некоторых глав Стоглава, но изложение ведется от первого лица - митрополита (см. ниже). Названия некоторых из глав сохраняются, но их нумерация отсутствует, и расположение текста в них несколько иное.

Статьи предваряются вступлением, совпадающим с частью 6 гл. "Царя и великого князя Иоана Василевича всеа Русии и просвещеннаго Макария митрополита и боголюбивых епископ сборное уложение в царствующем граде Москве и по всем градом о церковном чину по соборным церквам священным протопопом,

старостам и десяцким... ..Такое ж бы моли бога о благоверных князех и о боярех, и о христоробивом воинстве и устроении земском, и о тишине, и о здравии, и о спасении всего православного христианства (л.85-85 об. , ср.: Рм, л.47-50), частью 34 гл. "Яко да человеколюбец господь бог, видя всех нас обращение... ..ни всякаго пребогатнаго своего благого воздаяния" (л.85 об.-86, ср.: Рм, л.83 об.) и "А учнут которые священники и дьяконы жити в слабости и во пьянстве... ..чад своих наказывали и учили страху божию" (л.86-87 об., ср.: Рм, л.84-85 об.) и частью 37 гл. "Чтобы промеж себя и в суседстве жили любовно... .."Мне месть аз воздам" - глаголет господь" (л.87-87 об., ср.: Рм, л.90-90 об.). За вступлением следует статья, соответствующая тексту из 40 гл. "О стрижении брад - Правило святых сице глаголет, - Аще кто браду бреет... ..от еретик бо се навыкоша" (л.87 об. - 88, ср.: Рм, л.93 об.-94), статья "Ответ о вдовых попех и дьяконех" (л.88-89 об.), соответствующая 81 гл. (Рм, л.217-219). К последней присоединены тексты, соответствующие 91 гл., но без названия (л.89 об.-90, ср.: Рм, л.233 об.-234 об.) и части 31 гл. "Подобает ведати архиереом рукою благославляти и знаменоватися и поклонитися, яко же предаша святии отцы... ..и потом поклонятися душею и телом, умом и сердцем и всем помышлением пречистому образу и животворящему кресту господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пречистой богородицы и всем святым" (л.90-90 об., ср.: Рм, л.77-77 об.). За названными статьями следует обращение к священникам "И вы бы священники и десяцкие и все священники о всех о тех предреченных наказаниях по священным правилом детей своих духовных, всех правосла...". Далее текст обрывается и последующие листы рукописи утрачены. Л.91-102 об. содержат статьи, включающие апостольские и отеческие правила, правила вселенских соборов, Устав Владимира, послание митрополита Киприана, постановление Стоглавого собора о святительском суде. В Стоглаве эти статьи соответствуют 53-66 гл. (Рм, л.154-173 об.). Далее следуют статьи, текст которых совпадает с главами 67-69, но его расположение иное. Если сопоставить текст названных глав в Рм, при том учитывая

проведенное кодикологическое исследование рукописи, а именно, установленную замену в Рм л.174-175 об. и 188-189 об., и соответствующий текст в сб.МДА 108, то окажется, что последний представляет более ранний вариант текста.

Так, первоначально, судя по рукописи МДА 108 в статье "О несудимых грамотах" шел текст, соответствующий главе 67 и большей части главы 68 со слов "А монастыри и казны монастырские ведают и отписывают по всем монастырем царя и великаго князя дворецкие и дяки..." до конца (л.104 об.-109); статья "О венечной пошлине царев указ и соборное уложение", соответствующая главе 69-й заканчивалась словами "...и о том святителем над своими бояры и дворецкими и дяки бречи накрепко, чтобы у них суд был праведен безо всякие хитрости и коварства, и лихоимства всякого, и продажи, и волокиты безмерныя" (л.109-114). Затем следовал "Соборный ответ о архимандритех и о игуменех и о священникех и о дяконех и о всем священническом сину и иноческом", соответствующий началу 68 гл. и концу 69 гл. Именно так и выглядел сначала текст в Рм, создателям которой для того, чтобы привести текст в настоящий вид, понадобилось убрать лист с текстом "или кому повелят судити, а не от мирских... ..да непорочен будет суд святительской" и заменить его двумя парными листами 174-175 об., на которых был переписан текст с заменного листа "или кому повелят судити, а не от мрских..." до слов "управу чинит по Судебнику и по царской уставной грамоте и по соборному уложению". За ним под номером гл.68 вставлено начало статьи "Соборной ответ о архимандритех, и о игуменех, и о священникех, и одяконех, и о всем священническом и иноческом чину..." до слов "...в таких винах градские судии да судят по царским законам", а уже затем добавлен остальной текст с заменного листа "А монастыри и казны монастырские ведут и отписывают... ..да непорочен будет суд святительской". Таким образом, текст, который первоначально относился к статье "О несудимых грамотах" вошел в статью "Соборный ответ о архимандритех, и о игуменех и о священникех, и о дяконех, и всем священническом и иноческом чину" как гл.68. А текст, первоначально

входивший в "Соборный ответ о архимаритех..." со слов "...А тиунам и неделщиком митрополитом и архиепископским и епископским со ябедники и с блудницами зговору не чинити..." был присоединен к статье "О вечной пошлине царев указ и сборное уложение", для чего текст со слов "...сятник или дяк через Судебник лишнее и посул не возмет" до слов "...А которые тиуны, неделщики, стакався з блудницами и с ябедники, учнут" был переписан на двух парных листах 188-189 об., вставленных вместо 3-х, включавших, кроме названного текста, часть, вошедшую в 68 гл.

Далее л.118 - чистый, л.118 об. - скоропись ХУП в. "О агнецах".

Текст в остальных статьях сборника МДА 108 расположен иначе, чем в Стоглаве. В статье "О честных святых монастырех от соборных ответ по священным правилом", соответствующей 49 гл., после слов "...и отдавати по книгам архимандритом и игуменом и строителем с соборными старцы в коемождо монастыре" следует "Ответ о святительских и о монастырских деньгах без росту и о хлебе без наспу". В Стоглаве это 76 гл. За ним фрагмент "царского написания", которым в Стоглаве завершается 49 гл. "И всем архимандритом и игуменом и строителем в коемождо монастыре с теми своими соборными старцы о всем о том бречи бога ради за един елика их сила, чтоб церковной чин и монастырское строение шло по чину и по преданию монастырскому по божественному уставу и по священным правилом ничто же предтворяюще".

Статьи "Ответ о священническом и иноческом чину" и "Ответ о приходящих священников" соответствует 50-51 гл. (л.125 об.-129, ср.: Рм, л.142-147 об.). На л.129-132 об. находится статья "Ответ о пианственном питии, яко не подобает во обители питию быти, от него же пианство бывает", но в ней также иное расположение текста, чем в соответствующей ей 52 гл.: после слов "...но да возбранят и запретят к тому такая не творити" следует: "А по которым святым монастырем общим и особ сущим духовныя настоятели архимандриты... ..со всеми святыми в бесконечны веки.Аминь", а затем "И того ради духовные пастири честныя архимандриты

и игумены и строители и архиепископим со ябедники...
...что не пити вина в пьянство".

О более раннем происхождении этой статьи свидетельствует тот факт, что в ней отсутствует замечание Иоасафа, внесенное в Стоглав в 52 гл. Кроме того, в названии главы добавлено "О пианственном питии собрание от божественного писания". Эта фраза в Рм вписана более мелким почерком между концом 51 гл. и началом 52 гл.

Во вступительной статье в тексте, соответствующем 34 гл., изложение ведется от первого лица - митрополита:

МДА 108

Рм

...и о том о всем известно верно, вы протопопы и старосты и десяцкиа священники испытайте священников и добрых людей, и испытавше твердо о всем о том, да возвещайте нашему смиренню (л.86)

...и испытавше твердо о всем о том да возвещают святителям: митрополиту, и архиепископом койждо во всем пределе (л.84 об.)

Перечисленные статьи сборника МДА 108 заканчиваются обращением митрополита к "архимандритам, игуменам и священникам". Этого обращения в Стоглаве нет.

Мог ли в таком случае Рм явиться тем списком, тем "оригиналом", с которого и были сделаны все последующие списки полной редакции Стоглава? Для подтверждения этой гипотезы необходимо обратиться к текстологическим особенностям этой рукописи, в частности, к той многочисленной правке, которая в ней имеется. (См.табл.1). Эта правка полностью отразилась в списках М1 и лишь частично была учтена в списках МП и Н. Из этого следует, что престограф Н и МП был сделан с Рм до того, как в него была внесена правка и до того, как в нем появился приговор 11 мая 1551 г.

Но, с другой стороны, часть правки, имеющейся в Рм, учтена в списках МП и не учтена в списках Н. (См.табл.2).

Если принять во внимание, что при переписывании писец по своей невнимательности мог не заметить правку или заме-

тить ее позже³⁴, что рукописи могли одни сверяться с оригиналом, другие - нет, а также сами писцы могли вносить исправления в текст, если сталкивались с ошибкой, то все это не исключает гипотезу о том, что Рм - это, по всей вероятности, тот архетип, с которого были созданы остальные списки Отглава.

Противоречия и неточности, имеющиеся в Рм в последующих списках, уточнялись независимо от их принадлежности к различным группам. Так, в Сказании глава в названии 73 гл. "Ответ о богадельнях, и о прокаженных и о клосных, и о престаревшихся, и по улицам в скорбех лежащих и на тележках и на санках воящих, не имущим, где главы подклонити" "в скорбех" исправлено на "в коробех", в тексте же - "в коробех". Это разночтение Рм привело к тому, что во всех группах имеются списки с тем и другим чтением.

В Рм в 5 гл. в названии вопроса 36 "О иже не вносити в алтарь пьянственнаго пития" имеется ошибочное чтение: вместо "пьянственного пития" надо - "явственного и пития". В одних списках эта неточность исправлялась, в других - нет.

Ошибочно в Рм разделен текст на гл. 76-77: в Сказании главам: Гл. 76. Ответ о святительских и о монастырских денгах без росту и о хлебе без наспу.

Гл. 77. О том же послания Великаго Василиа к Григорию презвитеру. Однако в 76 гл. кроме ответа собора на вопрос царя о ростовщичестве монастырей содержится поучение митрополита Петра о вдовых попах, которое тематически совпадает с 77 гл., содержащей послание Василиа о вдовых попах, а не текст о ростовщичестве монастырей, как это следует из Сказания главам. Так же как и в предыдущих случаях в одних списках эта неточность исправлялась, в других - нет.

В 89 гл. "О поставлении и о проторех от послания фотей митрополита Киевского и всея Руси во Поков" содержится противоречие с постановлением собора, изложенным в 41 гл. Боли в диаконы поставляти и в попы совершати - рубль московский, да благословенная гривна; а от настольных грамот архимандричих и игуменских по рублю; а от благословенных и от игуменских грамот по полтине; а от патра-

л.7

...и о пшанотвенном
питии и о святитель-
ском суде

доб. на полях: и о пшанотвенном
питии, и прочих овященных чинех
и о святительском суде

л.50 об.

должно есть творити

должно есть служба творити

л.112

И о том вопросити, по-
добает ли черниц...

"И о том вопросити" - зачеркнуто

л.137 об.

и духовным пастырем,
и игуменом по свя-
щенным правилам"

доб. над строкой
и духовным пастырем и строителем
по священным правилам

л.141

добродетельного ради
по бозе жити

"ради" - стерто

л.145 об.

тех новоначальных
пастырем

доб. на полях
тех новоначальных построившихся
пастырем

л.152 об.

и монастырские слух-
бы, и строение, и о
пищи, о обуши

"о обуши" -
стерто

л.200

по монастырскому чину

доб. по монастырскому чину
и по божественному уставу

Таблица I

Стр. 46, Ул. 82, Учл. 1034	МІ Пшк. 41, МДА 191	МІ Тр. 215
проп. "и о прочих священ- ных чинах"	проп. "и о прочих священных чинах"	доб. "и о прочих свя- щенных чинах"
проп. "служба"	проп. "служба"	доб. "служба"
"И о том попросити" есть	"И о том попроси- ти" - есть	"И о том попросити" нет
проп. "строителем"	проп. "строителем"	доб. "строителем"
"ради" - есть	"ради" - есть	"ради" - проп.
проп. "постри- женников"	проп. "пострижен- ников"	доб. "пострижен- ников"
"о обуви" - есть	"о обуви" - есть	"о обуви" - нет
проп. "и по божест- венному уставу"	проп. "и по божест- венному уставу"	доб. "и по божест- венному уставу"

Рм до правки	Рм после правки
л. II об. Молю же ся вам	Молю вас
л. 25 И сим на соборе прочтенным бывше	... бывшем
л. 26 сти телники	светильники
л. 26 гнева божиа	"божиа" - зачеркнуто
л. 32 образы божиа писали	писати
л. I33 ...по всем монастырем свя- щенници и все о Христе братство	доб. "по всем монастырем свя- щенници <u>и дияконы и соборные</u> старци и все о Христе братство
л. I36 об. ...а старых слуг и вклад- чиков не изводити	доб. "а старых слуг и вклад- чиков <u>из монастыря</u> не из- водити"
л. I44 по евангелию о Христе глти	"О Христе" - зачеркнуто
л. I47 во святых церквах свя- щенствовати	доб. на полях во святых церквах священство- вати <u>и вся священническая</u> <u>действовати</u>
л. 20I об. на их памяти соборне понахиди пети	доб. "на их памяти соборне <u>пастырем</u> понахиди пети"

Таблица 2

Н	МІ	МІ (Тр. 215)
Молю я вам	Молю вас	Молю вас
... бывше	бывшем	... бывшем
сти телники	светильники	светильники
гнева божиа	"божиа" - проп.	"божиа" - проп.
... писали	... писати	... писати
проп. "и диякони и соборные старци"	доб. и диякони и соборные старци	доб. "и диякони и соборные старци"
проп. "из монастыря"	доб. "из монастыря"	доб. "из монастыря"
"о Христе" - есть	"О Христе" - нет	"О Христе" - нет
проп. "и вся свя- щенническая дей- ствовать"	доб. "и вся священ- ническая действо- вати"	доб. "и вся священ- ническая действо- вати"
проп. "пастырем"	доб. "пастырем"	доб. "пастырем"

хильных и от уларных грамот не имати ничего, развее писчего алтына и печатнаго алтына же", то в 89 гл. за поставление в попы и дьяконы "три златницы на собор взимати сиречь полтара рубля с алтынном". В списках группы Н и части списков МІ это противоречие продолжает оставаться. В списках группы МП в одних случаях (Лиск.4І) "три златницы" заменены на "две златницы на собор взимати сиречь рубль московский". в списках Академического вида (МДА І9І) следует продолжение, заимствованное из 4І гл.

В приговоре ІІ мая в Рм небольшая его часть "А кто без государева ведома в сих городех: во Тфери, в Микулине, в Торжку, в Оболенску, на Белеозере, на Рязани, да суздальским князем, в который монастырь кто даст по душе без государева доклада, и та вотчина у монастырей безденежно на государя имати. А которые вотчины свои..." (далее ее конец оторван - "в монастыри по душам до сего государева приговору давали без государева доклада, и те вотчины имати на государя, да за них по мере денги платити, да те вотчины отдавати в поместья") - в качестве вставки написана другим почерком, чем весь приговор, перед словами "А кто без государева ведома в которой монастырь вотчину свою даст по душе, и та вотчина у монастыря безденежно имати на государя. А которые вотчины свои в монастыри по душам до сего государева приговору давали, и тем вотчичам вперед за монастыри и быти, потому что те вотчины даваны в монастыри до сего государева приговору". В списках Троицкого и Румянцевского вида (МІ) эти две части переставлены часто местами; а в списках Пискаревского вида вставка и вовсе отсутствует; в списках Академического вида отсутствует предшествующая ей часть.

В монастыри рассылались "наказные списки", которые были сделаны с рукописей Стоглава, принадлежавших к различным группам. Как уже отмечалось в "наказной грамоте", в Симонов монастырь перечислены те главы Стоглава, которые должны к ней прилагаться: "...ис тое же соборныя книги выписати глава 49, глава 50, главы 51, 52. Глава 75-я, 76-я, 67-я, 68-я, глава 31-я цароких вопросов..."³⁵. Сохранилось два сборника 3-й четверти XVI в., в которых содержатся пере-

численные в "наказной грамоте" главы: Рог.618 и Вол.517³⁶. Текстологически статьи из Стоглава в I-м сборнике восходят к спискам М1, а во втором - МП; причем, если в Рог.618 под 31-й главой приводится 31-й вопрос первых царских вопросов, то в Вол.517 - 31-й вопрос вторых царских вопросов.

Таким образом, при подготовке нового издания Стоглава полной редакции в его основу может быть положен список Рм, как ее вероятный архитип, с разночтениями по спискам, представляющим различные группы: Писк.41 и МДА 191 (МП), Строев 46 и Хл.82 (Н), Муз.10688 (М-Н) и Тр.215 (М1).

- 1 См.: Стефанович Д.Ф. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С.103-107.
- 2 Стефанович Д. Указ. соч. С.117. В примечании Д.Стефанович указал еще на ряд списков, которые представляют, по его мнению, "извлечения" из Стоглава: Син.466, Q.П.43, Q.ХУП.177, Q.1.351.
- 3 Российское законодательство X-XX веков. М., 1985. Т.2. С.387. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII вв. Сводный каталог. М., 1958. С.20.
- 4 Стефанович Д. Указ. соч. С.118-130. Нами обнаружен еще один список Макарьевского Стоглавника ЦГАДА, ф.357, оп.1, № 19 (285).
- 5 Там же. С.103-186.
- 6 Там же. С.137-146.
- 7 Там же. С.143.
- 8 Списки ХУ1 в. (8): ЦГАДА, ф.196, оп.1, № 294; ф.187, оп.2, № 221; ОР ГБЛ, Строев 46, Рог.659; Муз.10688; РО ГИМ, Муз.2852; ОР БАН, Арх. М.12; 25.2.15; Списки ХУП в. (26): ЦГАДА, ф.187, оп.2, № 220; ф.196, оп.1, № 781; ОР ГБЛ Рог.577, Муз.8546, Писк.42, Муз.6060, Тихонр.625, Тихонр.493, Егоров 645, Строев 43, Тихонр.523, Рог.660, Муз.1662, Тихонр.372; РО ГИМ, Барс. 184, Барс. 183, Барс.182, Шук.655, Шук.79, Чертков 165-10, Муз. 3478, Муз.2449, Муз.4222, Увар.113; ОР БАН, I.1.42.
- 9 О большой распространенности списков Стоглава в XVI и ХУП вв. свидетельствует тот факт, что владельцами рукописей Стоглава были священники, дьяки, подьячие, посадские. Это подтверждается владельческими записями этого периода: Муз.6060 - дьяка Ивана Григорьева, Тихонр.493 - дьякона Леонтия Стефанова, Рум.426 - келаря-старца Троице-Сергиева монастыря Авраамия Подлесова, МДА 194 - троцкого старца Варсонофия Якимова, Увар.696 - "Соловецкого монастыря казенная старца Венедикта дачи", Увар.697 - "Ярославца посацкого человека", Син.647 - подьячего Петра Ахматова, Q.П.45 - Петра Фролова,

Q.П.47 - попа Иерея Плишкина, Тихонр. 625 - "подписал сию книгу по-дуратски глупой человек Яков сын Солодовников", затем - казака Леонтия Миронова; Чуд.268 - иеродьякона Чудова монастыря Тимошки Яковлева; Чуд.246 - чернец Чудовского монастыря Пафотея; Шук.79 - "сына попова Козьмы Черкашчина; Унд.1084 - попа Иосифа Колобошкина. Несколько списков Стоглава хранилось в монастырях уже в XVI в.: в Кирилло-Белозерском: Соф.1526, Соф.1515; Соловецком монастыре: Увар.596, Сол.982/1049; Сол.933/1050 и т.д.

- 10 По нашей классификации списки Пискаревокого вида группы МП.
- 11 Стефанович Д. Указ. соч. С.278-279.
- 12 ЦГАДА, МГАМИД 591/1093,4⁰, перв.пол.ХУП в. Л.1-30.
- 13 Применение подобной методики работы с текстами большого объема и сохранившимися в большом количестве спискам см.: Повесть о Варлааме и Иоасафе/Подготовка текста, исследование и комментарий И.Н.Лебедевой. Л., 1985; Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.
- 14 Стоглав. Казань, 1862; 2-е изд., 1987; 3-е изд., 1911; Стоглав // Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т.2. С.241-500; Царские вопросы и соборные ответы о множоразличных церковных чинех (Стоглав). М., изд. Н.Субботина, 1890; Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче в лето 7059. Лондон, 1860.
- 15 Древнерусские княжеские уставы. XI-XV вв. М., 1976.С.49-59.
- 16 Беляев И. Наказные списки соборного уложения 1551 г. или Стоглава. М., 1863. Кроме опубликованных списков, "наказная грамота" в Каргополь имеется в сборнике Погод.1841 (втор.пол.ХУI в.), в котором также содержатся различные выписки из Стоглава, различные указы и Судебник. См. описание сборника: Законодательные акты русского государства вт. пол.ХУI - перв. пол.ХУП в. Л., 1986. С.18.
- 17 Павлов А.С. Еще наказной список по Стоглаву // Записки имп.Новороссийского университета. Т.1X, Одесса, 1878. Опубликован по списку Соф.1176 (ОР ГПБ), вт. пол.ХУI в. Флиграны: 1. Тиара, тип б. Лихачев 1876-1558; 2. Рука под звездой, тип б. Хивуд № 2536-1574. Л.274-290. Краткое описание см.: История СССР. 1964. № 2. С.100-103.
- 18 Содержится в составе Стоглава в списках: ОР ГПБ, Сол.933. нач. ХУП в. Опубликован: Стоглав. Казань, 1863. С.258-260; Российское законодательство. Т.2. М., 1985. С.391-393. Найдено еще один список Стоглава нач.ХУП в., содержащий грамоту Макария: ОР БАН. I.I.42. Кроме того, имеется ряд рукописей ХУI в., содержащих те главы, номера которых были названы в митрополичьей грамоте: 49-52, 75-76, 66-68 (до слов... А что преже всего в митрополии и во архиепископях, и епископях ездил по градом и десетинам десетинники и заезщики...) и 31 вопро 41 гл.: ОР ГБЛ, Вол.517,4⁰, 218 л., л.П - запись "книга чернца Васяна Фатева ученика". Флиграны: 1. Брикe № 12779-

- 1546; 2. Дихачев № 1773-1556. Оба знака встречаются на бумаге другого сборника Вассиана Кожки - ОР ГБЛ, ф.178, № 1257. Л.187-218 об. Упоминание о рукописи см.: Кононов Н. Указ. соч. С.681. ОР ГБЛ, Рог.618, сборник-конволют (чины, молитва, правила), 261 л., I часть - л.1-225. Филигрны: 1. Перчатка, над пальцами цветок - тип, б. Брикке № 10794-1532-1547; 2. Перчатка с шестью фестонами, над пальцами корона литеры РВ тип, б. Брикке № 11071-1547; 3. Перчатка, над средним пальцем цветок - тип, б. Брикке 10800-1548; 4. Перчатка с 6 фестонами, над пальцами корона - подобная филигрны в справочниках не обнаружена. Л.1 - запись "Архимандрита Иякова" (полуустав). Л.227-261. Уже упомянутый Соф.1176. Л.290-310.
- 19 ОР ГБЛ, МДА 108.4⁰. 178 л., полуустав. 1580 г. Смоленск. Л.133 об.-134, 178 - записи писца церкви Ивана Богослова в Смоленске Михаила Филина сына Попова, писавшего "лета 7088 генаурие 18 день". В составе сборника: Устав кн. Владимира (Рум. ред.), Устав кн. Ярослава, Правило о церковных людех, Слово Серафима Владимирского и т.д. Л.85-133 об.
- 20 См.: ОР ГБЛ, Муз.1429. 3 тетради. 26 л. Л.1 - надпись "Москов. публич. музею от А.Е.Викторова 24 дек. 1875". Л.25 об. - "Подлинник в Моск. Дух. Ак. между рукописями из Б-ки А.В.Горского".
- 21 Беляев И.В. Указ. соч.; Беляев И.Д. Стоглав и наказные списки соборного уложения 1551 г. // Православное обозрение. 1863. Т.ХI. С.189-215; Шлаков А.Я. Стоглав. / К вопросу об официальном и неофициальном происхождении этого памятника // Сборник в честь проф. И.Ф.Владимирского-Буданова. Киев, 1904. С.298-330; Громогласов И.М. Новая попытка решить старый вопрос о происхождении Стоглава // Миссионерский сборник. Рязань, 1905. С.1-36 и др.
- 22 См.: Добротворский И.М. Каноническая книга Стоглав или неканоническая // Православный собеседник. 1863. Ч.1. С.317-336. Ч.П. С.76-98. Никанор (Бровкович). Архиеп. жерсонский и одесский. Беседа о перстосложении для крестного знаменья и благословения. СПб., 1890. С.257-263. Кононов Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. № 4. 1904. Апрель. С.1-39 и др.
- 23 ОР ГБЛ, Тр.215 (в 1795 № 81 и 120) 4⁰, 316 л., полуустав. тр.четв. XVI в. / Филигрны: 1. Сфера средних размеров, пересеченная линией, на верхнем конце звездочка, на нижнем под сферой - кружок - подобная филигрны в справочниках не обнаружена; 2. Аналогичная сфера с литерами М и I - тип, тождественный ОР ГБЛ, Вязем. Q.273-1548-1552; Н.П.Дихачев датирует время обращения бумаги с подобного типа филигранью 3-й четвертью XVI в. (П ч. С.366-367); 3. Перчатка с 6 фестонами, с литерой F, тип, б. Дихачев № 1878-1879-1567. Л.14 - заставка "старопечатного орнамента", подобный рисунок имеется в рукописях Троицкого монастыря: ф.173, № 94, 95, 36, 29; ф.304, № 133, 86, 415, 8661 - все рукописи датируются

50-60-ыми годами XVI в. Л.2-5 об. - чистые. Состав Стоглава: Сказание главам (л.6-12): 100 гл. + 101 гл. - приговор II мая; на оставшихся чистых листах (л.12 об.-13 об.) после 101 гл. другим почерком вписана копия с письма Ф.Б.Годунова к его крестному отцу старцу Варсонофию Икимову, датированного 24 сентября 7103 (1599). Текст Стоглава (л.14-310), 101 гл. - приговор II мая (л.310 об.-314 об.). Добавления к Стоглаву: 100-е правило УИ вселенского Трулльского собора в кратком изложении Аристина (л.315); глава 21 (л.315 об.-316) - 10 правил против зрелищ. На л.314 об. вписано более поздним почерком "От Богослова о макковях. Подобаеет погребшим мертвого с похоронов пришед в дом предложить хлеб и корити нищих в трапезе и братий" (л.314 об.). См. описания: Записки Отдела рукописей. Вып.22. С.109; рукопись опубликована в разночтениях в издании Стоглава Н.Субботинным (М.,1890).

- 24 ОР ГБЛ, Писк.41, сборник, 4⁰, 335 л. + П, скоропись, сер.ХVII в. Филиграни: 1. Шут тип, б. Дианова-Костюхина № 299-1646-1654; 2. Кувшинчик с одной ручкой, над коронной розеткой - подобный тип филиграни в справочниках не обнаружен; на л.8 перед началом I гл. приклеена заставка из старопечатной книги: см.: Зернова А.С. Орнаментаки книг московской печати XVI-XVII вв. М., 1952. № 258-1615-1650. Состав Стоглава: Сказание главам (л.1-7) 100+101 гл. - приговор II мая, 102-III гл. - добавочные статьи, включенные переписчиком в состав Стоглава; текст Стоглава (л.8-299 об.), 101 гл. - приговор II мая (л.299 об.-302 об.). В составе сборника: Слова Иоанна Златоустого, Повесть об Антонии Галичанине, Максим Грек о Соломоне.
- 25 ОР ГБЛ, МДА 191, конволют из 3-х частей. Ч.П (л.392-579) - Стоглав. 4⁰, скоропись, нач.ХVII в. Филиграни: 1. Кувшинчик с одной ручкой, над крышкой корона и розетка, на тулове литеры NB и полумесяц, тип, б.Лихачев № 1948, 1952-1594; 2. Ваза, на тулове дата 1601; в справочниках не обнаружены филиграни; 3. Ваза с украшением из кружков, на тулове литера M и кружки; 4. Кувшинчик с одной ручкой под короной с розеткой, на тулове литеры MO или MD; 5. Кувшинчик с одной ручкой, над крышкой цветок, на тулове литеры GD. Состав Стоглава: Сказание главам (л.392-397) 100+101 гл. - приговор II мая, 102 гл. - приговор I июня 1594 г., 103 гл. - приговор I октября 1604 г.; текст Стоглава (л.398-577), приговор II мая (л.577-579 об.), приговор I июня 1594 г. (л.580-584 об.), приговор I октября 1604 г. (л.584-591). См. описание: арх.Леонид. сведения о славянских рукописях, поступивших в 1747 г. из книгохранилища Троице-Сергиевой лавры. Вып. П. № 6. С.278-285. Стефанович Д. Указ. соч. С.155-156.
- 26 ОР ГБЛ, Строев 46 (8275), 4⁰, 261 л. скоропись, тр. четв. XVI в. Филиграни: 1. Сфера малая, пересеченная линией, с одной стороны звезда неправильной формы, с другой - кружок-тип, б. Лихачев № 1910, 1911-1567; 2. Кувшинчик, над крышкой корона и розетка, на тулове литеры - подобная филигрань в справочниках не обнаружена. Л.1 - бумага XIX в. Л.2 и 261 реставрированы. На внутренней стороне верхней крышки рукой А.И.Сулакадзева, которому, по всей

вероятности, принадлежала данная рукопись (см., например, в Каталоге книг библиотеки А.И. Сулакадзева № 32/38 "Проблемы источниковедения", У.М. 1956. С. 96), выпись из Прашицы о "разрешении" "клятвы Макареви" патриархом Паисием Александрийским, Макарием Антиохийским, Иоасафом Московским и "всем освященным собором". Им же сделаны заметки (карандашом, чернилами, киноварью) на ряде листов (как и заголовки на переплете), а также, вероятно, написан текст оглавления на л. I (вместо утраченного). Состав Стоглава: Сказание главам (л. I-6 об.); л. 7 - Память соборного уложения. Текст Стоглава (л. 8-255 об.), Приговор 26 июня (л. 255 об.-259 об.); приговор 15 июля (л. 259 об.-261). РО ГИМ, Хлуд. 82, сборник, 4^о, 377 л., полуустав, тр. четв. XVI в. Филигрani: Кораблик двух типов: 1. Дихачев № 3353-1560-е гг.; Брикe № II973-1552; 2. Брикe № II972-1549; Дихачев № 1896-1597; Состав Стоглава: Сказание главам (л. I-8); 100 гл. + Память соборного уложения; текст Стоглава (л. 9-352 об.); приговор 26 июня, приговор 15 июля (л. 353-359 об.). Л. 360-377 - грамота новгородского архиепископа Пимена в Псков от 20 августа 7064 (1556 г.). Описание см.: Стефанович Д. Указ. соч. С. 175.

27 Цит.: Ул. 82. Л. 34-35.

28 ОР ГИМ, Муз. 10688, сборник, 4^о, 157 л. (312 стр. + стр. Ia-б; с. 310-312 чистые), скоропись, втор. пол. XVI в. Филигрani: 1. Медведь средней величины - тип, б. Лауцьявичус № 2506 - 1575; 2. Кувшин с одной ручкой, над крышкой корона и цветок, на тулове литеры Г Н - тип, б. Лауцьявичус № 312-1578. Состав Стоглава: Сказание главам (с. I-7); 100 гл. + 101 гл. - приговор 11 мая; текст Стоглава (с. 7-350); приговор 26 июня (л. 250-254); приговор 15 июля (с. 254-355). В составе сборника: с. 256-309 - Номоканон Иоанна Постника.

29 См.: Тихонр. 523, к. XVII в. л. 139 - "Изписано из много Стоглава".

30 Кучкин В. А. О формировании Великих Миней-Четий митрополита Макария. // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86-101.

31 Клосс Б. М. Никоновский свод и Русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980.

32 Кононов Н. Указ. Соч.

33 Громогласов И. М. Указ. соч. Так называемый "Смоленский наказной список" по своей форме и содержанию значительно отличается от других наказных списков. Вероятнее всего, его текст представляет фрагмент редакции Стоглава, предшествующей Полной редакции.

34 Так, например, в Гм названия глав 80 и 99 написаны на нижнем поле, в Унд. 1084 эти названия также находятся на полях, а в Син. 643, Писк. 42, Тихонр. 625, восходящие в Гм эти названия пропущены, в Ул. 83 и Муз. 6060 - пропущено название 80 гл.

35 ОР ГИПБ, Сол. 933/1043. Л. 264 об.-268. ОР БАН, Арх. М. 12. Л. 189 об.-141 об.

36 Кроме того, почерк Рог. 618 сходен с почерком У Гм (совпадают все элементы букв, кроме выносного М).

Группа МI

Румянцевский вид

1. ГБЛ, Рум.425, сер.ХУI в.
2. ГБЛ, Рум.427, I-я треть ХУП в.
3. БАН, I.I.42, нач.ХУП в.
4. ГИМ, Хлуд.83, 2-я треть ХУП в.
5. ГПБ, Сол.932/1049, кон.ХУI - нач. ХУП в.
6. ГИМ, Син.999, 1646 г.
7. ГБЛ, Муз.6060, перв. пол.ХУП в.
8. ГБЛ, Тихонр.493, 2-я треть ХУП в.
9. ГИМ, Хлуд.84, перв. пол.ХУП в.
10. ГИМ, Син.686, сер.ХУП в.
11. ГИМ, Син.648, сер.ХУП в.
12. ГБЛ, Писк.42, сер.ХУП в.
13. ГБЛ, Больш. 425 кон.ХУI в.
14. ГИМ, Син.647, 1624 г.
15. ГПБ, Q.П.45, нач.ХУП в.
16. ГПБ, Q.П.47, кон.ХУI в.
17. ГПБ, Тихонр.625, перв.пол.ХУП в.
18. ГИМ, Муз.3478, перв. пол.ХУП в.
19. ЦГАДА, ф.187, оп.2, № 221, кон.ХУI - нач.ХУП в.
20. ГПБ, Погод.1113, нач.ХУП в.

Троицкий вид

1. ГБЛ, Тр.215, сер.ХУI в.
2. ГБЛ, Рум.426, сер.ХУП в.
3. ГИМ, Син.281, 3-я четв.ХУП в.
4. ГПБ, Сф.1515, кон.ХУI в.
5. ГБЛ, Рог.659, кон.ХУI в.
6. ГБЛ, МДА 194, кон.ХУI в.
7. ГБЛ, Больш.64, кон.ХУI - нач.ХУП в.
8. ГИМ, Увар.696, кон.ХУI в.
9. ГИМ, Увар.786, перв. пол.ХУI в.
10. ГБЛ, Муз.8548, перв. пол.ХУП в.
11. ГИМ, Барс.183, 1629 г.
12. ГИМ, Увар.697, перв. пол.ХУП в.

13. ОР ЦНБ АН УССР, Мак. П.В., XVI в.
14. ГПБ, Титов 2807, кон.XVI - нач.XVII в.
15. ГПБ, СПОДА 277, XVI в.

Группа МП

Пискаревский вид

1. БАН, Арх. М.12, кон.XVI - нач.XVII в.
2. ГПБ, Сол.933, нач.XVII в.
3. ГБЛ, Писк.41, перв. пол.XVII в.
4. ЦГАДА, ф.196, оп.1, № 294.

Академический вид

1. ГБЛ, МДА 191, нач.XVII в.
2. ГИМ, Шук.655, перв. пол.XVII в.
3. ГИМ, Чудов.268/66, нач.XVII в.
4. ГИМ, Син.272, перв. пол.XVII в.
5. ГИМ, Чертков 165-1⁰, кон.XVII в.
6. ГБЛ, Рог.577, нач.XVII в.
7. ГИМ, Барс.184, сер.XVII в.
8. ГИМ, Шук.397, нач.XVII в.
9. ЦГАДА, МГА МИД № 591-1093
10. ЦГАДА, ф.187, оп.2, 220.

Группа Н

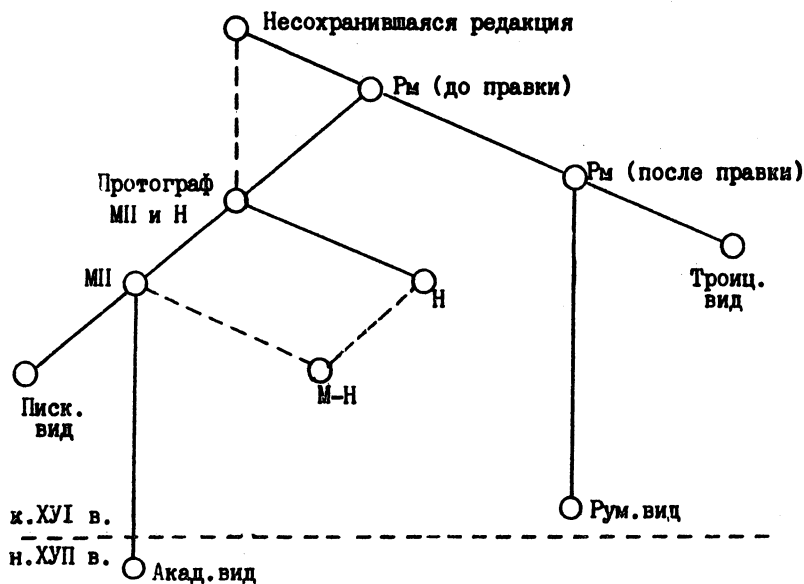
1. ГБЛ, Строев 46, втор. пол.XVI в.
2. ГИМ, Чудов.246/44, кон.XVI в.
3. ГИМ, Шук.79, 1691 г.
4. ГИМ, Худ.82, втор. пол. XVI в.
5. ГБЛ, Унд.1084, кон.XVI в.
6. ГБЛ, Унд.46, сер.XVII в.
7. БАН, 25.2.15, кон.XVI - нач.XVII в.
8. ГБЛ, Рогож.660, вт.четв.XVII в.
9. ГИМ, Муз.2449, нач.XVII в.
10. ГИМ, Муз.2852, кон.XVI - нач. XVII в.
11. ГБЛ, Муз.1662, сер.XVII в.
12. ГБЛ, Тихонр.372, сер.XVII в.
13. ГИМ, Барс.182, 1647 г.
14. ГБЛ, Тихонр.523, кон.XVII - нач. XVIII в.
15. ГИМ, Увар.113, сер.XVIII в.

16. ГПБ, Эрм.58, кон.ХУІ в.
17. ГИМ, Муз.4222, нач.ХУІ в.
18. Киев, Дух.Академия, № 403, ХУІ в.
19. ГПБ, Погод.ІІІ4, 1647 г.
20. ГПБ, СПбДА А.П.30, ХУІ в.
21. ГПБ, Вязем.34, перв. пол.ХУІ в.
22. ГПБ, Q.П.80, ХУІ в.
23. ГПБ, СПбДА 284, ХУІ в.
24. ГПБ, Погод.І948, перв. пол.ХУІ в.
25. ЦГАДА, МГА МИД 726-1242, ХУІ в.

Группа М-Н

1. ГБЛ, Муз.10688, кон.ХУІ в.
2. ГПБ, F.П.73, кон.ХУІ в.
3. ГБЛ, Егоров 645, перв. пол. ХУІ в.
4. ГПБ, Q.ХУІ.106, 1598 г.
5. ГПБ, Соф.1526, кон.ХУІ в.
6. ЦГАДА, МГА МИД 364, кон.ХУІ в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК ЧЛЕНОВ ДВОРА ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА,
ОСТАВШИХСЯ В МОСКВЕ НА ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ ЕГО
В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ В АВГУСТЕ 1585 ГОДА

Общепризнано значение официальной делопроизводственной документации для изучения истории Русского централизованного государства XVI–XVII вв. Однако исследователям, занимающимся этим периодом, зачастую приходится сталкиваться с острой нехваткой такого материала, поскольку значительная часть документов центральных правительственных учреждений–приказов за XVI в. погибла в годы Смуты и в большом московском пожаре 1626 г. Seriously пострадало делопроизводство одного из главных приказов – Разрядного¹. Многие дела его архива утрачены впоследствии при оккупации Москвы французскими войсками в 1812 г.² Некоторые документы и дела попали в частные руки. К последним относится и публикуемый Список двора, дошедший до нас среди целого комплекса дел и документов Разрядного приказа XVII в. профессора Московского университета, секретаря ОИДР. Установлено, что значительную часть собрания И. Д. Беляева составили рукописи, происходившие из тех архивохранилищ, в которых ему пришлось служить или заниматься. В 1844 г. Беляев был назначен правителем дел к инспектору Московских сенатских архивов, а с 1849 г. – членом Комиссии для печатания официальных и частных разрядных книг³. Наличие в собрании Беляева рукописей из государственных архивов связывают с тогдашней практикой работы этих хранилищ. Часть материалов этот ученый брал на дом для своей научной работы, другая часть доставлялась ему как секретарю ОИДР и редактору "Временника" с целью введения их в научный оборот⁴.

Список членов двора царя Федора Ивановича находится в ед. хранения ОР ГБЛ, ф. 29 № 103 (М., 1632) на листах 96–102 а, обозначенной в описании А. Викторова как "Старинные дела административного характера". Это расклеенные столбцы некоторых дел, отдельных документов и их фрагментов из архива Разрядного приказа, содержание которых дано в кратких

подзаголовках, имеющих свои номера. В № 3 собраны списки бояр, окольных чьих, дворян и других служилых людей, назначенных на государеву службу в полки за ХУ в.⁵ Некоторые документы "выпадают" из этого описания или по содержанию, или по хронологии. Один из примеров тому публикуемый список. Он состоит из 8 составов, изъятых из столбца довольно грубо: некоторые были разъединены ножницами, а первый просто оторвали. Бумага документа польская с филигранью герб Нового Става-близких аналогов в альбомах не найдено (ср. Лауцвицус № 3394-1569 г., № 3395-1570 г., Синисарска-Чаплицка 1983. № 63-1568 г., № 64-1598 г.). Четкая скоропись первых листов (96-98) переходит в более небрежную (99-100), которую в свою очередь сменяет третий почерк (101-102). Список дворовых 1585 г. как и подавляющее большинство боярских списков ХУ - первой трети ХУ в. не имеет дьяческих скреп и приписи, что объясняется характером этих внутренних документов Разрядного приказа⁶. Об этом говорят также многочисленные пометы, исправления и дополнения, сделанные разными лицами. Составы списка имеют старую нумерацию черными чернилами в левом верхнем углу (1-8) и теми же чернилами помету на обороте первого из них: "№ 9 рук."

Список членов двора августа 1585 г. в неполной копии ХУ в. обнаружили и ввели в научный оборот С.П.Мордовина и А.Л.Станиславский⁷. Этот документ относится к сокращенным спискам членов двора, составившимся в связи с царскими походами, посольскими приемами и другими военными и придворными событиями⁸. Так же как и боярские списки, они отражают социальную структуру высшего русского дворянства и в определенной степени дают возможность изучать количественный, генеалогический и чиновный состав двора ХУ-ХУ в.⁹ Пометы подобных списков о местонахождении членов двора безразличны к "честности" службы, в отличие от разрядных книг. Они часто дают материал о службе, которая в последних не отражалась (посылка писцами, административно-хозяйственные поручения и т.п.), а также биографические сведения о членах двора (болезни, смерть)¹⁰.

Сравнивая тексты копии и подлинника Списка августа 1585 г., можно увидеть, что в первой утрачены (на что справедливо указывали ее публикаторы) следующие чиновные перечни: окольные, казначей, думные дворяне, стряпчий с ключом, дьяки, московские дворяне, выбор по Владимиру, Галичу, Юрьеву-Польскому, Мурому. Кроме того, вместо семи бояр, перечисленных в копии, записано восемь (последним указан кн. Ф.Д.Шестунов)¹¹, а среди выборных по Дорогобужу указан отсутствующий там кн.И.Ю.Лобанов-Ростовский¹². Выясняется, что в копии нет большинства помет, исправлений и дополнений, имевшихся в подлиннике. В свою очередь, в последнем мы не находим выборных по Новгороду, известных по публикации. Там они расположены между рязанцами и алексинцами¹³. В нашем же документе выбор по Рязани записан последним, на л.101, а выбор по Алексину начинается следующий л.102. Еще заметный след от длинной ножки буквы "р" в фамилии, замыкающей перечень рязанцев, остался в верхней части л.102. Это указывает на то, что между названными листами нет утраты, где мог бы быть записан выбор по Новгороду. Таким образом, можно предположить, что копия ХУ в. была сделана с другого варианта списка дворовых, скорее всего первоначального, поскольку в нем почти не отразились текущие назначения членов двора, проверки их наличия в Москве. Дошедший до нас вариант наоборот интенсивно использовался для справок в Разрядном приказе. Эта работа отразилась неравномерно на чиновных перечнях: список бояр имеет две пометы, нет помет в списках окольных, казначеев, думных дворян, дьяков. Больше внимания уделено службе московских дворян, хотя содержание помет довольно однообразно: "нет", "болен". Над именем Юрия Булгакова Денисьева помечено, что он находится "на поле"¹⁴. По сведениям разрядных книг, Ю.М.Булгаков-Денисьев был послан на Дон против украинских казаков вторым воеводой большого полка по вестям, полученным в Москве от 31 июля 1585 г.¹⁵ Это позволяет отнести время составления Списка дворовых ко времени не позднее этой даты.

Большинство помет, исправлений и дополнений приходится на перечни выборных дворян, которых часто посылали с пору-

чениями или на службу в полки или крепости в качестве младших офицеров-голов. Пометы у перечней выборных дворян в основном связаны с отдельными поручениями, которые не отразились в разрядных книгах: "отослан", "послан" (соответствующие пометам записи в разрядах удалось найти лишь о П.Ф.Андрееве и о Г.Г.Вердеревском: в росписи воевод по украинным городам 1585 г. первый значится на Орле головой как Петр Федоров¹⁶, а второй упомянут посланным в тот же поход, что и Ю.М.Булгаков-Денисьев¹⁷. География этих посылок отражает характер службы выборных-украинные города или места, где было неспокойно: Ржева, северские города, Белев, Новосиль, Орел, Кашира, Коломна, Солова, Казань (здесь в 1584-1585 гг. восставали черемисы). Две пометы связаны с хозяйственно-административной службой членов двора. Д.М.Истленьев был послан "на заказ" и Бежецкий Верх¹⁸. Слово "заказ" имело несколько значений, но в данном случае имелось в виду, вероятно, осуществление надзора за соблюдением правительственного запрета на какую-либо деятельность¹⁹. Выборный по Владимиру кн. В.И.Болховский упомянут "в письме" в Перемышле²⁰. С 1581 г. началось массовое описание основных уездов Русского государства и любопытно, что в списке писцовых книг 80-90-х гг. XVI в., приведенном В.И.Корецким, участие кн. В.И.Болховского не отмечено²¹. До нас дошли не только писцовые книги, составленные при его участии, но и указания источников о существовании таковых, за исключением пометы Списка дворовых.

Чиновный перечень дьяков хотя и не имеет помет, интересен составом и порядком лиц, в нем заключенных. Этот порядок в боярских списках мог пересматриваться в зависимости от знатности и степени приближения к царю. Поскольку дьяки были людьми, как правило, неродословными, их место в боярском списке зависело главным образом от статуса в административной иерархии приказа, в котором они служили. Поэтому в отличие от других перечней боярских списков, лица, в нем записанные, расположены строго в порядке реального старшинства²². И хотя перечень дьяков нашего документа не совсем полон, сравнивая его, например, с аналогичным перечнем боярского списка 1588 г., можно отметить рост или падение влияния тех или иных приказных деятелей в нестабильной

обстановке борьбы за власть в первые годы после смерти Ивана Грозного. К примеру видно, что за это время продвинулись Дружина Петелин, Степан Трегубов и особенно Захар Связев, а Семейка Сумороков, наоборот, стал отходить на второй план²³.

Следует сказать, что Список дворовых Федора Изановича августа 1595 г. является первым из дошедших до нас подобных документов, зафиксировавших изменения структуры Государева двора и пересмотр личного состава всех членов столичного дворянства после смерти Ивана Грозного. Было упразднено существовавшее со времен опричнины разделение этого важного института на "особый" и "земский" дворы. Следствием компромисса между "земской" верхушкой и влиятельными кругами "особого" двора явилось уменьшение влияния думных дворян, лишение многих стольников, стряпчих и дьячцов Ивана IV столичных чинов, увеличение аристократической прослойки ближайшего царского окружения²⁴.

И еще одна любопытная деталь. После того, как была обнаружена копия Списка дворовых августа 1585 г., Р.Г.Скрынников использовал свидетельства этого источника в русле своей гипотезы о существовании института "семибоярщины" как одной из важнейших комиссий Боярской думы, ведавшей столицей и государством в отсутствие верховного правителя еще со времени предсмертной болезни Василия Ш. В опричные годы царь упразднил этот орган, но боярские правители вскоре после смерти Грозного возродили "семибоярщину", которая управляла Москвой уже в 1585 г. по случаю отъезда царя Федора в Троице-Сергиев монастырь²⁵.

Р.Г.Скрынникову возразил А.А.Зимин, заметивший, что нет оснований для гипотезы о существовании до 1610 г. "семибоярщины", как особой боярской коллегии, управляющей Москвой. Кроме того, он привел сведения из летописей и разрядных книг, указывающие на то, что далеко не всегда число бояр, оставшихся в Москве, равнялось семи²⁶.

Не касаясь вопроса о существовании в XVI - нач. XVII в. "семибоярщины" как института, все же отметили, что в Беляевском списке дворовых записано не семь, а восемь фамилий

бояр, оставшихся в Москве на время поездки царя Федора на богомолье в августе 1585 г.

Таким образом, публикуемый документ из собрания И.Д.Беляева является интересным источником для изучения верхушки правящего класса XVI в. Он, будучи подлинником наиболее раннего из всех известных списков дворовых царствования Федора Ивановича, содержит чиновные перечни, пометы, исправления и дополнения, отсутствующие в уже введенной в научный оборот более поздней копии, и тем самым дает новый материал о составе и служебной деятельности различных слоев государева двора.

х х х

Текст документа передается в соответствии с правилами издания исторических документов XVI-XVIII вв. Титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Утраченные части текста добавляются в угловых скобках и оговариваются под строкой. В квадратных скобках восстанавливаются и сокращения в пометах. Зачеркнутые части текста, в том числе и пометы, заключаются в круглые скобки и под строкой не оговариваются. Пометы внесены в основной текст после имен и фамилий, к которым они относятся, и отделены от них точкой или знаками тире, если воспроизводятся внутри фраз. Одна помета от другой также отделяется точкой или тире. Имена, против которых на полях документов стоит знак +, отмечаются одним знаком х.

-
- 1 Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1988. Кн.5. С.2-3.
 - 2 Там же. Кн.6. С.48-49.
 - 3 Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина. Указатель. М., 1983. Т.1. Вып.1. С.154,152.
 - 4 Рукописные собрания. Указатель. С.155.
 - 5 А.Викторов. Московский публичный и Румянцевский музеи. Собрание рукописей И.Д.Беляева. М., 1881. С.87.
 - 6 Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С.127.

- 7 Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки конца XVI - начала XVII века. М., 1979. Ч. I. С.270-272.
- 8 Там же. Ч. I. С.58.
- 9 Там же. С.10.
- 10 Там же. С.11.
- 11 ОР ГБЛ. Ф.29. № 103. Л.96.
- 12 Там же. Л.102 а.
- 13 Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки. Ч. I. С.271.
- 14 ОР ГБЛ. Ф.29. № 103. Л.99.
- 15 Разрядная книга 1475-1606 гг. М., 1987. Т.Ш. Ч.П. С.65.
- 16 ОР ГБЛ. Ф.29. № 103. Л.101. Разрядная книга 1475-159 гг. М., 1966. С.351.
- 17 Там же. С.354.
- 18 ОР ГБЛ. Ф.29. № 103. Л.102 а.
- 19 Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1978. Т.5. С.206-207.
- 20 ОР ГБЛ. Ф.29. № 103. Л.100.
- 21 Корещкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М., 1970. С.120.
- 22 Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. С.134.
- 23 ОР ГБЛ. Ф.29. № 103. Л.97-98; Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки. Ч. I. С.106-108.
- 24 Станиславский А.Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI - начала XVII в. Автореферат канд. дис. М., 1973. С.19.
- 25 Скрынников Р.Г. Московская семибоярщина // Вопросы истории. 1973. № 2. С.209-213; Он же. Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова // История СССР. 1975. № 2. С.51; Он же. Россия накануне "Смутного времени". М., 1985. С.19.
- 26 Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С.270; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988. С.294-295.

(л.96) ^а Ыли на Москве как госуда/рь царь и великий князь поехал [х Троице 93] августа^а

Бояре

Князь Федор Иванович Мстиславской.
Никита Романович Юрьев. Бол/ен/.
Степан Васильевич Годунов.
Князь Никита Романович Трубетцкой.
Князь Иван Михайлович Глинской.
Князь Петр Иванович Татаев. Бол/ен/.
Князь Федор Михайлович Троекуров.
Князь Федор Дмитриевич Шастунов.

Окольничие

Князь Борис Петрович Засекин.
Князь Федор Иванович Хворостинин

Казначей

Иван Васильевич Траханиотов.
Деменша И^б /иванович Черемисинов, ^б

(л.97) Дворяне в Думе
Роман Михайлович Пивов.
Игнатей Петрович Татищев.

Стряпчей с ключом

Семен Володимирович Безобразов.

Диаки

Ондрей Щелкалов.
Елизарей Вылузгин.

а-а Левый верхний край листа с частью заголовка оторван. Утрата восстановлена по копии: Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки. Ч. I. С. 270.

б-б Правый нижний край листа оторван. Утрата восстановлена по тексту боярского списка 1588-1589 гг. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Боярские списки. Ч. I. С. 105.

Сапун Оврамов.
Дружина Петелин.
Ондрей Арцыбашев.
Петр Тиунов.
Яков Витофтов.
Василий Шарапов.
Степан Трегубов.
Гаврило Михеев.
Семейка Сумороков.
Василей Нелюбов.
Рохманин Русинов.
Захар Свяязев.
Степан Лихачев.
Салтан Куломзин.
(л.98) Дей Губастой.
Микифор Свечников.
Богдан Огарков.
Осан Завесин.
Иван Григорьев
Микита Румяной.
Григорей Чирков.
Офонасей Малыгин.
Иван Аргамаков.
Степан Твердигов.
Неудача Ховралев.

(л.99)

Дворяне

Князь Семен Ардасович Черкаской.
Князь Василей Кардануков Черкаской. Нет.
Князь Иван княж Иванов сын Голицын. Нет.
Князь Михайлов княж Петров сын Катырев Ростовский. Бол/ен/. Нет.
Князь Петр княж Иванов сын Хворостинин.
Князь Иван княж Михайлов сын Долгоруког/о/. Нет.
Князь Тимофей княж Иванов сын Долгорукой.
Князь Лука княж Осифов сын Шербатог/о/. Нет. Бол/ен/.
Князь Дангело княж Иванов сын Клубков Мосальской.
Князь Михайло-бол/ен/. Нет-(да князь Самсон)-з государем-
княж Ивановн дети Долгоруког/о/.

Князь Федор княж Тимофеев сын Долгоруког[о]. З государем. Нет.
Князь Борис да князь Иван княж Васильевы дети Долгоруког[о].
Нет об[оих].

Федор-нет-да Ърьи-на поле-Булгаковы дети Денисьева.

Князь Иван княж Григорьев сын Щербатог[о]. Нет.

Василей Яковлев сын Волынской. Бол[ен].

Князь Александро княж Данилов сын Приемков Ростовской. Нет.

Князь Василей княж Александров сын Прозоровской. Нет.

Елизарей Левонтьев сын Ржевской. Бол[ен].

Иван Ърьев сын Кобяков. Нет.

Ивашка Михайлов сын Пушкин. Нет.

Михайло Никитин сын Фуников. Нет.

(л. 100) Семен Иванов сын Висковатог[о]. Нет.

Иван-(нет)- да Гаврило Ивановы дети Бобрищева Пушкина. Нет
об[оих].

Федор Яковлев сын Наумов. Нет.

Володимер

Князь Василей княж Иванов сын Болховской- в пис[ьме] в Пере-
мыш[ле] - [да] сын его князь Семен.

Боклан Иванов сын Дудин. Во Ржеву.

Федор Иванов сын Кузьмин. Нет.

Князь Иван княж Ърьев сын Мезетцкой. Нет.

Игнатей Иванов сын Новосильцов.

Микита Матвеев сын Марков.

Галич

(л. 101) ^ВКнязь Матвей^В княж Данилов сын Львов. (Не[т]).

Федор-не[т]-да Семен-пос[лан] на Колом[ну]- Чередовы.

Фока да Иван Ивановы дети Котенина. Не[т] об[оих].

Князь Дмитрей да князь Василей княж Васильевы дети Львова.
Нет об[оих].

^ГЛазарь Третьяков сын Котенин^Г. Нет.

в-в Вписано другим почерком.

г-г Вписано другим почерком.

ьрьев-Польской

Федор-пос[ла]н в Каз[ань]-да Иван Петровы дети Чюдинова
Окинфова.

ьрьи Яковлев сын Стромиллов. Отос[ла]н.

ьрьи Ондреев сын Фефилатьев^д. (Не[т]). Бол[ен].

Муром

Григорей Федоров сын Елизаров. (Не[т]). Отос[ла]н на
Солов[у].

Олександро Иванов сын Ершов. (Не[т]). Отос[ла]н.

Федор Михайлович сын Новосильцов.

Кошира

Петр Федоров сын Ондреева. (Нет). На Орле.

Федор Борисов сын Колтовской.

Торуса

Тимофей Глебов сын Ярцов. Нет.

Резань

Родивон Петров сын Биркин.

Григорей Михайлов сын Вердеревской . (Не[т]) в Северу.

Гур Григорьев сын Вердеревской. (Не[т]). На пол[е] на Дон.

Князь Ондрей княж Иванов сын Дашков. (Не[т]).

^еОндрей [да] - Иван-Никитины-дети-Ржевског[о]^е.

Олексин

(л.102) ^жЕлисе[и] Федоров сын Плещеев^ж. (Не[т]). Бол[ен].Нет.

Микита ьрьев сын Пушечников. Нет.

Козельск

Иван Ондреев сын Хлопов Меншой. (Не[т]). В отсылке во Ржеве.

д-д Вписано другим почерком.

е-е Вписано другим почерком. Исправлено из "Ондрей Никитин
сын Ржевской".

ж-ж Приписано другим почерком.

Лихвин

Михайло Меньшой Богданов сын Зыбин. Нет.
(л.102а) ³Василий Богданов сын Зыбин³.

Колуга

Иван Никитин сын Карпов.

Воротынеск

Князь Ондрей княж Богданов сын Хотетовский. Пос/лан в Белев.
Дмитрей Михайлов сын Тургенев. Нет.

Дорогобуж

Данило Меньшой/о сын Истленьев. На заказ Бех/ещки Вер/х.
Князь (Ондрей) - (не/т). Иван - княж Юрьев сын Добанов -
(со княж Ивановым телом) - Ростовской.

Иван Копырин - (не/т). Во ржеву-сын Ржевской.

^И(Ива/н) Гаврило Григорьев сын Пушкин^И.

Василей Григорьев сын Колединской. Нет. (Отпущ/ен) на не-
делю со княж Ивановым телом Ростовског/о).

Илья-на Веневу-да Михайло - (отос/лан) на Коширу-Близарье-
вы дети Неелова.

Григорей Андреев сын Неелов. Отос/лан в Новосид/ь.

Петр Иванов сын Неелов. Ото/слан. (Отос/лан).

Князь Гаврило княж Семенов сын Коркодинов. (Не/т.).

^ККнязь Иван-з государем-да князь Федор-нет-Деевы^К.

Верея

Князь Роман княж Иванов сын Гагарин. Не/т.

з-з Приписано другим почерком.

и-и Вписано другим почерком в предыдущую строку справа от
И.К.Ржевского. фамилия "Пушкин" не уместилась и запи-
сана под строкой слева внизу.

к-к Приписано почерком листов 96-98.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ В ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ
ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Судьба документов по истории феодальной Сибири нередко была сложнее истории государственных учреждений, хранивших эти документы. Пожары, кражи, нераспорядительность архивных чиновников, административные новшества, за которыми не всегда поспеивала прежняя отчетность, — эти извечные и повсеместные враги историков — действовали в Сибири тем разрушительнее, что почти не уравновешивались активной охранной деятельностью местных архивных комиссий. Одиночки, пытавшиеся спасти гибнущие осколки прошлого, спасли немного. Но даже и сохранившиеся материалы зачастую ждут еще своего исследователя. Если основной фонд центральных учреждений, ведавших управлением Сибири, лучше сохранился и разрабатывается несколькими поколениями историков, то документы местных сибирских архивов и изучены хуже, и особой сохранностью похвастать не могут. Даже уникальные портфели Г.Ф.Миллера (ИГАДА), открывающие современному исследователю местное сибирское делопроизводство, не в полной степени восполняют этот пробел.

В 1955 году В.И.Малышев, публикуя обзор рукописей Псковского областного музея, указал на наличие в псковском Древлехранилище материалов по истории Томска¹, но, к сожалению, его упоминание не привлекло к себе внимания специалистов. Авторы настоящей статьи, работая летом 1984 года с фондами Древлехранилища Псковского государственного объединенного историко-художественного и архитектурного музея-заповедника, заново описали сибирские документы, и результаты своей работы представляют исследователям истории Сибири².

Заинтересовавшие нас документы могли бы быть выделены в особый Томский фонд, включающий книги Томской приказной избы 1645–1711 гг. и рукописи из архива Томского Алексеевского монастыря. Предшествующая судьба этих материалов не ясна. Дело в том, что учетная документация Псковского музея погибла в годы Великой Отечественной войны, и предыстория нашего фонда может быть восстановлена лишь гипотетически.

Ни в одном из дореволюционных описаний музея сибирские документы не упоминаются³. Создатель Древлехранилища и автор первого его описания⁴ — Л.А.Творогов — хотя и не оставил никаких письменных указаний относительно интересующих нас единиц хранения, однако поместил эти документы среди рукописей псковских церковных иерархов, — следовательно, сибирские материалы поступили в музей уже в советское время, скорее всего, в 1925 году, вместе с архивами и библиотеками упраздненных церквей и монастырей⁵.

Сравнение биографий псковских церковных деятелей представляет нам наиболее вероятную возможность для гипотезы: сибирские документы могли быть привезены в псковский архиерейский дом в дорожных корзинах архиепископа Феофоста Лебедева, переведенного из Тобольска в сентябре 1862 года⁶.

В первую очередь достойны рассмотрения книги, восходящие к архиву Томской приказной избы. Материалы по истории Томска издавались неоднократно⁷; известно, что немалая их часть в XVIII—XIX вв. попала в частные руки⁸ и "утратились из сибирских архивов". По этому поводу сибиряки передавали немало легенд. Иннокентий Кузнецов в конце XIX века указывал на томского собирателя П.А.Пушкарева, владевшего как будто 1000-ей свитков XVIII столетия и многочисленными копиями с документов XVIII в., изготовленными в XVIII в. Тот же Иннокентий Кузнецов записал предание, ходившее среди томского приказного лица, будто Миллер приехал в Томск и потребовал от тогдашнего воеводы сведений об архиве, и будто бы воевода, опасаясь встретить в Миллере скорее ревизора, чем ученого, приказал утопить в Томи несколько возов разных дел⁹. И фольклоризованное известие Кузнецова, и свидетельства архивистов сходятся в том, что в XVIII—XIX веках существовало довольно широкое обращение томских делопроизводственных документов "вследствие небрежного хранения старых дел", — поэтому архиепископ Феофост скорее выступал в роли собирателя древностей и не был расхитителем казенного имущества.

5 книг относятся к архиву Томской приказной избы.

1. Наиболее ранним документом является публикуемый ниже томский сметный список 1644/45 года¹⁰. Для Томска,

основанного летом 1604 г., и тем более для учрежденного в 1629 г. Томского разряда^{II}, список может считаться одним из древнейших бюджетных документов. Самые ранние материалы местного делопроизводства, хранящиеся в сибирских архивах и касающиеся Томского разряда, не древнее 50-х годов ХУП века. В фонде Сибирского приказа в ЦГАДА имеются воеводские счетные списки 1624-27 гг. и 1634-39 гг., дающие весьма краткие сведения о томской казне^{I2}; общий приход и расход города отразился также в перечневой смете Томского разряда 1627-28 г.^{I3} За 40-е гг. ХУП в. исследователи земель Томского разряда могли опираться лишь на данные воеводского счетного списка, первоначально охватывавшего период 1644-1649 гг., однако начальная и конечная части списка утрачены^{I4}.

Публикуемый список не только восполняет отмеченные пробелы, но и раскрывает статьи денежного прихода подробнее других ранних томских документов: и счетные, и воеводские списки составлялись на основе сметных^{I5}, которые по Томску почти не сохранились^{I6} - но теперь мы можем поставить в этот ряд приобретение Феофоста Лебедева. По другим городам и уездам Томского разряда и городские списки, и более подробные перечневые сметы относятся к более позднему времени^{I7}; от древнейшего документа по Сургуту (за 1625/26 г.) уцелел лишь отрывок на двух листах^{I8}.

Сметный список 1644/45 г. представляет собой начальную часть общей приходо-расходной книги окладным и неокладным деньгам Томской приказной избы. Исходя из обычного состава таких книг, можно предположить, что далее должны были следовать детальные росписи окладных и неокладных доходов (итоги которых представлены нашим списком), списки служилых людей по прибору с указанием размеров жалования и специальных наград, сгруппированные по уездам Томского разряда, наконец, перечень неокладных расходов местной администрации.

Сметный список является самостоятельным финансовым документом. Начало его составления соответствует началу нового финансового года, 1-му сентября 1644 г., а закончен

список был к I сентября 1645 г., когда приказные дьяки завершили записи о планировавшихся доходах, снабдив их "пометами" о реальном приходе в казну. Документ дает итоговые сведения по "прошломu" 1643/44 и "нынешнему" 1644/45 годам. В списке учтены таможенные сборы, десятинные деньги и пошлины с купцов на "острожное строение", годовой оброк с томских посадских и уездных людей, с лавок и кузниц, учтены в нем поступления по откупам и результаты сбора пошлин, выделены государственные субсидии Томскому разряду, отмечен остаток казны прошлых лет и подробно, как это и положено было, учтены недоимки с разных лиц.

Сметный список дает интересные сведения не только о Томске, но и о Красноярском уезде. В научной литературе стала общепринятой точка зрения С.В.Бахрушина, согласно которой военные столкновения жителей Красноярского уезда с киргизскими князцами прекратились в 1642 году, после сражения на реке Белой¹⁹. Публикуемый сметный список сохранил упоминание о набеге киргизов на пашенных крестьян в 1643/44 г., уточняя тем самым реальную картину освоения восточной границы Русского государства.

2-3. Комплекс известных исследователям ясачных документов Томского уезда (с 1621/22 по 1697-99 гг.²⁰) дополняется теперь двумя приходными книгами поминка и ясаку 1692 г. (с 3 февраля по 31 августа)²¹. Одна из них - поминочная и ясачная сборная книга (л.1-43 об.) содержит полный реестр поминок и ясачных окладов по волостям и местным князцам, с пометами "взято" против записей. Вторая книга (л.44-117) фиксирует "мяжку рухлядь" (меха) по мере поступления в казну. Здесь подробно указаны размеры и причины недоимок за 1692 и прошлые годы, отмечено сокращение численности ясачных людей в некоторых волостях, упоминается ряд лиц, казненных в 1689/90 г. "за воровство и измену" (л.15-15 об.).

4. Историко-демографический интерес представляет книга сборная подымым деньгам 1710 года на новоосвоенных приобских землях²². Материалов на эту тему сохранилось явно недостаточно²³ - и вот теперь у томских и новосибирских краеведов появился новый источник, перечисляющий 17 русских сел и деревень, поставленных южнее и севернее Томска по реке Оби²⁴,

где указаны все владельцы 318 дворов и сделаны пометы об уплате налога. По нижним полям страниц сборщиком проставлены предварительные итоги, а общий доход казны приведен в конце документа: "√В/сего по сим книгам взято денег 3 рубля 3 алтына 5 денег"²⁵.

5. Не менее любопытна уникальная для томских материалов книга десятинного сбора 1711 г.²⁶ В отличие от 27-ми сохранившихся томских таможенных книг и счетных списков (с 1643 по 1701 гг.) здесь указано, где и в результате каких торговых операций были получены представленные в Томске товары и деньги. Хотя книга охватывает лишь небольшой период, с 1 февраля по 7 марта 1711 г., она зафиксировала более 450 рублей только денежной явки, разнообразные русские, сибирские и восточные товары, торги по всей Сибири: в Кузнецке, Верхотурье, Иркутске, Таре, Селенгинске, Енисейске, Даурии и легендарной Мангазее, в которых принимали участие купеческие, служилые по отечеству и по прибору и работные люди, казаки и лавочные сидельцы, посадские приказчики.

Более поздними материалами представлен в псковском Древлехранилище архив Томского Алексеевского монастыря²⁷. Ныне основной фонд монастырских документов находится в Государственном архиве Тюменской области, в него вошли 403 ед. хр. за 1712-1918 гг. (монастырь основан в 1663 г.)²⁸.

6. 45 подлинных указов Тобольского архиерейского дома настоятелю Томского Алексеевского монастыря архимандриту Порфирию охватывают период 1727-1729 гг.²⁹ Помимо множества циркуляров из Петербурга, мы находим здесь материалы о денежных и надзорных проблемах архиерейского дома (№ 1, 2-3, 14-15, 17, 24-25, 31, 35-36, 40-43). Особо следует выделить документы о строительстве: указ архиепископа Антония о реконструкции построенной в 1700 г. томской Воскресенской церкви (№ 16, л.20-21, 10 ноября 1727 г.) и его же указ от 4 августа 1729 г. о постройке церквей в острогах Кузнецкого ведомства, в Бийском, Бердском и Белоярском острогах (№ 41, л.57-58), - последний документ пополняет немногочисленные сведения о первоначальной истории Бердского острога.

7. О размерах казны Алексеевского монастыря позволяет судить книга сбора подушных денег с поповских детей в счет рекрутских пошлин, 1735 года, с приписками 1736 года³⁰.

Историкам Сибири большую часть своего "архивного времени" приходится проводить далеко от сибирских пределов - в различных хранилищах Европейской России. Наш обзор показывает, что к таким архивам "сибирского профиля" по праву должен быть причислен Псковский музей-заповедник.

-
- 1 Малышев В.И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. // ТОДРЛ. М.-Л., 1955. Т.II. С.475.
 - 2 Нашим разысканиям способствовало постоянное внимание со стороны сотрудников Древлехранилища и прежде всего его заведующей - Нины Петровны Осиповой. Всем им авторы выражают свою благодарность.
 - 3 См.: Шереметев П.С. Обзор рукописей Псковского археологического музея и описей Архива губернского правления. М., 1899; и др.
 - 4 Творогов Л.А. Сокровищница старой русской книжности (Древлехранилище Научной библиотеки Псковского областного краеведческого музея). Псков, 1957.
 - 5 См.: Осипова Н.П. Каталог книг кирилловской печати XVI-XVII веков Псковского музея-заповедника. Псков, 1980; некоторые общие сведения по истории фондов Древлехранилища см. также: Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV-XV веков. М., 1966.
 - 6 Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1890. Стб.382.
 - 7 Исторические акты XVII столетия (1633-1699). Материалы для истории Сибири. Собрал и издал Инн.Кузнецов. Томск, 1890; Томск в XVII в. Материалы для истории города. Сост. П.М.Головачева. СПб., б.г.; ср.: Очерки истории города Томска (1604-1954). Томск, 1954; Из истории земли Томской. 1604-1917. Томск, 1978. Вып. I. Историография городов Сибири конца XVI - начала XX в. Новосибирск, 1984; Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в XVII веке // Труды Томского гос. ун-та. Томск, 1950. Т.II2; Покровский Н.Н. Томск 1648-1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
 - 8 Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. XVII век. Изд. 2-е. М.-Л., 1960. С.25; Барсуков Н.П. Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. С.45.
 - 9 Исторические акты XVII столетия. С.II.

- 10 Псковский музей-заповедник (далее ПМЗ), Дрeвлехранилище, № 308/381, 4⁰, 14 л., скоропись. Две тетради: полный кватернион (л.1-8) и шестистилльная тетрадь (л.9-14). Конец рукописи утрачен. Филигрань - гербовый щит с литерой М на геральдическом поле, под короной; знак второй четверти ХУП в.
- 11 Помимо Томского уезда, разряд включал Енисейский, Кетский, Кузнецкий, Нарымский, Сургутский и позднее Красноярский уезды. См.: Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце ХУI - ХУП вв. // Известия СО АН СССР, 1965, № 9, серия общественных наук, вып.3; История Сибири. Л., 1968. Т.2. С.126.
- 12 ЦГАДА. Ф.214. № 4. Л.231 и сл.; № 176. Л.2 и сл.
- 13 Там же. № 25. Л.26 и сл.
- 14 Там же. № 238. Л.3 и сл.
- 15 Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768). М., 1890. Ч.1. С.24. Общие сведения см.: Резун Д.Я. К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города ХУП в. // История городов Сибири досоветского периода (ХУП - начало ХХ в.). Новосибирск, 1977. С.11-26.
- 16 См.: ЦГАДА. Ф.214. Кн.1065 (сметы за 1692-95 гг.).
- 17 По Кузнецку - за 1654/55 г. (ЦГАДА. Ф.214, № 499); Енисейску - за 1653/54 г. (№ 317. Л.30 и сл.); Нарыму и Кетску - за 1654/55 г. (№ 488); Красноярску - за 1656/57 г. (№ 532).
- 18 ЦГАДА. Ф.214. № 1. Л.333-334.
- 19 Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в ХУП в. // Научные труды. М., 1959. Т.4. С.40-44.
- 20 Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг. Ч.1. С.331.
- 21 ПМЗ. Дрeвлехранилище, № 311/384, 4⁰, 117 л., скоропись, филигрань - герб г.Амстердама, голова щута IY и III типа (по классификации С.А.Клепикова) с контрамаркой FGH (в картуше); по листам скрепа С.И.Путятина.
- 22 ПМЗ. Дрeвлехранилище, № 310/383, 4⁰, 14 л., скоропись, филигрань - герб г.Амстердама, начала ХУШ в.
- 23 См., например: Булгын Ю.С. К истории возникновения городов Новосибирской области Бердска и Тогучина // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск. 1978. С.313-321.
- 24 Отмечены сборы с д.Лавровой, с.Николаевского, д.Ивана Ставского, д.Корноуховой, д.Брагиной, д.Трубачевой, д.Байгуловой, д.Позняковой, с.Богородцкого, д.Десятовой, д.Кожевниковой, д.Софроновой, д. "на речке Уптале", д.Карбышевой, д.Нелибиной, д.Губиной, д.Звярянской.
- 25 Кроме того, по 18-ти дворам отмечена недоимка.

- 26 ПМЗ. Древлехранилище, № 320/395, 4⁰, 7 л., скоропись разных рук, филигрань - герб г.Амстердама с литерами AI (лигатура), л. I и 7 об. чистые; скрепа отсутствует.
- 27 О нем см.: Виктор, архим. Описание Томского Алексеевского мужского монастыря (отд. оттиск из "Сибирского Вестника" за 1888 год).
- 28 Государственный архив Тюменской области. Путеводитель. Тюмень, 1960.
- 29 ПМЗ. Древлехранилище, № 331/234, 2⁰, 63 несброшюрованных листа, скоропись разных рук, подписи архиепископа Антония, монастырских казначеев, приказного надзирателя Григория Карташева и подканцеляриста Филиппа Кокорева, архиерейская печать.
- 30 Там же. № 321/396, 4⁰, 4 л., скоропись двух почерков, филигрань - герб г.Амстердама с контрамаркой IDI, 1730-х гг., текст полный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1644 г., сентября I - 1645 г., августа 31.

Сметный список денежного прихода
Томской приказной избы

(л. I об.) "Список сметной Томского города [77] 153-го
году, а пометной ко [77] 154-му году (л. 2)

Смета государским царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии Томского города денежным доходом 153-го году, что осталось за расходом у 152-го во 153 год и что во 153-м году в томском приходе^а при столнике и воеводах, при князе Дмитрее Ивановиче Щербатом да при Ондрее Офонасьевиче Молдяннове, да при дьяке при Борисе Патрекевиче, сентября с I-го числа 153-го году да сентября же по I число 154-го году^б всяких денежных доходов; и что^в с того числа^в тех денежных доходов во 153-м году в расходе служилым (л. 2 об.) людям, и ружником, и оброчником, и чацкии и томским мурзам и татаром, и опальным людям на корм; и томского розряду острогов служилым людям, и ружником, и оброчником в государево цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованье; и пашенным крестьяном на подмогу и на неокладные на всякие расходы вышло в Томском и Томского розряду в^г острог [и], выслано^г служилым людям государева жалованья в^д руки дано;^д и что у 152-го во 153-м годе денежных доходов налицо осталось. И то писано в сем сметном списке подлинно (л. 3).

В Томском городе в съезжей избе в приходной книге 152-го году написано: у 152-го году денежных доходов осталось налицо во 153-м годе 2777 рублей 23 алтына. Да по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте во 153-м году прислано с Москвы в Томской

а Написано над строкой.

б Далее: "в приходе" - зачеркнуто.

в-в Написано над строкой.

г-г Написано другим почерком (далее П-2) поверх зачеркнутого "острога и".

д-д Написано над строкой П-2.

город с томским сыном боярским с Иваном Петровым да служилыми людьми с Ивашком Якимовым с товарищи 3000 рублей (л.3 об.).

Да из до/и/мки взять прошлых лет на 152-м году:

К /И/ваново откупу на откупщиках на Ивашковых порутчиках рудомета, на Бориске, жил с товарищи, данять 14 рублей 26 алтын с полуденгою. И откупщик Ивашко ис Томского збежал, а порутчи ево, томские служилые люди, Бориско /с товарищи/, был послан ис Томского в Тоболеск по государевы хлебные запасы, и ис Тоболска збежал (л.4). На пашенных крестьянех на 51-м человеке взяли 357 рублей, по 7 рублей на человеке, которые денги даны им в заим во 142-м году при столнике и воеводе при князе Миките Егупове Черкаском. И ис тех пашенных крестьян по государеву указу в прошлом во 145-м году посланы в пашню на Красной Яр 12 человек. И по государеву указу на Красной Яр к прежнему к воеводе к Олферью Баскакову ис Томского писано, а велено тех государевых заемных денег на тех (л.4 об.) красноярских пашенных крестьянех доправить по росчету 84 рубли, по 7 рублей на человеке. И в прошлом во 152-м году февраля в 11 день с Красного Яру в Томской прежней воевода Олферей Баскаков писал: В Красноярском остроге пашенных крестьян Еремьку Сидорова киргизы⁶ убили; а Васка Еремей збежал; а Олешка^ж Яковлев Хромый скитаецца меж двор; и доправить денег не на ком. И³ в достальных денгах³ пашенные крестьяне стоя/ли/ на правехе, доправить^н на них вперед (л.5) нечево, нужны и бедны, а иные скитаютца Христовым именем, ходят по двором^к. И в нынешнем во 154-м году в Красноярском остроге к воеводе к Петру Протасьиву писано, чтоб по государеву указу те денги на пашенных крестьянех велел до-

е,ж Далее зачеркнуто: "де".

з-з Исправлено; первоначально было: "и достальные де пашенные", П-2.

и В тексте ошибочно: "доправил".

к Доб. "и вперед де тех денег доправить не на ком"; "да прошлом во 151-м году на томских пашенных крестьянех на Ваське Козлове с товарищи взято 14 рублей 16 алтын 4 денги. А за тем..." - зачеркнуто.

править. А в Томском [на] пашенных крестьянех донять^Л тех денег^Л 258 рублей 16 алтын 4 денги. И в тех денгах томские пашенные крестьяне (л.5 об.) в Томском стоят на правеже.

Да в прошлом же во 152-м году сентября в 19 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Григорья Протопопова писано в Томском к стольнику и воеводам, ко князю Клубкову Мосальскому с товарищи. А по той государеве грамоте велено те деньги доправить на пашенных крестьянех, которые те деньги заимывали, и их на поручиках, для их бедности, не в один год, года в два, или в три, или (л.6) как мочно, потому что они сами в тех деньгах не заперлись и кабал не лживили.

На стороже на Треньке Онтонове донять 19 рублей 3 денги, что те деньги пропали во 147-м году из ящика у подьячево у Федора Реброва.

Да по счету дьяка Аиисима Трофимова на подьячем на Федоре Реброве, что у него за расходом не объявилось, донять 154 рубли (л.6 об.) 21 алтын 5 денег. И в тех деньгах подьячей Федор стоит на правеже.

На сыне боярском на Матвее Сосновском довелось^М взять 29 рублей 18 алтын, что те деньги во 149-м году в таможене украл он, Матвей, из ящика. И Матвей Сосновской по государеву указу, в государеве деле, в прошлом во 151-м году за приставом ис Томского отпущен к Москве^Н.

На томском оброчном человеке на Фролке Левонтьеве оброчных денег (л.7) взять на прошлые на 150-м и на 151-м, и на нынешнем на 153-м годе по 4 рубли. И на нем, Фролке, взять нечево, ходит по двором.

Государевых заемных денег взяти в государеву казну на тоболских, да на тарских, да на тюменских служилых людех, на Кондратье Бабыкине с товарищи, 227 рублей 16 алтын 3 денги, что даны из государевы казны займы при столнике и воеводах, при князе Семене Клубкове Мосальском с товарищи,

Л-Л Написано на правом поле после знака вставки, П-2.

м Над строкой, П-2.

и Доб. "и впредь тех" - зачеркнуто.

для киргизской службы и лошадиной покупки в прошлом во 150-м году (л.7 об.).

И в нынешнем во 153-м году привезли ис Тоболска в Томской город ис Тюмени, ис Тары государевых заемных денег томские служилые люди Обрамко Кизымов с товарищем 106 рублей 26 алтын 4 деньги. А донять^о на них, на тоболских и на тюменских, и на тарских служилых людех, 120 рублей 23 алтына 1 деньга.

На томском новокрещене на Сенке Шелудеке оброк на прошлой на 152-й год^п взис/кать/ во 153-м году^п 13 алтын 2 деньги^р по окладу^р сполна. (л.8).

С площадного письма откупу на откупшике на Тимошке Сеченом с товарищи на прошлом на 152-м годе взять во^с 153-м году^с 11 рублей 3 алтына 2 деньги.

Да томских денежных доходов по приходной книге сентября с 1-го числа 153-го году да сентября же по 1-е число 154-го в приходе.

3 гостина двара с приезжих торговых людей с русских товаров и с томских со всяких людей десятые (л.8 об.) и отъезжие пошлины и всякого збору в прошлом во 152-м году было 798 рублей 25 алтын 5 денег. А в нынешнем во 153-м году таможенного збору верной бранья головы устывления посадцкого человека Федора Митрофанова с торговых с проезжих людей с русских таваров десятые собрано 848 рублей 16 алтын 5 денег. И грибрал верной голова деся(л.9)т/иных зборо/в с мяхкие их рухляди, и с лошадей, и с рогатого скота со всяким числом людей перед прошлым 152-м годом 22 рубли 7 алтын 4 деньги, потому что у торговых и у всяких чинов людей всякого збору перед прошлым 152-м годом было болши.^т

о В тексте ошибочно "донял".

п-п, р-р, с-с Вставлено П-2.

т Доб. "и всего таможенного всякого збору собрал верной голова Федор Митрофанов в нынешнем во 153-м году сентября с 1-го числа да сентября же по 1-е число 154-го году 1121 рубль 18 алтын 1 деньгу" - зачеркнуто.

Томских же доходов...^У (л.9 об.)

3 дву лавок оброчных денег на окладу против прошлого 152-го году рубль 3 алтына 2 деньги, и на нынешней на 153-й год в двух лавок оброк по окладу рубль три алтына 2 деньги взяты сполна.

С торговых и со всяких людей, которых отпускают ис Томского городу к Русе и в сибирские города, с товаров их печатные пошлины (л.10) с рубля по деньге, во 152-м году в зборе было 37 рублей 22 алтына 3 деньги. А в нынешнем во 153-м году печатные пошлины с рубля по деньге собрано 32 рубли 14 алтын 2 деньги. И не добрано печатные пошлины перед прошлым 152-м годом 5-ти рублей 8 алтын 1 деньга, потому что у торговых людей к Русе вышло деньгами больши. (л.10 об.).

С судных дел пошлин и пересуду, и правого десятка, и хожених, и мировых гривен, и служилых кабал, и со всяких крепостей было в зборе во 152-м году 16 рублей 27 алтын пол-деньги. А в нынешнем во 153-м году с судных дел пошлин и пересуд^а, и правого десятка^ф, и хожених, и мировых гривен, и с служилых кабал, и со всяких крепостей не взяты, потому что за бедность^н и за денежною скудостью даваны сроки (л.11).

С подгородной мельницы верного бранья мельничных денег во 152-м году было в зборе 59 рублей 28 алтын 5 денег. А в нынешнем во 153-м году мельничных денег верного бранья собрано 86 рублей 19 алтын 3 денгю. И прибрано перед прошлым 152-м годом мельничных денег 26 рублей 23 алтына 4 деньги, потому что молотья перед прошлым годом было больши. (л.11 об.).

Банних верного бранья денег в зборе было во 152-м году 14 рублей 13 алтын 4 деньги. А в нынешнем во 153-м году банних денег во весь год збору не было, потому что та госу-дарева баня згнила и обвалилася.

С пива и в браги явочных денег во 152-м году в зборе было 4 рубли 5 алтын. А в нынешнем во 153-м году явочных

у Далее часть текста утрачена.

ф Исправлено из ошиб.: "десяткака".

(л.12) денег собрано 8 рублей 9 алтын 2 деньги. И прибрано перед прошлым 152-м годом 4 рубли 4 алтына 2 деньги, потому что явочных денег с пива и з браги было болши.

С квасного откупу против прошлого 148-го году 13 рублей 8 алтын 2 деньги. И тот квасный откуп со 148-го и во 149-м, и во 150-м, и во 151-м, и во 152-м, и в нынешнем во 153-м году в откуп никто не взял (л.12 об.).

С площадного письма откупу по окладу против 152-го году 21 рубль 3 алтына 2 деньги. А в нынешнем во 153-м году с площадного письма от откупу по окладу взято сполна.

Пролубного откупу во 152-м году было 3 рубли с полтиною. А в нынешнем во 153-м году пролубного откупу на откупщиках^х (л.13) 3 рубля 16 алтын 4 деньги по окладу взяты сполна.

С томских с посадцких людей годового оброку по окладу было во 152-м году 38 рублей 8 алтын 4 деньги. И те деньги на нынешней на 153-й год с посадцких людей^п оброк взят сполна.

С томских же оброчных людей оброчных денег было во 152-м году 22 рубли 18 алтын 2 деньги. И те оброчные деньги на нынешней на 153-й год взяты сполна. (л.13 об.).

С томских же и с казанских татар с новокрещенов оброчных денег по окладу во 152-м году 4 рубли 11 алтын 4 деньги. А в нынешнем во 153-м году^ч те деньги с новокрещенов, оброк 4 рубли 18 алтын 4 деньги, взяты сполна^ч.

С кузниц оброчных денег по окладу во 152-м году было 6 алтын 4 деньги. И те деньги на нынешней на 153-й год взяты сполна.

С приезжих с торговых людей во острожное дело во 152-м году было в зборе 23 рубли 27 алтын. А в нынешнем во 153-м году с приезжих с торговых людей в острожное дело собрано 32 рубли 13 алтын 4 деньги. (л.14 об.). И прибрано

х Доб. "на Ивашке Копейщике с товарищи" - зачеркнуто.

ц Доб. "годовой" - зачеркнуто.

ч-ч Перв. было: "с новокрещенов оброчных денег собрано 4 рубли 18 алтын 4 деньги" - исправлено П-2.

в острожное дело против 152-го году на 153-й год 8 рублей
20 алтын, потому что торговых людей в приезде было больше^ш.

Мелеских доходов во 152-м году было в зборе 2 рубли 4
алтын 2 деньги. А в нынешнем во 153-м году мелеского збору
в Томском городе^ш сын боярской Степан Греченин^з не присылы-
вал, потому^з "..."

ПМЗ. Дрвалехранилище, Б 308/381(49), л.1-14 об.,
подлинник.

ш Доб. "а донять на томских и на казанских татарех на
новокрещеных оброчных денег на нынешней на 153-й год
31 алтын денег" - зачеркнуто.

щ Доб. "томской" - зачеркнуто.

з-з Дошсано П-2; дальнейший текст утрачен.

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ ЗНАМЕНСКИЙ, СОБИРАТЕЛЬ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЯРОСЛАВСКИХ РУКОПИСЕЙ

Последняя четверть ХУШ в. явилась в культурной жизни Ярославля временем интенсивного сбора, обработки и, отчасти, публикации местных историко-краеведческих материалов. Деятельность кружка книжников и литераторов, сложившегося вокруг наместника Ярославля А. П. Мельгунова и архиепископа Самуила Миславского, положила начало особой рукописной традиции, которая зафиксировала местные исторические сказания и легенды¹. Собираемые "письменной старинны", присущие ярославским краеведам конца ХУШ в., было продолжено в начале следующего столетия архиепископом Антонием Знаменским. Личность этого просвещенного деятеля своего времени, его археографические изыскания, литературные и историографические опыты до сих пор не привлекали внимания исследователей. В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел: охарактеризовать на материалах, связанных с деятельностью Антония и отложившихся в фондах ОР ГПБ, ЦГИАЛ, ЛОИИ и ярославских книгохранилищ, его научные и историко-литературные интересы, а также занятия по изучению и описанию рукописей библиотеки Ярославского архиерейского дома (далее - ЯАД).

Антоний, сын протоиерея новгородского Знаменского собора, родился в 1765 г. Воспитанник Новгородской духовной семинарии (далее - НДС), будущий архиепископ ярославский выделялся своими учеными познаниями; он был назначен учителем философии в Александро-Невскую семинарию в 1792 г., а уже через три года - определен ее ректором. С 1799 г. Антоний занимал пост архиепископа старорусского, викария новгородского; затем, в 1802 г., поступил в Вологодскую епархию. В Ярославль Антоний был переведен из Тобольска, где с 1803 по 1806 г. занимал архиепископскую кафедру. Пробыв в Ярославле 12 лет (1806-1818 гг.), он был вызван "для присутствия" в Синод. После двух лет, проведенных в столице, архиепископ был "уволен на покой" в Новгородский Дере-

вягинский монастырь, где в 1824 г. "пожелал во смирение"².

Остановимся подробнее на деятельности Антония Знаменского во время его пребывания на архиерейской кафедре в Ярославле. Сразу же по принятии епархии, он занялся "благоустройением" архиерейского дома (по меткому выражению А.А.Титова, ярославского краеведа и коллекционера XIX в., "этот преосвященный немало искажил драгоценных архитектурных памятников древности, в особенности же перепортил Преображенскую церковь в Спасском монастыре"³, построенную в начале XVI в.). Однако не только многочисленные перестройки и благоустройство старых зданий в бывшем Спасо-Ярославском монастыре занимали нового архиепископа. Антоний Знаменский, как ни один из его предшественников, проявлял заботу и внимание к книжным богатствам, собранным в ЯАД. В 1810 г. он перестроил здание семинарской библиотеки, позднее им было выстроено трехэтажное здание для архиерейской ризницы. Здесь после 1817 г. была размещена значительная по объему библиотека ЯАД: к 1790 г. она объединила в себе книжные фонды переведенной в Ярославль указом Екатерины II ростовской архиерейской кафедры и библиотеку упраздненного тем же указом Спасского монастыря⁴. При Антонии Знаменском в 1811 и 1819 гг. были составлены первые описи этой объединенной книгохранилища. В отличие от предыдущих описей XUI-XUIII вв., преследовавших исключительно охранительные цели, документы, подготовленные по распоряжению Антония, являлись собой первый опыт научного подхода к описанию ярославских рукописей. Архиепископ лично рассмотрел более 200 книг ЯАД: об этом говорят пространые записи, оставленные им на переплетных листах и раскрывающие "именование, содержание и обстоятельства" написания каждого кодекса. Эти записи Антония легли в основу описей библиотеки ЯАД 1811 и 1819 гг., которые открыли практику постатейного раскрытия содержания рукописей с включением в описательную статью сведений о записях писцов, вкладчиков и прежних владельцев⁵.

Судя по данным библиотечной описи 1811 г., рукописные книги, равно как и печатные, прибывшие из Ростовского архиерейского дома (далее - РАД), первоначально хранились

отдельно от рукописной и печатной коллекции бывшего Спасо-Ярославского монастыря. Это подтверждается и "Отписной книгой имущества и строений ЯАД" того же года. В ней сначала указаны рукописные книги, "значащиеся по бывшей ростовской описи", а затем - "книги писменные и значащиеся по бывшей монастырской описи"⁶. В этой описи имущества ЯАД находим обычные для средневековых библиотек приемы описания рукописей: самое краткое название, перенесенное из предыдущей описи (в данном случае - из описи имущества РАД 1790 г.⁷ и Отписной книги упраздненного Спасо-Ярославского монастыря 1788 г.⁸), и указание формата книги. Уже качественно иной является библиотечная опись ЯАД 1811 г.: в ней рукописи были описаны с постатейным раскрытием их содержания. Порядковые номера из этой описи были перенесены на конкретные экземпляры рукописей: они были обозначены на специальных бумажных наклейках на корешках книг ЯАД. На основе использования порядковых номеров описи 1811 г. и библиотечных помет, оставленных на начальных листах книг Антонием Знаменским, стало возможным с большей степенью точности выделить ростовскую коллекцию из общего собрания ЯАД, отделить ее от рукописей Спасского монастыря и тех книг, которые поступили в ЯАД в XIX и XX вв.

После перевода библиотеки ЯАД в 1817 г. в здание ризницы, по распоряжению архиепископа, коллекция рукописных книг была расставлена на полках уже не "по бывшей ростовской описи" и "по бывшей монастырской описи", а по тематическому принципу. Сохранилось распоряжение Антония от 13 октября 1817 г. о "сочинении новой описи книгам печатным и рукописным, грамматам, ландкартам и прочим сего рода бумагам"⁹. Документ предписывал разделить опись на две части: в первую должны были записать книги печатные; в другую - рукописи. Евангелия и Апостолы, "украшенные серебром и прочим для употребления при священнослужениях", предлагалось в библиотеку не вносить, а оставить в "ризничной". Кроме того, Антоний Знаменский разработал собственную систему расстановки книг и документов¹⁰. Книгохранители должны были придерживаться нового порядка, по которому в начале библиотеки по-

мешались книги священного писания, "толковники, св.отцы... и прочие догматические и христианского нравоучения проповеди", сюда же Антонием были причислены жития святых, церковное право, церковная история и богослужебные книги. Второй раздел библиотеки составляли сочинения по философии, логике, метафизике, "естественной истории", воспитанию, политике, экономике и торговле. Далее была выделена "словесность" - буквари, грамматики, словари, риторика, поэзия и всякия сочинения красного слову". Четвертый раздел заключал в себе книги по "технологии", архитектуре, живописи, нотные памятники. Особую часть библиотеки составляли исторические сочинения, сюда же были отнесены родословия, грамоты и гербовники. Последний раздел включал путешественные записки, атласы, карты, топографические описания, другими словами, "географию во всех ее видах". Как свидетельствует библиотечная опись 1819 г., книгохранители упростили схему Антония Знаменского и оставили в библиотеке только три больших раздела: "Книги рукописные духовные", "Нотные книги" и "История". В описи 1819 г. появляются новые инвентарные номера, теперь их проставляли красной краской на верхней части корешка каждой рукописи ЯАД. Сведения о количестве листов в этой описи отсутствуют, а датировка рукописей указана только в тех случаях, когда о времени написания книги имелась запись писца^{II}.

Итак, при деятельном участии архиепископа Антония впервые были составлены описания ярославских рукописей, а книжные фонды ЯАД систематизированы по тематическому принципу.

Помимо изучения и описания библиотеки ЯАД, Антоний Знаменский активно занимался собирательской деятельностью и копированием древних оригиналов. Ученые интересы архиепископа, связанные, в основном, с русской историей, обусловили наличие в его библиотеке определенного количества рукописных копий исторических источников, среди них - оригинальные местные краеведческие материалы. Составленные Антонием сборники и личные книги в 1824 г. по его завещанию поступили в НДС, где спустя пять лет был составлен подроб-

ный каталог библиотеки ярославского архиепископа¹². В настоящее время семинарские рукописи хранятся в ОР ГПБ, ф.522. Выявление рукописей, принадлежавших Антонию, проводилось на основе сопоставительного анализа данных каталога 1829 г. и каталога библиотеки НДС, составленного в конце XIX в.¹³ Обратимся теперь к более детальному рассказу об археографических изысканиях архиепископа Антония.

Глава ЯАД был лично знаком с известными коллекционерами того времени, графом Н.П.Румянцевым и Осер-прокурором Синода А.И.Мусиным-Пушкиным. Последний снабжал ярославского архиепископа книжными новинками по русской истории. По заданию Антония, с Хронографа редакции 1617 г., переданного в 1792 г. Мусину-Пушкину из РАД¹⁴, было сделано четыре копии¹⁵: для ЯАД¹⁶, семинарской библиотеки¹⁷, коллекции Н.П.Румянцева¹⁸, и для самого Антония¹⁹. Интересовался архиепископ и древними рукописями из собраний местных библиофилов. В 1810 г. он заказал для себя копии с двух рукописей исторического содержания из библиотеки С.П.Соковнина²⁰. В 1815 г. по его распоряжению для ярославской семинарии и библиотеки самого Антония были изготовлены два списка Стоглава с "нестарой рукописи, уставом писанной, в четверть", принадлежавшей полковнику Поливанову, помещику Даниловского уезда Ярославской губ.²¹ В 1816 г. ростовский купец и собиратель "книжной старины" В.М.Хлебников передал Антонию для библиотеки ЯАД сборник исторического содержания XVII в.²², а взамен был "отдари" копией с него²³; вторая такая копия перешла в личное собрание архиепископа²⁴. В том же 1816 г. Антоний получил от жительницы "Мышкинской округи села Красного" М.В.Змеевой Угличский летописец конца XVIII в.²⁵, его копия была оставлена в библиотеке ЯАД²⁶. В собрании Антония хранились еще два списка этого угличского памятника провинциальной историографии конца XVIII в.²⁷ Около 1810 г. Антоний Знаменский получил из Ростова копии библиотечных описей Спасо-Яковлевского и Авраамиева монастырей²⁸. Рассмотрев их, архиепископ вернул эти документы на доработку с тем, чтобы книгохранители указали в описях выходные данные изданий. Впоследствии в Яковлевском монастыре

по просьбе Антония была изготовлена копия с рукописи, которая содержала переписку митрополита Иова²⁹. Среди корреспондентов этого новгородского владыки — видные церковные и политические деятели начала XIII в. — Стефан Яворский, Федор Поликарпов, братья Лихуды, Дмитрий Ростовский, Карион Истомир, И.А.Мусин-Пушкин, Б.П.Шереметьев, А.Д.Меншиков, Б.Прозоровский и др. Из Николо-Улейминского монастыря Антоний получил список с принадлежавшей этой обители рукописи Угличского летописца³⁰. Кроме того, архиепископ скопировал для своей библиотеки летописные памятники и акты из книжицы ЯАД³¹. Поскольку П.М.Строев, который обследовал архиепископскую библиотеку в 1830 и 1831 гг.³², вырезал из ярославских рукописей ряд исторических статей, копии Антония Знаменского помогают в какой-то мере восстановить содержание утраченных ныне текстов и определить, из каких сборников они были изъяты. Так, опубликованный А.П.Богдановым Краткий ростовский летописец конца XVII в.³³, прежде чем попал в собрание П.М.Строева³⁴, находился в сборнике ЯАД № 870³⁵. Антоний Знаменский, обследовавший этот кодекс на 15 лет раньше выдающегося археографа, выписал из него статьи исторического содержания³⁶, в том числе и Ростовский летописец, который помещался в рукописи ЯАД на листах I08—II6³⁷. Кроме того, П.М.Строев вывез из Ярославля следующие заинтересовавшие его сочинения: Послание патриарха Андриана митрополиту новгородскому Иову об "отступнике" дьячке Юрке Микляеве и Отписка Иова патриарху Адриану о соборном деянии по делу дьячка Юрки, Послание патриарха антиохийского Макария патриарху Никою о "крещении еретиков" 1657 г. Названные памятники находились в рукописи ЯАД № 771³⁸ и в настоящее время известны только благодаря копиям из библиотеки Антония Знаменского³⁹.

В 1809 г. Антоний Знаменский по распоряжению Синода подготовил краткую записку "О монастырях в Ярославской епархии обретающихся". Ее содержание без изменений вошло в шеститомное издание Амвросия Орнатского "История российской иерархии" (М., 1807—1815)⁴⁰. После выхода в свет последнего тома труда Амвросия ярославский архиепископ решил собрать дополнительные сведения по истории монастырей и церквей

епархии. С этой целью он в 1817 г. разослал на места запросы "в дополнение российской иерархии". Настоятелям монастырей и соборным протоиереям предлагалось выслать в ЯАД копии древних актов, сведения о местных святых, основателях обителей и других "исторических достопамятностях". Еще через год Антоний запросил исторические материалы из архивов ярославских церквей. Более того, архиепископ сам обследовал и записал "какие в Ярославском архиерейском доме в церквях на стенах, камнях, и прочих местах имеются надписи"⁴¹. Таким образом, в личном архиве главы ЯАД отложился уникальный комплекс материалов по местной истории. В сборниках Антония Знаменского были собраны копии актов XVII-XVIII вв. из архивов Ростовских Рождественского⁴², Богоявленского Авраамиева⁴³, Борисоглебского⁴⁴, Троице-Варницкого⁴⁵, Угличского Покровского⁴⁶, Любимского Спасо-Геннадиева⁴⁷, Пошехонского Адрианова⁴⁸ монастырей. К документам были приложены списки настоятелей этих обителей, которые гораздо полнее составленных П.М.Строевым⁴⁹. Из Ростова Антоний Знаменский получил сведения о древних актах из архивов Воскресенской, Толгской и Никольской церквей⁵⁰, описание Успенского собора, составленное в 1780 г.⁵¹, а также заметки о прибытии Арсения Мацевича на ростовскую кафедру в 1742 г.⁵² В собрании Антония Знаменского находился список Летописца о ростовских архиереях⁵³, Топографическое описание Ярославской губ. 1804 г.⁵⁴, "Краткое описание Толгского монастыря" 1809 г.⁵⁵

Угличские материалы были присланы в ЯАД в 1817-1818 гг. из городского Преображенского собора и Казанской церкви; кроме копий документов XVIII в.⁵⁶, для Антония Знаменского были доставлены выписки из "книги разных древних происшествий в городе Угличе, собранной того города купца и фабриканта Максима Григорьевича Переславцова предками"⁵⁷. Содержание этих выписок указывает на то, что в конце XVIII - середине XIX в. на посаде Углича переписывались исторические материалы, вышедшие из архивов Преображенского собора, Покровского и Николо-Улейминского монастырей. Кроме того в сборнике Переславцева имелись краткие летописные заметки

за 1605 г. об освидетельствовании мощей князя Романа, 1609 г. - о "угличском от литовских людей разорении"; 1647, 1660-1661, 1663, 1685 и 1723 гг. - о событиях, связанных с медным бунтом, и ценах на хлеб; о приезде патриарха Никона в Углич 29 ноября 1661 г.; 1690 г. - о строительстве в городе церкви во имя царевича Дмитрия.

Кроме ярославских материалов Антоний имел в своем архиве ряд рукописей исторического содержания, среди них - Повесть временных лет⁵⁸, послания митрополита новгородского Иова⁵⁹, "Историческое описание о Суздале"⁶⁰ сочинение Н.П.Крекшина "О зачатии и рождении Петра I"⁶¹, "Краткое описание от коево времени во граде Владимире епископство началось"⁶², Стоглав⁶³, выписки из трудов Платона Левшина, Евгения Болховитинова, Амвросия Орнатского, В.Н.Татищева, М.М.Щербатова, А.Л.Шлецера, Г.Ф.Миллера, Н.М.Карамзина и др.

Особенный интерес представляет список летописной редакции Диаркуша Дмитрия Ростовского⁶⁴. Оригинал был составлен епископом смоленским Иринеем Фальковским⁶⁵, который для написания этой рукописи использовал три списка Диаркуша из библиотеки Киево-Печерской лавры (в том числе один список "руки" самого Дмитрия) и дополнил их собственными записями за 1751-1763 гг. Во время Отечественной войны 1812 г. епископ Иринея оказался в Ярославле, привезенная им небольшая библиотека сразу заинтересовала Антония. Кроме Диаркуша он скопировал замечания и дополнения Иринея к "Истории российской иерархии" Амвросия Орнатского⁶⁶.

Кроме рукописей, - их у Антония было 31, - ему принадлежала значительная по объему библиотека печатных книг XVI - начала XIX в. Она насчитывала более двух тысяч названий, из них 155 - книги по истории, издания русских летописей, большая подборка топографических описаний различных губерний России, сочинения современных Антонию историков. В целом, подбор книг ярославского архиепископа указывает на широкие литературно-исторические вкусы их владельца⁶⁷.

Библиофильство Антония переросло под конец его жизни в попытки самостоятельного осмысления сведений о России, помещенных в многочисленных изданиях XVIII - начала XIX в.

В рукописях архиепископа находится три его опыта по русской истории — это "Азбучный список древних и новых землеописателей, в коих можно искать славяно-русские древности"⁶⁸, "Историография российская систематическая" в кратком⁶⁹ и пространном⁷⁰ вариантах и, наконец, "Взгляд на памятники древних славяно-росских бытий"⁷¹. Каковы источники этих библиографических и историографических трудов Антония Знаменского? Приведем здесь его собственное высказывание на этот счет: "Выбирал я книги из Сошкова, каталогсы и книг... издания оных видны по моей библиотеке ... и из частных моих выписок", среди них "краткие списки на труды Шлецеровы, Селиевы, Рапчева и прочих ... древних, средних и новых писателей". Труды Антония так и остались в рукописи незавершенными: "Продлить, усовершенствовать, дополнить необходимо, кто хочет успеха в познании славяно-русских древностей", — писал он. В целом, эти сочинения ярославского архиерея можно охарактеризовать как тщательно продуманный опыт систематизации и критического осмысления вышедшей к началу XIX в. литературы по русской истории. К сожалению, дальше скрупулезного разбора трудов о скифском периоде Антоний продвинуться не смог. Безусловно, его опыты будут интересны тем, кто изучает становление историографии как науки.

Итак, деятельность Антония Знаменского по описанию и систематизации книжных богатств, собранных в архиерейском доме, положила начало научному изучению крупнейшего и наиболее древнего рукописного собрания в Ярославле. Кроме того, собранный Антонием комплекс материалов по местной истории конца XVII—XVIII вв. является источником уникальным, поскольку большинство скопированных для архиепископа документов до настоящего времени не сохранилось.

-
- 1 См.: Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1988. Гл. IV.
 - 2 См.: Иерархи ростово-ярославской паствы в преемственном порядке с 922 г. до настоящего времени. Ярославль, 1864. С. 278—282; Летописец о ростовских архиереях. М., 1890.

- С.24, 57-58; Сулоцкий А., протоиерей Антоний Знаменский, архиепископ тобольский // Странник. СПб., 1868. Т.4. С.5-53; Макарий, епископ орловский и севский. Заметки из автобиографии Антония Знаменского // Странник. СПб., 1868. Т.4. С.108-114; Наброски автобиографии Антония Знаменского обнаружены в рукописи ОР ГПБ. Ф.522. № 6833. Л.7-11.
- 3 Летописец о ростовских архиереях. С.58.
 - 4 Полное собрание законов Российской империи. 1784-1788 гг. СПб., 1830. Т.22. С.1073-1074.
 - 5 Государственный архив Ярославской области (далее - ГАЯО). Ф.232. Оп.1. Д.1448. Описание библиотеки ЯАД 1811 г.; Ярославский музей-заповедник (далее - ЯМЗ), № 15286. Описание библиотеки ЯАД 1819 г.
 - 6 ЯМЗ-15609, л.111 об., 113. Стписная книга ЯАД 1811 г.
 - 7 Ростовский филиал ГАЯО. Ф.197. Оп.2. Д.1338. Опись имущества РАД, перевезенного в Ярославль. 1790 г.
 - 8 ГИМ. 86069. Арх.1790. № 65. Отписная книга Спасо-Ярославского монастыря 1788 г.
 - 9 ГАЯО. Ф.232. Оп.1. Д.1573. Л.1-1 об. Распоряжение архиепископа Антония Знаменского о составлении описания библиотеки ЯАД. Октябрь 13, 1817 г.
 - 10 В записках Антония Знаменского сохранилась разработанная им библиотечная классификация ("Библиографическая система или методическое распределение книг, расположенное по порядку материй"). При составлении своего распоряжения в 1817 г. архиепископ положил ее в основу этого документа. См.: ОР ГПБ. Ф.522. № 6833. Л.2-4.
 - 11 ЯМЗ-15286. Описание библиотеки ЯАД 1819 г.
 - 12 ЦИАЛ. Ф.834. Оп.3. Д.3277. "Каталог книг, пожертвованных покойным Антонием Знаменским, архиепископом ростовским и ярославским" (в НДС). 1829 г.
 - 12 ОР ГПБ. Г.ХУШ.73. Том 2. Опись библиотеки НДС конца XIX в. Благодаря сотрудникам ОР ГПБ (и особенно В.С.Белоненко) за консультации по фонду 522 (НДС).
 - 14 ЦИАЛ. Ф.796. Оп.72. Д.280. Л.181 об.-182; ГАЯО. Ф.232. Оп.1. Д.615; ЯМЗ-15259. Л.125-126. См. также: Дмитриев Д.А. История открытия рукописи "Слова о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" - памятник XII в. М.-Л., 1962. С.406-429; Соловьев А.В. Ростовские Хронографы и Хронограф Спасо-Ярославского монастыря // Летописи и хроники: Сб. ст.1973 г. М., 1974. С.354-359; Прийма Ф.Я. "Слово о полку Игореве" в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С.36-38; Козлов В.П. Кружок А.И.Мусина-Пушкина и "Слово о полку Игореве": Новые страницы истории древнерусской поэмы в ХУШ в. М., 1988. Приложение II, № 40-43.
 - 15 См.: Козлов В.П. Об одном Хронографе из собрания И.А.Мусина-Пушкина // Летописи и хроники: Сб. ст.1984 г. М., 1984. С.114.

- 16 ЯМЗ-15450.
- 17 ГАЮ, коллекция рукописей, № 122.
- 18 ОР ГБЛ. Ф.236. № 462.
- 19 ОР ГПБ. Ф.522. № 6823.
- 20 ОР ГПБ. Ф.522. № 6820. Л.2-17 об.
- 21 ЯМЗ-15711; ОР ГПБ. Ф.522. № 6791.
- 22 ЯМЗ-15476.
- 23 ОР ГПБ. Ф.775 (собрание А.А.Титова). № 2011.
- 24 ОР ГПБ. Ф.522. № 6828.
- 25 ОР ГПБ. Ф.522. № 6826.
- 26 ЯМЗ-14891.
- 27 ОР ГПБ. Ф.522. № 6827, 6822. В XIX в. для Археографической комиссии была снята копия с рукописи Угличского летописца, принадлежавшего Антонию Знаменскому. См.: Барсуков Н. Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. С.55, № 124.
- 28 ОР ГПБ. Ф.522. № 6837. Л.108-121 об.
- 29 ОР ГПБ. Ф.522. № 6834.
- 30 ОР ГПБ. Ф.522. № 6827.
- 31 ЯМЗ-15476; ОР ГПБ. Ф.522. № 6824, 6836. Л.123-126 об.; № 6845. Л.1-141, 161-188. В XIX в. для Археографической комиссии была снята копия с рукописи № 6845 (см.: Барсуков Н. Рукописи Археографической комиссии. С.46, № 75).
- 32 См.: Барсуков Н. Жизнь и труды П.М.Строева. СПб., 1878. С.212, 221; Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.-Л., 1940. С.180-181.
- 33 Краткий ростовский летописец. Публикация А.П.Богданова // Советские архивы. 1981. № 6. С.33-37.
- 34 ОР ГПБ. Ф.588 (собрание М.Н.Погодина). № 1564. Л.114-121 об.
- 35 Рукопись из библиотеки ЯАД № 870 сохранилась - ныне ЯМЗ-15476.
- 36 ОР ГПБ. Ф.522. № 6828.
- 37 В рукописи ЯМЗ-15476 л.116-л.107 старой пагинации, а следующий л.117 = л.117 старой пагинации, таким образом 9 листов из сборника были изъяты.
- 38 В рукописи из библиотеки ЯАД № 771 - ныне ЯМЗ-15247 - были изъяты л.472-494.
- 39 ОР ГПБ. Ф.522. № 6820. Л.27-34 об.
- 40 См. об этом подробнее: Троицкий И. Ярославская епархия. Ярославль, 1901. Вып.1. С.9.
- 41 ОР ГПБ. Ф.522. № 6820. Л.42-46 об.

- 42 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.47-58 об.
- 43 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.91-97.
- 44 ОР ГПБ. Ф.422. № 6836. Л.99-102 об.
- 45 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.108-109.
- 46 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.103-105 об.
- 47 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.106-107 об.
- 48 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.110-113.
- 49 Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877; ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.97 об.-98 (список настоятелей Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря); л.100 об.-102 об. (список настоятелей Ростовского Борисоглебского монастыря); л.121-122 (список настоятелей Пешехонского Адрианова монастыря).
- 50 ОР ГПБ. Ф.522. № 6835. Л.112-113.
- 51 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.39-45 об. По этой рукописи Антония Знаменского "Описание Ростовской соборной церкви, нынешней и прежде бывших" было издано в Ярославских епархиальных ведомостях (1830, № 27-28).
- 52 ОР ГПБ. Ф.522. № 6835. Л.16-22 об.
- 53 Рукопись в ОР ГПБ не поступила, в НДС значилась под № 6832.
- 54 Рукопись в ОР ГПБ не поступила, в НДС значилась под № 6825.
- 55 ОР ГПБ. Ф.522. № 6835. Л.110.
- 56 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.59-62, 81-90 об.
- 57 ОР ГПБ. Ф.522. № 6836. Л.63-80 об.
- 58 ОР ГПБ. Ф.522. № 6824.
- 59 ОР ГПБ. Ф.522. № 6834.
- 60 ОР ГПБ. Ф.522. № 6820.
- 61 ОР ГПБ. Ф.522. № 6829.
- 62 ОР ГПБ. Ф.522. № 6835. Л.2-15 об.
- 63 ОР ГПБ. Ф.522. № 6791.
- 64 ОР ГПБ. Ф.522. № 6817.
- 65 См. о нем: Скворцов И. Хроника жизни Ирины Фальковского, составленная по его рукописям // Киевские губернские ведомости. 1861. № 6, 8, 10; Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т.1. Вып.1. С.646-647.
- 66 ОР ГПБ. Ф.522. № 6833. Л.7-11.
- 67 ЦИАЛ. Ф.834. Оп.3. Д.3277. Каталог библиотеки архиепископа Антония Знаменского. 1829 г.
- 68 ОР ГПБ. Ф.522. № 6821. Л.35-110; № 6837. Л.2-21 об.
- 69 ОР ГПБ. Ф.522. № 6837. Л.22-60 об.
- 70 ОР ГПБ. Ф.522. № 6821. Л.2-33.
- 71 ОР ГПБ. Ф.522. № 6821. Л.112-140 об.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ МУЗЕЯ "АРХАНГЕЛЬСКОЕ" ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди памятников культуры, сохранившихся в Москве и Подмосковье, особое место принадлежит Архангельскому. Наряду с Кусковым и Останкиным, Архангельское является высоким образцом художественной культуры своей эпохи.

Своеобразие этих усадебных комплексов – в органическом слиянии всех видов искусства в целостный ансамбль, единый по своим внутренним художественным взаимосвязям. Окружающий ландшафт и значительные сооружения прежних лет включались в создаваемую архитектурно-пространственную композицию, обогащая ее. В начале XIX в. Архангельское стало одной из самых прославленных усадеб среди многих других дворянских поместий, появившихся к этому времени в окрестностях Москвы.

Ее историография обширна и многообразна. Она представляет собой изыскания ученых различных отраслей знаний. Первыми были прояснены искусствоведческие аспекты строительства усадьбы, ее художественного наполнения, бытования наиболее значительных произведений искусства. Открыты имена архитекторов, художников, литераторов, общественных деятелей, чьи биографии в той или иной степени связаны с Архангельским¹.

С середины XIX в. постоянное внимание достопримечательностям усадьбы уделялось в научно-популярной литературе².

В 20–30-е и 50–70-е годы XX века хозяйственная деятельность Юсуповых стала сферой интересов ученых, занимавшихся историей аграрных отношений. На примере отдельных вотчин рассматривались процессы формирования крупного землевладения и землепользования в XVIII–XX вв.³

Основой разнообразных исследований является документальный комплекс – фонд I290 Юсуповых в ЦГАДА, насчитывающий 27 тыс. дел. Он был сформирован поступлениями 1923 и 1929 гг. из бывшего архива Московской канцелярии и подмосковных вотчин Юсуповых и из Ленинградского центрального

исторического архива, куда попали материалы Петербургской канцелярии Управления именными и домами князей Юсуповых. В десяти описях систематизированы личные бумаги и переписка членов этой семьи, документы, характеризующие их хозяйственную деятельность, структуру управления вотчинами, изобразительные материалы.

Небольшая часть бывшего архива – около 300 дел хранится сейчас в Архангельском и остается малоизвестной широкому кругу исследователей⁴. Он содержит сведения по организации и управлению хозяйством; учетную документацию, отражающую ремонтно-восстановительные работы, состав художественных коллекций, материалы, зафиксировавшие облик усадьбы в XIX столетии, и интерьеры большого дома со второй половины XIX – начала XX в.

Эти материалы интересны тем, что раскрывают отдельные аспекты существования всего ансамбля, эволюцию декоративного убранства, состава коллекций; несут в себе черты эпохи, их создавшей, ее вкуса, эстетических идеалов. Еще большую ценность они приобретают, если соотнести их с документальным фондом ЦГАДА и вещевым материалом собраний Архангельского. В основе такого анализа – взгляд на вотчинную документацию как на единый комплекс с вытекающими из этого методическими требованиями его изучения. Он полностью соответствует системному подходу к исследованию явлений общественной жизни.

Сложность работы с ними вытекает из того, что чертежи, картины и рисунки потеряли свои сопроводительные документы, т.е. изобразительный и рукописный материал, тесно связанный функциональными свойствами в их реальной жизни, перестал составлять единое целое. И одной из задач исследователя, если он хочет получить объективную информацию, должно стать выявление взаимно дополняющих друг друга источников. В случае, когда какой-то эпизод не отражен в письменной документации, но отражен в изобразительной, или наоборот, появляется возможность восстановить недостающие звенья живописью, графикой или соответствующим письменным источником, составить т.о. необходимый четкий "логический ряд", который

обеспечивает исследованию прочную научную основу.

Исходя из этих общих соображений, рассмотрим документальный фонд архива в соответствии со значением его для истории усадьбы.

Важнейшими по строительству и бытованию памятников являются изобразительные материалы. Они дают возможность воспроизвести все составные части дворцово-паркового ансамбля и хозяйственные постройки. Развитие товарно-денежных отношений на новом этапе привело к организации даже в парадных усадьбах небольших фабрик и мануфактур. Они строились в тождественном главному дому классическом стиле, что придавало им художественный облик. Их чертежи создавались в ходе строительства, ремонтов и различных переделок более позднего времени.

В отделе изобразительного искусства сейчас находится более 100 листов, часть которых поддается идентификации с "Реестром рисункам села Архангельского" (бумага с водяным знаком 1816 г.) и "Описью архитектурных чертежей и землемерных планов" 1862 г. из архива музея⁵.

Сохранились чертежи Большого дома, парковых павильонов и сооружений: беседок, колонн, ворот, хозяйственных служб⁶. Они представляют собой проекты, выполненные профессиональными зодчими; копии с них, воспроизведенные крепостными архитекторами; чертежи, дающие детальную разработку планов с учетом уже существующих построек, также подготовленные крепостными, и фиксационные чертежи. Хронологически эта категория источников делится на несколько групп.

Небольшая часть документов конца XVIII в., которая создавалась при строительстве, дает возможность назвать некоторых архитекторов, привлекавшихся для создания ансамбля в Архангельском. В первую очередь это автор проекта большого дома Шарль де Герн (1748 – после 1789). При сопоставлении его подписных чертежей с результатами натурных исследований видно, что общий план дома и первого этажа был выдержан согласно замыслу зодчего⁷. Практически без отклонений от проекта, выполненного Г.Петтонди, возведена библиотека, входившая в ансамбль Каприза⁸.

Парковые сооружения: колонны, обелиск, террасы разрабатывались Дж.Тромбара (1742-1808), приехавшим в Россию вместе с Кваренги в 1779 г.⁹ По мнению С.В.Бессонова, архитектор был близко знаком с Н.А.Голицыным и работал в Архангельском во время строительства дворцово-паркового ансамбля, однако его проекты из числа сохранившихся не нашли своего воплощения в усадебном комплексе, и архивные документы, которыми мы располагаем в настоящее время, не позволяют точно перечислить выполнявшиеся им работы.

Авторам, имена которых пока остаются неизвестными, принадлежат планы оранжерей, павильона с полукруглой колоннадой, нескольких беседок¹¹.

Группа чертежей XVIII в. является самой малочисленной, дошедшей до нашего времени не полностью. Она дает возможность выявить архитектурную основу, по которой осуществлялось строительство в Архангельском, и позволяет говорить о работе нескольких зодчих и множества мастеров, связанных с единством художественного мышления.

Но восстановить в подробностях композицию Большого дома и Каприза, террас и устройство парка без поиска дополнительных фактов и подтверждений невозможно. Здесь перед нами встает проблема, часто встречающаяся при изучении усадебных сооружений, когда наличие документальных свидетельств о выполнении проекта известного нам автора требует сведений о тех, кто на месте занимался его осуществлением, и уточнения в какой степени был воспроизведен первоначальный замысел проектировщика.

Относительно полное впечатление об ансамбле можно составить по графике 10-20-х гг. XIX в.

Сохранилось несколько планов усадьбы. Самый ранний выполнен на бумаге с водяным знаком 1814 г.¹² На нем указаны Большой дом, колоннада, флигеля, ансамбль Каприза, оранжереи и жилые корпуса на берегу Москвы-реки, отмечена общая площадь парка.

Тщательность и точность исполнения отличаются чертежи, подготовленные крепостными архитекторами И.Боруновым в 1818 г.¹³ и П.Шестаковым в 1829 г.¹⁴ Первый воссоздает порядок размещения построек усадьбы, а второй ее дальнейшее

развитие и знакомит не только с сооружениями на парадной и хозяйственной территории, но и прослеживает принцип посадки деревьев, характер цветников, расстановку скульптуры.

К 20-30-м гг. относятся многочисленные изображения Архангельского, выполненные главным образом крепостными архитекторами¹⁵. Большая часть листов содержит рисунки, чертежи, планы не сохранившихся до нашего времени хозяйственных служб в поселках Архангельское, Воронки и Горятине.

Судя по этим документам, в Архангельское имение входили помимо указанных селений житный, скотный, конюшенный дворы, здания, являвшиеся самостоятельными хозяйственными единицами (заводы, фабрика и др.). При этом дворы не носили чисто целевого назначения и на их территории могли размещаться иные постройки. Например, на житном дворе находились скотная и птичная избы, каретный сарай, а "птичный двор" в конце 10-х гг. располагался в регулярном парке.

Парадная часть усадьбы отделялась от поселка заставой. Главную его улицу, являющуюся одновременно дорогой на Москву, образовывали мастерские, людские флигеля, фабричная казарма.

Постройки противоположной стороны составили несколько комплексов.

К административному центру с конторским флигелем и хлебным магазином примыкали кучерская изба, конюшни, каретный сарай, материальный склад, 2 денника для рабочего скота и птичник.

За башней над оврагом параллельно дороге к церкви архангела Михаила размещались напротив друг друга 2 больших корпуса. В начале 20-х годов XIX в. их дополнили святые ворота и гостиница.

Комплекс качель и "разных игр", находившийся первоначально у заставы, к концу 20-х гг. перенесли за дома для церковнослужителей на границу с Магометовой рощей.

Рядом с этим массивом вдоль дороги на Москву размещался "Зверинец". За ним был организован овчарный завод. Единой промышленной зоной в Архангельском в I-й трети XIX в. не было. По имени числились хрустальный, затем фарфоровый,

овчарный заводы, суконная фабрика, а также ряд технических сооружений для водовозводной молотильной, паровой машины (последняя предназначалась для обслуживания оранжереи), "сарай для размещения пожарных труб" и отдельно для складывания шерсти.

У Москвы-реки под горой находилась красильня. Здесь же были прачечная, баня и перевозная изба. Многочисленные мелкие хозяйственные постройки: сторожки, погреба, колодцы и др. возводились повсеместно по мере необходимости.

Такая территория, насыщенная различными хозяйственными службами, создавала иллюзию большого населенного пункта, и один из современников в первой четверти XIX в. писал: "...следуя по дороге, которая ведет ко дворцу, обнаруживаешь целый ряд маленьких, но удобных домиков и всякого рода лавок, где торгуют ремесленники, так что кажется, будто это город, а не деревня..."¹⁶.

С завершением создания дворцово-паркового ансамбля в 1827-1828 гг. много внимания уделяется возведению новых оранжерей, устройству парников и грядок, которым отводилось значительное место в художественном наполнении усадьбы¹⁷. С этой целью покупался мало встречающийся в подмосковье посадочный материал, который дополнил приобретенный у А.К.Разумовского ботанический сад¹⁸. На растения, привезенные из-за границы, была составлена опись с указанием внешнего вида, размеров, места поступления¹⁹. Все это было размещено в оранжереях, количество которых колебалось в разные годы. Наряду со специализированными: лимонной, ананасной, лавровой, виноградной, паровой в Горятине имелись грунтовые (не менее 6), числилась также большая каменная, на подошве горы и другие. Состоянию находившихся там растений уделялось постоянное внимание на протяжении всего XIX в. Систематически создававшиеся ведомости этой ботанической коллекции сохранились в ЦАДА и Архангельском. Таковы, например, "счета" растениям и цветам, фруктовым деревьям в оранжереях Архангельского и Горятинина за 1854-1855 гг.²⁰ В середине XIX в. был подготовлен перечень всех многолетних растений усадебного парка²¹.

Помимо чертежей хозяйственной части сохранились планы северного и южного фасадов дворца, опорных стен верхней и нижней террас, Каприза до и после перестройки этого здания Е.Тюриным в 1818 г. библиотеки, оранжерей с длинными флигелями, Римских руинных ворот, а также небольших сооружений и павильонов парка: Голицына обелиска, трельяжа, фонтана, беседки, птичника, ворот, ограды и др.²² Большая часть их представляет собой обмеры существовавших строений. Но среди них есть и творческие проекты архитекторов О.И.Бове, И.Д.Жукова, С.П.Мельникова, Е.Д.Тюрина, В.Стрижакова, В.Г.Дрегалова, часть которых не была осуществлена или осуществлена со значительными отступлениями.

Эта сохранившаяся группа чертежей до сих пор не изучена так пристально, как она того заслуживает. Сложность заключается не в том, что не встречается имен архитекторов, а в том, что их встречается слишком много и нелегко разобратся в доле творческого участия каждого из них.

Прекрасным иллюстративным, а также самостоятельным источником могут служить живописные полотна, запечатлевшие виды усадьбы 1820-х-1860-х годов.

Таково здание Каприза и прилегающего к нему парка, которое можно видеть на рисунке в альбоме "Galerie d'Archangeleski" с несохранившейся картины французского художника Н.де Куртейля, возглавлявшего в Архангельском "живописное заведение"²³. Акварель П.П.Свинына 1824 г., в которой он показал архитектурно-пространственную композицию большого дома с южной стороны²⁴. В 1860 г. А.Федотов, напротив, запечатлел прекрасный вид на Москву-реку с террас дворца, откуда пространство раскрывается сверху вниз и чем дальше, тем шире и шире²⁵. Полотна П.Шестакова являются воспроизведением уголков усадьбы после ремонта 1857 г.²⁶

Основные сооружения просуществовали в своем первоначальном виде до конца столетия и были зафиксированы в фотографиях во второй половине XIX - начале XX в.²⁷

С начала XIX в. Архангельское претерпело несколько перестроек, дополнивших и отчасти искаживших ансамбль. По имеющимся документам можно приблизительно установить время этих изменений.

Первое коснулось опорных стен террас. Уже в 1822 г. в нишах нижней террасы не значится бюстов, которые не указываются и в альбоме 1829 г. Утрачиваются рельефы и обработка швами. Стены закрывают зелень, которая нарушила единство дворца и террас парка. Вьющиеся растения – "княжеский горошек" – просматриваемая на картине неизвестного художника "Вид Архангельского с юга" (не ранее 1865 г.) и на фотографиях 1903 г.²⁸ Активное введение новых растений – результат следования моде в области паркостроения, желание усилить пейзажные мотивы в его регулярной части. Шарообразно стриженные липы были высажены на гартере после 1829 г. Перед ними появились статуи, стоявшие прежде по его сторонам на фоне зеленых коридоров. Скульптурные группы "Меналай с телом Патрокла", размещенные на парадном дворе, и "Геркулес и Антей" – на главной дорожке верхней террасы – прервали центральную ось симметрии парадной части усадьбы. Был искажен ансамбль Каприза. В начале XX века на хозяйственной территории построили здания храма-усыпальницы и ремесленной художественной школы (авторы проектов Р.И.Клейн, и Г.И.Бархин и П.Харко)²⁹. В 20–30-е годы был разобран комплекс оранжерей с жилыми флигелями и при этом снесены Римские ворота.

Изменения в архитектуре дворца и декоре интерьеров прослеживается в "Книге по строению архангельского дома 1820 г.", где регистрировались затраты на восстановление здания после пожара, уничтожившего все деревянные детали, часть картинной галереи и библиотеки³⁰. Смета перестроечных работ была составлена в Кремлевской строительной экспедиции, подписана директором чертежной Мироновским И.Л., архитекторами Томанским И.Т. и Тюриным Е.Л. Точно отмечая цель расходов, документ отражает характер проводившихся работ, их последовательность и качество. Записи велись с 1 февраля по 28 декабря 1820 г. с указанием ежемесячных сумм, перечислением материалов, их количества, стоимости, которая в общем итоге составила почти 127 тыс. рублей из 130 тыс. выделенных. В течение года были восстановлены полы, потолки, оконные рамы, двери, стропила, крыша, белизны. Заново наложена штукатурка, выполнена лепка, расписаны

стены и потолки. Однако восстановление шло в измененном виде, в соответствии с новыми вкусами. Именно в это время внешняя архитектура здания приобрела некоторые ампирные детали, а интерьер – новое декоративное решение росписи гризайлью. Помимо масштаба восстановительных работ по книге определяется круг поставщиков и исполнителей. Основные договора на производство были заключены с Осипом Ивановым и лепщиком Лазаревым. Всю весну и лето в доме были заняты также паркетчик Николай Семенов, слесарь Федор Иванов, мраморщики Савелий Меркулов и иностранец Жевани. Плафон овального и некоторые другие залы парадных анфилад расписывали французские художники "Колумбий и Куртейль". Главное руководство осуществлялось Е.Д.Тюриным, а в Архангельском за работами постоянно наблюдал помощник Кремлевской строительной экспедиции В.В.Александров.

Указанный источник позволяет в известной степени обобщить данные, отражающие финансирование усадебного строительства в конкретный период, получить разнообразные сведения не только по Архангельскому, но говорить о постановке строительного дела в столице и ее окрестностях. Выявление новых мануфактур, расширение имен подрядчиков, поставщиков, определение системы действовавших цен представляется существенным для раскрытия жизни Москвы и подмосковья в первой трети XIX в.

Разноаспектный анализ сохранившихся источников: изобразительных материалов, живописных произведений, мемуаров – дает довольно стройную картину формирования ансамбля в Архангельском и его изменений в XIX – начале XX в. Внутреннее убранство постоянно занимало владельцев. На украшение интерьеров затрачивались большие средства: приобретались не только дорогие, но и художественно ценные вещи. Они отражены в описях, grossбухах, реестрах, которые создавались в случае смены владельца, управляющего, после капитальных ремонтов и перестроек, а также в исключительных ситуациях (войны, пожары и т.д.). В Архангельском сейчас хранится 17 подобных дел за 1800–1915 гг. Эта разновидность документации воспроизводит предметную насыщенность интерьеров,

в ней с достаточной полнотой представлен состав коллекций. Формуляр отличается четкой внутренней структурой, исчерпывающей информацией о количестве, материале, иногда весе вещей, указывается самый существенный отличительный признак, встречаются пометы об утратах, перемещениях или сохранности. Например, в описи, составленной в сентябре 1850 г., все художественное убранство усадьбы было зафиксировано в 14 разделах: - "золото", "серебро", "фарфор", "хрусталь", "старинные драгоценные вещи", "вазы", "картины", "статуи", "бронза", "мебель", "материя", "оружие", "посуда", "музыкальные инструменты"³¹. В случае необходимости использовалась более дробная систематизация.

Так, в рубрике "мебель" предметы указывались по признакам декоративного оформления, материалу или технике изготовления: мебель булевая, мебель позолоченная, готическая, дубового дерева, разноцветного дерева, красного дерева. Такая внутренняя организация записей характерна в основном для передаточных документов, составленных при смене управителей и заверенных (в особых случаях на каждом листе) подписями сдающего, принимающего и лица, присутствовавшего при этом. Одна и та же опись могла использоваться в дальнейшем при процедуре приема-передачи несколько раз. Особую ценность для исследователя представляют делавшиеся при этом пометы о перемещениях или бытовании отдельных вещей. Убедительным свидетельством бережного отношения к предметам декоративно-прикладного искусства являются факты более позднего включения в сложившийся интерьер предметов, приобретенных уже наследниками. И вполне закономерен вывод о том, что стилистически "чистых" интерьеров не существовало даже у владельцев с утонченным вкусом. Это обстоятельство необходимо учитывать при восстановлении декоративного убранства памятников, т.к. сегодня прослеживается тенденция стилистически "подогнать" весь обстановочный комплекс, конкретную дату или короткий отрезок времени. Анализ описей отвергает такую рекомендацию.

Интересно установить соотношение перечней и описей с каталогами картинной галереи, скульптуры, предметов декора-

тивно-прикладного искусства, находившихся в Архангельском и московском домах и датированных 1827-1829 гг.³²

В.В.Познанский считал их результатом коллективного труда учащихся художественной школы Архангельского, предназначавшегося для дальнейшего издания в виде гравированных альбомов. В них размещено 842 рисунка, выполненных тушью и пером тонким ювелирным штрихом. На корешке каждого альбома указана дата составления.

В основу систематизации положен топографический признак: рисунки подобраны в соответствии с размещением произведений и перед каждой новой группой вещей на отдельном листе указывается место их нахождения. Обязательным для всех альбомов является наличие порядковых номеров предметов по данному каталогу вещей и их размеры.

"Galerie d'Archangel'sku. 1827 г." содержит сведения о живописных полотнах, размещенных в залах дворца (том I), парковых павильонах и театре (том 2). На отдельном листе перед группой рисунков произведений, находящихся в одном зале, дается список авторов с указанием количества полотен, принадлежащих кисти каждого художника. Авторы отмечены также под рисунками. Там же дан инвентарный номер картины по описи. Имеются отметки о перемещениях произведений или копиях. Например: "№ 33, Doyen. Римская. СПб., д.С.А. № 206"³³; или "№ 78. Courteille. Портрет вел. кн.Константина Павловича. Арх. С.А."³⁴.

Скульптуру, осветительные приборы, а также мелкую пластику из камня и бронзы включает альбом "Мраморы. 1828".

Принцип построения каталога аналогичен предыдущему: в зависимости от расположения произведений во дворце Архангельское. Наряду с обязательным указанием порядкового номера вещи в каждом зале имеется учет по жанрам скульптуры. Рядом с изображением предмета указывался материал, из которого он выполнен. Например, под рисунком люстры помета: "бронзовая, вызолочена"³⁵; статуя Ганимеда - "антик, мраморный"³⁶; бюст вел. кн. Елизаветы Алексеевны - "гипсовый" и т.д. При дальнейшем передвижении в Петербург отмечалось их размещение в зале на Мойке: "В Гал.Прец оза", "В Антической", "В Кановой" и др.

Наиболее интересным документом для изучения скульптуры парка является альбом "Statues". 1829". Листы с рисунками подобраны по месту расстановки произведений. Каждое новое размещение выделяется листом цветной бумаги, на котором обозначено: "Sur les six perrons de la grande maison", "Sur la petit terrace", "Dans la grotte", "Au Caprice", "Dans le temp Catherine". Перечислено количество "статуй, бюстов, львов, собак, кариатид, больших и малых ваз" в отдельности. Все рисунки заключены в рамки, над которыми имеются порядковые номера, новые для каждой новой группы произведений. Рядом с изображением дан инвентарный номер. Для бюстов, в случае, если известно лицо запечатленного, его имя указано на плинте: "№ 4. Аристид. № 18"³⁷; или "№ 6. Плутарх. № 54"³⁸. Иногда под рисунком следует замечание "таковой формы 5 ваз во всем саду"³⁹, "таковой формы - две"⁴⁰.

Произведения живописи и скульптуры, находящиеся в Московском доме, составили альбом "Galerie de peinture de Moscou 1827". Его топография несколько отличается от предыдущих каталогов. Для каждого интерьера дается сначала перечень скульптурных изображений, затем живопись с указанием общего количества произведений для каждого вида изобразительного искусства. Еще одна особенность этого альбома заключается в том, что под рисунками указан лишь порядковый номер произведений по этому каталогу. Так же как и в предыдущих, отмечено новое местонахождение, если вещь была отправлена в петербургский дом ("В Галерее Белозерской". "В Галерее Римской" и т.д.). Особую ценность альбому придают подписи авторов рисунков: Александра Рябикова, Владимира Истребилова, Николая Забкина, Петра Михайлова, Петра Полякова, Александра Головкина, Григория Герасимова.

Издание каталогов не состоялось. В дальнейшем их использовали как строго учетную документацию. С учреждением майората они поступили в Петербургский дом и в 1862 г. были включены в инвентарную опись библиотеки⁴¹.

В целом изучение альбомов только начинается. Не проводился еще стилистический анализ рисунков и не установлены в большинстве случаев их авторы. Имеющиеся многочисленные

разновременные пометы не соотнесены с сохранившимися описями московского, петербургского и архангельского домов, а также инвентарями музея и санатория Архангельское. Надо надеяться, что работа будет предпринята в ближайшее время и даст интересные находки.

Эта группа изобразительных и письменных источников важна тем, что их анализ предоставляет необыкновенно интересный материал для истории бытования интерьера во времени, его эволюции. Они демонстрируют не только требования моды, вкусы владельца, но дают возможность говорить о художественном убранстве парадных анфилад и жилых комнат, убеждают в том, что к предметам декоративно-прикладного искусства относились с таким же вниманием, как к живописным и скульптурным произведениям. При этом характерным было одновременное существование хронологически и стилистически разных вещей, например, резной золоченой мебели и мебели красного дерева или карельской березы. По подбору предметов можно судить о типе парадного зала: салон, парадная спальня, картинная галерея и т.д.; основе его цветового решения, характере украшений. Такие данные можно получить при сопоставлении штофа стен с тканями занавесей, ламбрекенов, подзоров, обивкой мебели и др. Описи являются многогранным источником по изучению дизайна эпохи, стиля интерьеров, в которых каждый специалист этой области найдет необходимые для него сведения.

Материалы, хранящиеся в Архангельском, пополняют наши знания о библиотеке Юсуповых. Ни один печатный источник уже с первой четверти XIX в. не обходит вниманием это собрание. Самой ранней его описью является каталог 1800 г., в котором числилось более 10 тысяч томов. Издания на французском языке составляли более девяноста процентов всей коллекции, русская часть содержала 864 экземпляра.

Наиболее крупным из 16 разделов была рубрика "Романы, поэзия, беллетристика, театр". Здесь находятся собрания сочинений Вальтера, Ж.-Ж. Руссо, Мольера, П. Корнеля, Ф. Шиллера и многих других. Раздел "История, мемуары, политика, юриспруденция" включал многотомную "Всеобщую историю с начала

мира до наших дней" (Париж, 1799), труды, посвященные истории разных стран, дипломатические словари и др. Значительным было собрание античных авторов, где много изданий XVI—XVIII вв., знаменитых европейских типографий, в т.ч. 32 тома венецианского печатника Альда Мануция и 82 тома голландцев Эльвезиров. Одним из лучших образцов вышедших из итальянской типографии Бодони была поэма Торквато Тассо "Освобожденный Иерусалим", изданная в 1794 г. Оба тома интересны еще и тем, что иллюстрации к ним выполнены крепостными художниками Ф.Сотниковым, М.Полтевым, Е.Шебаниным и Ф.Ткаченко⁴².

В русском отделе было несколько уникальных изданий. В их числе "Острожская библия", выпущенная Иваном Федоровым в 1581 г. — один из лучших образцов русского книгопечатания конца XVI в. и "Патерик, или Отечник печерский" до сих пор хранящийся в Архангельском памятник древнерусской литературы, написанный в XIII в. и изданный в Киеве в 1678 г. Кроме ряда старопечатных книг сочинениями А.Кантемира, П.Сумарокова, М.Ломоносова и других поэтов и писателей XVIII в. представлена русская художественная литература. К 1828 г. в библиотеку вошли также произведения Г.Р.Державина, В.А.Жуковского, Д.И.Фонвизина, И.А.Крылова, В.А.Озерова, И.И.Лажечникова и других современников Н.Б.Юсупова. Она выросла почти вдвое и в одном из журналов считалась "самой полной такого типа коллекций в Москве"⁴⁴. Ее состав и содержание отразили склонность и пристрастия образованного аристократа. В издании "Московский публичный музей и библиотека" (статья Кубарова) подчеркиваются обширные знания князя в области древней и новой литературы, свободное владение греческим и латинским языками, дружеские отношения с крупнейшими филологами Европы, особенно с известнейшим эллинистом Фалькенаром, посвятившим Н.Б.Юсупову свое издание Теокрита⁴⁵.

После смерти князя в 1831 г. в библиотеку вошло несколько тысяч книг из московского дома. Она продолжала пополняться и его наследниками⁴⁶.

Книжное собрание и сейчас остается уникальным. В нем

широко представлены почти все отрасли науки и техники прошлого, классическая литература и искусство. Его каталоги, дополнявшиеся в последующее время, не только выразили вкусы нескольких поколений владельцев, принадлежащих к определенной социальной и интеллектуальной среде, но и, характеризуя ее читательские интересы, дают возможность использовать их как первоисточник для изучения погибших или бесследно "рассеявшихся" частных коллекций.

В Архангельском и ЦГАДА сохранились документы, раскрывающие характер работы, проводившейся в библиотеке в 1862 г. Они были связаны с выявлением памятников для изучения генеалогии Юсуповых, систематизацией не описанных материалов и их каталогизацией⁴⁷.

С начала 1862 г. Н.Б.Юсупов (1827-1891), являясь помощником директора Императорской Публичной библиотеки, а с ноября 1862-1863 гг. - исполняющим его обязанности, активно занимался издательской и благотворительной деятельностью⁴⁸. На его средства были подготовлены и вышли в свет "Систематический каталог книг на русском языке по части правоведения, политических и статистических наук"⁴⁹, и "Catalogue bibliographique et raisonné des Elzevir de la Bibliothèque Imperiale Public de S.Petersbourg" экземпляр которого в 1864 г. был направлен в университет Сорбонна⁵⁰. В 1866 г. Н.Б.Юсупов обращается к директору библиотеки с просьбой санкционировать на личные средства издание каталога Богословских книг. Кроме того, в 1862 г. он подарил библиотеке великолепное издание "Missale Romanum" XVI в., а в 1867 г. выделил 1000 рублей на пополнение ее фондов⁵¹.

В 1862 г. для работы в библиотеке Архангельского в усадьбу приезжают Ф.Д.Пейро и Э.Ф.Направник⁵². На месте им помогали служащие канцелярии В.Яковлев и Волоткин. С июня по сентябрь месяц Пейро постоянно докладывал князю о ходе занятий. Из его донесений видно, что каждый сотрудник получил конкретное задание⁵³. Ф.Д.Пейро проводил сверку наличия литературы и составлял инвентари. Аналогичную работу он выполнял в петербургской библиотеке, где в отдельную рубрику выделил литературу о представителях рода Юсуповых,

а также сочинения самого князя⁵⁴. Э.Ф.Направник занимался французской драматургией и проверкой ее каталога. Вологдин выявлял русские издания и готовил предварительный материал к алфавитному указателю. В.Яковлев составлял описи "архитектурных чертежей и землемерных планов", эстампов и гравюр. Первая хранится сейчас в Архангельском и включает перечень 23 планов усадьбы⁵⁵. Часть из них входит в более ранний "Реестр рисункам с.Архангельского", содержащий 52 графических листа и выполненный на бумаге с водяным знаком 1816 г. В архиве имеется также копия с последнего на бумаге с водяным знаком 1820 г., а сами чертежи находятся в отделе изобразительного искусства⁵⁷.

Среди письменных источников есть группа документов, не имеющих отношения к усадьбе. Это материалы Кремлевской строительной экспедиции, долгие годы (1814-1831) возглавлявшейся Н.Б.Юсуповым. Образованный аристократ, обладающий большими организаторскими способностями, большой знаток литературы и искусства с обширным кругом знакомств и авторитетом в художественной среде - эти личные качества сыграли определенную роль в его назначении руководителем такого эстетического по своим задачам учреждения. В Архангельском отложились списки служащих за 1818, 1819, 1821, 1823, 1829 и 1831 годы⁵⁸. По этим документам в общих чертах просматривается структура экспедиции, состоявшая из главноначальствующего, руководителей отделов, чиновников, смотрителей, архитектурской команды и школы, придворных служителей, садовников, лекарей, часовщиков и других служащих. Их общее число колебалось от 314 человек в 1819 г. до 513 - в 1831. Штат увеличивался в основном за счет учеников архитектурской школы и обслуживающего персонала отдельных памятников (Кремлевского, Коломенского, Царицынского дворцов, Спасской башни)⁵⁹.

Помимо фамилий должностных лиц указывается их социальное происхождение, оклады, награды, общий трудовой стаж и в отдельной графе стаж работы в данном учреждении.

В составе архитектурской команды мы находим имена зодчих, по проектам которых возводились известные сейчас

в Москве и Подмосковье памятники архитектуры. С 1805 г. в ней числился Е.Д.Тюрин, с 1806 г. — В.Г.Дрегалов и с 1811 — С.П.Мельников и др.⁶⁰

Наличие служебных документов в составе вотчинного архива свидетельствует о характерной для дворянства черте — отождествлении личных и должностных отношений. Это нашло выражение в том, что для строительства, украшения и поновления усадьбы Н.Б.Юсупов постоянно и успешно привлекал, как мы уже сумели убедиться, служащих экспедиции. Последнее обстоятельство способствовало превращению Архангельского в один из лучших дворцово-парковых ансамблей подмосковья. О.И.Бове, И.Д.Жуков, С.П.Мельников и Е.Д.Тюрин выполнили первоначальные проекты различных построек усадьбы⁶¹. Продолжительное время работал здесь Е.Д.Тюрин. С 1815 по 1828 г. он принимал участие в восстановлении большого дома, реконструкции Каприза, создании театра и паркового павильона "Храм Екатерины" ("Храм памяти"). В 1827 г. под руководством В.Г.Дрегалова производилась переделка террас парка. Въездная арка парадного двора была выстроена по проекту С.П.Мельникова. К созданию театра на разных этапах привлекались О.И.Бове, Е.Д.Тюрин, С.П.Мельников. Сотрудничество с некоторыми из них не прекращалось и позднее. В 1851 г. В.Г.Дрегалов выполнил для Юсуповых план дома на Тверском бульваре в Москве с указанием объема ремонтных работ и примерными расходами, связанными с его перестройкой⁶². В настоящее время этот комплекс документов сосредоточен в архиве музея и собрании графики. Продолжал консультировать Юсуповых по различным вопросам строительства Е.Д.Тюрин.

Использование системного подхода в изучении разнообразных письменных, изобразительных и вещественных источников из собрания Архангельского дало возможность ввести в научный оборот новые архивные материалы, позволило обнаружить те внешне незначительные детали, каждая из которых сама по себе есть лишь частность, но в сочетании с другими явлениями обогащает наше представление об истории русской культуры, в том числе таких выдающихся памятников, как Архангельское.

- I Бенуа А. Юсуповская галерея. // Мир искусства. 1900. № 23-24; Вениаминов. Архангельское. // Мир искусства, 1904. № 2; Грахов А.В. Художественные сокровища князей Юсуповых. // Художественные сокровища России. 1906-1907. Т. I - УШ; Юсуповская галерея. Французская школа. Л., 1924; Торопов С.А. Архангельское. М., 1927; Бессонов С.В. Архангельское. Подмосковная усадьба. М., 1937. Литературное наследство. Сб. статей. Русская культура и Франция. М., 1939; Сивков К.В. Крепостные художники в Архангельском. // Исторические записки. М., 1940. Т. 6; Его же. О судьбе крепостных художников в Архангельском. Там же. М., 1951. Т. 38. Унанянц Н.Т. Французская живопись в Архангельском. М., 1970; Рапопорт В.Л. Парк в Архангельском. М., 1971; Попов В.А. Русский фарфор. Частные заводы. Л., 1980; Булавина Л.И., Розанцева С.А., Якимчук Н.А. Архангельское. М., 1983 и др.
- 2 Путеводитель по Москве и ее окрестностям с адресными справочными сведениями. Изд-во Ф.И. Анского, 1872; Историческое описание Москвы. Издание Преснова. М., 1873; Любецкий С.М. Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гуляний. М., 1880; Спутник по Московско-Виндавской железной дороге. М., 1909; Шамурин Ю.И. Подмосковье. М., 1914; Путеводитель по Москве с ее древними и современными достопримечательностями и окрестностями. Изд. 2-е. М., 1916; Волков Н., Леонидов О. Архангельское. М., 1940; Гесслер В.М. Архангельское. М., 1956; Познанский В.В. Архангельское. М., 1966; Рапопорт В.Л. Архангельское. М., 1978; Булавина, Рапопорт, Унанянц Н.Т. Архангельское. М., 1981; Л.И. Булавина, В. С.А. Розанцева, Н.А. Якимчук. Архангельское. М., 1983 и др.
- 3 Кашин В.Н. 300 лет накопления земельных богатств родом князей Юсуповых. // Сб. Труд. в России. 1925. Кн. 3-4 // Его же. Экономический быт и расслоение юсуповской деревни. // Звезда. 1926. № 1, 2 // Насонов А.И. Юсуповские вотчины в XIX в. // Доклады АН СССР, 1926, январь-февраль // Его же. Из истории крепостной вотчины XIX в. в России. // Известия АН СССР, 1926. Серия У1. Т. X. № 7-8; Его же. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения в России. Там же. Серия УП. 1928. № 4-7; Сивков К.В. Архангельское. М., 1926- Его же. Хрустальный в Архангельском // Московский краевед, 1829. № 4; Его же. Крепостная суконная фабрика в Архангельском в начале XIX в. // Московский край в его прошлом. М., 1930; Его же. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. По материалам вотчин Юсуповых. М., 1951; Андримов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX - начало XX в.). М., 1969; Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупных земельных собственников России конца XIX - начала XX в. М., 1971 и др.
- 4 Музей-усадьба Архангельское (далее - Архангельское), архив Голицыных, Юсуповых (далее архив). Д. I-230, с. 541-594.

- 5 Там же. Д.84, 85.
- 6 Там же. Собрание графики. Инв. № II34 гф, II86гф, II26гф, II58гф, II04гф, III5гф, III4гф и др.
- 7 Там же. Инв. № I028гф, I773гф.
- 8 Архангельское. Собрание графики. Инв. № I085гф.
- 9 Там же. Инв. № I05I-I053гф, II53гф, I777гф.
- 10 Бессонов С.В. Архангельское. Подмосковная усадьба. М., 1937. С.39; Архангельское. Собрание графики. Инв. № I773гф, II53гф, I788гф, II69гф, II60гф.
- 11 Там же. Инв. № I778гф, I784гф, I782гф. и др.
- 12 Там же. Инв. № II57гф.
- 13 Там же. Инв. № I030гф.
- 14 Там же. Инв. № I027гф.
- 15 Там же. Инв. № I080-II52гф.
- 16 Chev. Dominicus. Relations historiques politiques et familiares en forme de lettres sur divers usages, arts, sciences, institutions et monuments publics des Russes, recueillies dans ses differens voyages et resumies par chev. de Dominicus. St. Petersburg, 1824. V.I. Перевод Упаняну Н.Т. С.140.
- 17 Бессонов С.В. Указ. соч. С.205, 206.
- 18 Там же. С.61.
- 19 Архангельское. Архив. Д.37, 59.
- 20 Там же. Д.6I-63.
- 21 Там же. Д.64.
- 22 Там же. Собрание графики. Инв. № III8гф, III9гф, II07гф, II50гф, I054гф, I055гф, I787гф, I032гф, II04гф, III4гф, II23гф, II34гф, III7гф, II58гф, I789гф, I790гф.
- 23 Там же. Galerie d'Archangelsku. 1827. Т. I. Инв. № I0I3гф. Л.8.
- 24 Там же. Свињин П.П. Вид Архангельского с юга. 1824. Инв. № I365гф.
- 25 Там же. Собрание живописи. Федотов А. "Вид Архангельского в 1860 г.". Инв. № ж-302.
- 26 Там же. Шестаков П. Памятник Екатерине II. Инв. № ж-4I2; Вид Каприза с запада. Инв. № ж-4I3; Римские ворота. Инв. № ж-4I4; Вид на арку ворот с флигелями. Инв. № ж-4I6 и др.
- 27 Там же. Архив. Собрание фотографий основного фонда (далее фотофонд). Инв. № 6мфф, I7мфф, 26мфф, 86мфф, 93мфф и др.; Альбомы. Инв. № I3Iмфф, 322мфф.
- 28 Там же. Собрание живописи. Инв. № ж-4I7; Фотофонд. Инв. № 322мфф и др.
- 29 Там же. Собрание графики. Инв. № I872гф, I873гф; ПГАДА. Т. I290. Ст. 6. № 622. Л.5J.

- 30 Архангельское. Архив. Д.33.
- 31 Там же. Архив. Д.147. Описание разным вещам, мебели и картинам, имеющимся в архангельском большом доме, Капризе, флигелях и театре.
- 32 Там же. Собрание графики, альбомы-каталоги Galerie d'Archangelsku. 1827 г. Т.1. Инв. № 1013гф; т.2. Инв. № 1014 гф; Мраморы. 1828 г. Инв. № 101 Statues.1829. Инв. № 1015гф; Galerie de peinture de Moscou. 1827 г. Инв. № 1017гф.
- 33 Там же. Galerie d'Archangelsku. Т.1. Инв. № 1013гф.Л.74.
- 34 Там же. Л.52.
- 35 Там же. Мраморы. 1828 г. Инв. № 101гф. Л.32.
- 36 Там же. Л.51.
- 37 Там же. Statues.1829 г. Инв. № 1015 гф.Л.53.
- 38 Там же. Л.54.
- 39 Там же. Л.20.
- 40 Там же. Л.51.
- 41 ЦГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1613. Л.19.
- 42 Архангельское. Отдел редкой книги. Инв. № 18355.
- 43 Там же.
- 44 Le Coint de Laveau. Discription de Moscou. 2^{en} edition. V. II. 1835. S.284. Перевод Упаняну Н.Т.
- 45 ЦГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.2167. Л.3-3 об.
- 46 Архангельское. Архив. Д.67, 68, 80; ЦГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1613, 1614 и др.
- 47 В 1864 г. Н.Б.Юсупов пытался найти для постоянной работы в библиотеке квалифицированного специалиста в этой области. ЦГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.2030. Поводом к началу работы над историей своей фамилии могли послужить письма издателя "Истории знаменитых родов в Европе, княжеские и другие древние роды" относительно публикации в этом сборнике истории рода князя Юсупова. Там же. Д.1510. В Архангельском сейчас хранятся на фр. яз. биографические заметки о князьях Юсуповых. Архангельское. Архив. Д.228.
- 48 ЦГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1611, 1505.
- 49 Систематический каталог книг на русском языке по части правоведения, политических и статистических наук. СПб., 1863; ЦГАДА. Ф.1290, оп.2. Д.1535. Л.46.
- 50 Там же. Д.1552. Л.4.
- 51 Там же. Д.1552. Л.78, II; Д.1535. Л.93.
- 52 Пейро Ф.Д. - библиотекарь Н.Б.Юсупова, а Э.Ф.Направник - капельмейстер его оркестра с 1861 по осень 1862 г. Д.2200. Л.25.

- 53 Там же. Д.1611; Архангельское. Архив. Д.74, 77.
- 54 ЦГАДА. Ф.1290. Оп.2. Д.1613.
- 55 Архангельское. Архив. Д.85. В.Яковлев. Описание разным архитектурным планам. 1862 г.
- 56 Там же. Д.84. Реестр рисунка села Архангельского.
- 57 Там же. Д.83. Реестр рисункам с.Архангельского.
- 58 Там же. Л.141-146.
- 59 Там же. Л.145, 146.
- 60 Там же. Д.141. Л.20, 22; Д.143, л.9 об., 10.
- 61 Там же. Собрание графики. Инв. № 1191-1194гф, 1093гф, 1151гф и др.
- 62 Там же. Архив. Д.222, 223.

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ
АРМИИ ЭПОХИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Мы относительно хорошо знаем биографии крупных военных деятелей XVIII–XIX веков и героев Отечественной войны 1812 года, но на вопрос какими были в своей массе русские офицеры интересующей нас эпохи, какой был их социальный, национальный состав, образовательный уровень и т.п., нам приходится зачастую получать ответы общего характера и нередко на житейском уровне. Но на вышепоставленные вопросы мы в состоянии дать документальный, научно обоснованный ответ, используя формулярные списки личного состава русской армии, своего рода "личные дела" военнослужащих. Эти документы хранятся в большей своей части в фонде 489 ЦГВИА СССР. Однако, чтобы на основании их получить необходимую нам информацию, нужно использовать формулярные списки комплексно, т.е. как массовый источник.

Коллекция документальных материалов под названием "Формулярные списки" представляет собой полно отложившийся документальный материал личного состава русской армии с 1774 года по начало 1816 года. С 1817 года по 1917 год формулярные списки полков, отдельных подразделений и военнослужащих разбросаны по различным фондам ЦГВИА. В фонде 489 как раз наиболее полно представлены формулярные списки за интересующий нас период 1812–1815 годы. Так, только за 1812 год сохранилось 69% всех формулярных списков офицеров пехотных полков русской полевой армии, 71% – гренадерских и 64% – егерских, а за 1814 год соответственно 69%, 50%, 75%. Так же высок процент дошедших до нас дел с формулярными списками подразделений других видов и родов войск.

В отчетной документации русской армии формулярные списки появились во второй половине XVIII века. В 1762 году полковая канцелярия была упразднена и письменная часть полка подверглась значительным изменениям. Прежние сказки заменены формулярными списками. Сказками назывались показания, писанные каждым из вновь вступивших в службу или с ет

слов в канцелярии. Показания эти заключали подробные описания вновь поступающего на службу, его образование, происхождение, возраст, место жительства и службу, если он состоял в ней до поступления в полк. Кроме того, необходимо отметить, что "сказки" писались, как правило, один раз на определенного офицера при поступлении его в полк, а формулярные списки составлялись каждые полгода службы офицера в полку и отсылались сначала в Военную коллегию, а позднее в Военное министерство.

При заполнении формулярных списков уже не полагались на честное слово, а требовали документального подтверждения данных. Особо это обстоятельство касалось социального происхождения, "доказательства дворянства" и прохождения службы офицером в других подразделениях. Так, в формулярном списке полкового командира 19 егерского полка подполковника Царева М.О. мы читаем: "Малороссийской губернии дворянин, крестьян нет и доказательств дворянства нет, есть упоминание о дворянстве от губернатора"². Листая дела с подшивками формуляров, часто можно встретить фамилию офицера, а за ней следуют пустые графы с размашистой записью "за неимением формуляра". Офицер мог служить в этом полку и год, и больше, его фамилия, звание, возраст и происхождение каждые полгода заносились в формулярные списки полка, кроме данных предыдущей службы по той причине, что формулярный список с прежнего места службы затерялся в пути.

Таким образом мы располагаем массовым письменным источником, дошедшим до нас в значительной своей части и охватывающим по времени полуторавековой период русской истории, включающий в себя уникальную информацию. Но до настоящего времени сотни тысяч формулярных списков русской армии исследователи использовали лишь в малой степени, главным образом для сбора сведений о конкретных лицах.

В дореволюционной литературе встречаются отдельные случаи комплексного подхода к изучению формулярных списков конкретных полков. Но и здесь информация из формулярных списков использовалась частично. Так, в "Истории лейб-гвардии Московского полка" автор Н.С.Нестриков на основе данных формулярных списков анализирует только образовательный

уровень офицеров данного полка.

В советской историографии в семидесятые годы стал проявляться интерес к формулярным спискам, правда, гражданских чиновников. Так, С.М.Троицкий и П.А.Зайончковский начали изучать формулярные списки в комплексе. С.М.Троицкий в своем исследовании "Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в." (М., 1973) и П.А.Зайончковский "Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в." (М., 1978) впервые показали широкие возможности этого вида источников. И.Н.Киселев и С.В.Мироненко в статье "О чем рассказали формулярные списки" (сборник "Число и мысль". М., 1986, вып.9) делятся опытом обработки информации из формулярных списков русских чиновников государственных учреждений за 1825 год с использованием ЭВМ.

В качестве первого опыта работы с формулярными списками офицеров, как с массовым источником, нами было отобрано 1109 формуляров офицеров одного гвардейского и 16 пехотных полков всех трех видов полевой пехоты, куда попали формулярные списки одного гренадерского полка, девяти собственно пехотных и шести егерских полков на начало 1815 года.

Наш выбор остановился на пехотных офицерах не случайно, т.к. в эпоху Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-14 гг. пехота составляла 3/4 от всей численности полевой армии, т.е. была основным родом войск. Выбор временных рамок объясняется тем, что 1 января 1815 г. прошло чуть более полугодия после окончания боевых действий и трудности, связанные с ведением делопроизводства, отпали. Поэтому полковые дела с формулярными списками, по сравнению с предыдущими тремя годами, отличаются полнотой. Кроме того, мы получаем возможность анализировать формуляры офицеров, прошедших всю Отечественную войну 1812 года и заграничные походы 1813-14 годов. Работа с комплексом источников только начинается и нам представляется целесообразным иметь ретроспективный взгляд на участников тех событий, взяв за точку отсчета начало 1815 года.

При формировании нашей выборки из всей генеральной совокупности формуляров офицеров пехотных полков фонда 489 ЦГВИА (т.е. абсолютного числа сохранившихся формуляр-

ных списков этого фонда) нами исследовались 1109 формуляров 17 полков, что составляет около 10% от всех 181 полков гвардейской и армейской пехоты на 1 января 1815 года. Это количество формулярных списков нами было взято произвольно.

Выборку мы формировали следующим образом: от каждого из четырех видов существовавшей тогда полевой пехоты (гвардии, гренадер, собственно пехоты и егерей) мы отобрали, примерно, по 10% полков, для сохранения пропорционального отбора. В данном случае мы следовали типическому отбору, т.к. по своему качественному составу офицерских кадров полки разных видов могли быть неоднородными, что особенно касается состава гвардейских полков по сравнению с армейскими.

Внутри каждого вида пехоты в число 10% мы выбирали формуляры полков, пользуясь методом случайного отбора.

Таким образом в нашу выборку попали формуляры офицеров 12 полков, действовавших в боях 1812 года на Московском направлении в составе 1 и 2 Западных армий, а затем принявших участие в боевых действиях 1813-14 гг., участников Лейпцигской битвы и взятия Парижа. Вот эти полки: лейб-гвардии Семеновский полк из гвардейской дивизии, Астраханский гренадерский из 2 гренадерской дивизии, Ревельский пехотный из 3 пехотной дивизии, Минский пехотный из 4 пехотной дивизии, Елецкий и Рыльский пехотные полки из 11 пехотной дивизии, Новоингерманландский и Смоленский пехотные полки из 12 пехотной дивизии, 13 егерский полк из 15 пехотной дивизии, 19 егерский полк из 24 пехотной дивизии, 42 егерский полк из 26 пехотной дивизии, 50 егерский полк из 27 пехотной дивизии.

Кроме того нами были отобраны формуляры 7 егерского полка из 8 пехотной дивизии и Владимирский пехотный полк из пехотной дивизии, которые в 1812 году действовали на Киевском направлении в составе 3 Западной армии, также формуляры Брянского пехотного полка из 6 пехотной дивизии и 3 егерского полка из той же дивизии, действовавших в 1812 году на Петербургском направлении в Прибалтике. Эти четыре полка также являлись участниками кампании 1813-14 гг., но в Лейпцигской битве и взятии Парижа из них участвовали только 3 и 7 егерский полк.

Кроме перечисленных полков в нашу выборку попали также документы Суздальского пехотного полка, который в 1812–14 гг. находился на Кавказе.

Следует отметить, что в нашей выборке основная часть полков состояла в разных соединениях.

Формулярные списки офицеров, хранящиеся в делах всех вышеперечисленных полков, мы обрабатывали полностью без исключения каких-либо формуляров, т.е. производили групповой отбор.

По нашему мнению, такая выборка является представительной для всей генеральной совокупности формулярных списков офицеров пехотных полков, т.е. данные нашей выборки практически не должны отличаться от данных всех 181 пехотных полков.

Теперь произведем подробный источниковедческий анализ формулярных списков конкретно по каждой из 12 граф. Попутно из нашей выборки с помощью одномерных таблиц сделаем элементарный анализ, заключенной в этих графах информации. Одномерные таблицы дают простые распределения данных в процентах по любому интересующему нас признаку – социальному положению, возрасту, наградам и т.д.

Начнем по порядку. В первой графе формулярного списка полностью записывались фамилия, имя и отчество офицера. Кроме того, здесь же записывались имеющиеся награды: ордена, медали, наградное оружие, высочайшие благоволения. К анализу данных о наградах вернемся при работе над 5 графой. А сейчас обратимся к информации из второй графы, где имеются данные о возрасте офицеров.

Из таблицы I видно, что основная часть офицеров была молода, 69,7% офицеров были в возрасте до 31 года, причем совсем юных офицеров, 16–19 лет, было незначительное количество – 5,3%. Основная возрастная группа – это офицеры от 20 до 25 лет. На долю офицеров пожилого возраста 61–65 лет приходится менее процента.

По нашим расчетам относительно молоды были и штаб-офицеры. Около половины из них, 43,5% – в возрасте до 35 лет и 72,2% – не старше 40 лет.

Таблица I

Возраст офицеров	% от общего количества офицеров	% от количества штаб-офицеров*
16-17	0,5	-
18-19	4,8	-
20-25	37,4	1,9
26-30	26,9	20,4
31-35	13,6	23,1
36-40	10,1	28,7
41-45	4,3	18,5
46-50	1,6	1,9
56-60	0,3	1,9
61-65	0,1	-

* К штаб-офицерам относились офицеры, имевшие звания майора, подполковника, полковника.

Емкую информацию несет в себе третья графа, в которую заносились данные о социальном и имущественном положении офицеров. В той же графе отмечалось из какой губернии родом, из какой страны, если иностранец, а для национальных меньшинств Российской империи – из какой социальной группы (из грузинских дворян, из татарских мурз и т.д.).

Теперь рассмотрим содержание табл.2, в которой приведены процентные соотношения информации о социальном происхождении офицеров. Обратимся к данным нашей выборки. Судя по количеству строк и записей в них, можно сразу сделать вывод, что здесь упоминаются почти все основные сословия России того времени. И это не удивительно, т.к. представителям практически всех сословий Российской империи и иностранных государств путь для достижения офицерского звания закрыт не был, правда, имелись существенные затруднения для получения офицерского чина лицам не дворянского происхождения.

Известно, что в 1762 году с дарованием дворянам новых прав был определен следующий порядок производства в офицеры,

Таблица 2

Происхождение офицеров	В % от общего количества выборов
Из титулованных дворян (крепостных не имели)	1,6
Из титулованных дворян помещиков	0,3
Из дворян помещиков	3,1
Из дворян (крепостных не имели)	72,9
Из обер и штаб-офицерских детей	9,6
Из иностранных дворян	1,3
Из солдатских детей	5,4
Из государственных и помещичьих крестьян	1,2
Из духовенства	2,6
Из купцов	0,1
Из однодворцев	0,1
Из вольноопределяющихся	0,7
Из разночинцев	0,2
Из иностранных разночинцев	0,6
Из мещан	0,2
Нет данных	0,1

который не потерял своей силы и в начале XIX века. Дворяне, как и прежде, поступали на службу нижними чинами, но срок для производства их в первый офицерский чин не был определен. Это зависело от усмотрения начальства, с тем только ограничением, что нельзя было представлять к производству малолетних, числившихся сверх комплекта. Солдатам крестьянского происхождения, чтоб получить первый офицерский чин, необходимо было выслужить в унтер-офицерском звании не менее 12 лет. Солдатским детям, выходцам из однодворцев и духовенства - 8 лет. Детям личных дворян, иностранцам и воспитанникам воспитательных домов необходимо было выслужить в унтер-офицерском звании не менее 4 лет¹³.

Таким образом, перечисленные ограничения возможностей достижения солдатом офицерского чина, отразились и на данных

таблицы 2: 88,8% всех офицеров составляют выходцы из дворян, а на долю остальных сословий приходится 11,1%.

Но и дворянство, в свою очередь, было неоднородно. Мы видим, что основная масса офицеров-дворян была неимущая, т.е. не имела крепостных и недвижимость, а на долю помещиков-офицеров приходилось всего 3,4%, да и то в основном они были мелкопоместными (см. табл.3). Правда, на число неимущих дворян-офицеров приходилось 17,8%, на детей помещиков, так сказать, наследников, чьи будущие поместья находились в распоряжении родителей. Среди этой категории офицеров также преобладают наследники мелких поместий, а будущие владельцы крупных латифундий — это преимущественно офицеры-гвардейцы. Так, в нашей выборке все наследники свыше 1000 душ крепостных — офицеры-гвардейцы. Среди владельцев и наследников свыше 500 душ крепостных — только один армейский офицер, все остальные — гвардейцы. Даже среди владельцев и наследников 201-500 душ крепостных офицеры-гвардейцы составляют более половины.

Таблица 3
Офицеры-помещики и офицеры-наследники поместий

Сколько в собственности душ крепостных	Офицеры-наследники поместий (в %)	Офицеры-помещики (в %)
Недвижимая собственность		
(крепостных нет)	5,2	-
I - 50	52,2	38,2
5I - 100	17,9	23,5
10I - 200	5,2	8,8
20I - 500	7,9	20,6
50I - 1000	6,1	5,9
свыше 1000	5,6	-

В истории лейб-гвардии Павловского полка приводятся сведения об имущественном положении офицеров-павловцев начала XIX века, где говорится, что самый богатый офицер полка владел 200 душами крепостных, а остальные, в лучшем случае, несколькими крестьянами да малой деревушкой. Далее

авторы замечают: "Понятно, что при такой обстановке и при небольшом жаловании в описываемое время, не могло быть и речи о роскоши. Всякий жил службой и старался более преуспеть"⁵.

Значительный процент в нашей выборке, 9,6% составляют выходцы из обер- и штаб-офицерских детей. Более общее название этого сословия - личное дворянство.

Из таблицы 2 хорошо видно, из каких сословий выходили в личное дворянство, а это - II,1% всех офицеров выборки, в которые попали представители многих сословий. Больше всего шансов стать личным дворянином, благодаря армейской службе, имели солдатские дети. Таких у нас 5,4%, что превосходит даже долю офицеров-помещиков. И это не случайно, т.к. государство часто брало на себя воспитание солдатских детей в военно-сиротских отделениях Воспитательного дома, откуда они выходили унтер-офицерами. Существовали и другие формы воспитания и образования этой категории молодежи.

Значительно сложнее было дослужиться до обер-офицерского чина выходцам из крестьян. Мало того, что им была отведена самая высокая квота выслуги в унтер-офицерском звании и начальство при своем "усмотрении", по всей видимости, не чуралось своих классовых предрассудков, но и немаловажен тот факт, что среди таких унтер-офицеров было крайне мало грамотных. Чтобы убедиться в этом, достаточно пролистать формуляры унтер-офицеров любого полка начала XIX века. Поэтому доля офицеров, выходцев из крестьян, составляет всего 1,2%, хотя среди унтер-офицеров пехотных полков их было большинство.

В третьей графе формулярного списка можно почерпнуть информацию и о месте рождения офицера, а в случае с представителями национальных меньшинств России - о национальности. Это также представляет большой интерес для исследователей. Аналогичная информация содержится и об иностранцах. Следовательно, из третьей графы можно получить сведения о национальном происхождении офицеров. Но здесь имеются трудности из-за неформализованности информации о национальном происхождении в формулярных списках. Данные о месте происхождения (рождения) скорее всего носили форму справки и

нередко при заполнении формуляров опускались, а запись в графе ограничивалась следующим: "из дворян", "из солдатских детей" и т.д. Все зависело от добросовестности писарей или требовательности начальства. Так, из рассмотренных нами формуляров 17 полков, лапидарные записи, без справки о месте рождения, характерны для четырех полков: лейб-гвардии Семёновского, Елецкого, 3 егерского и 19 егерского. А всего в 25% формуляров отсутствует запись в третьей графе о месте происхождения (рождения). Тем не менее, информации, которой мы располагаем, достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

Прежде всего определим круг этой информации. Так, по формулярным спискам практически невозможно точно определить русской, украинской или белорусской национальности тот или иной офицер. Зато по формулярам можно точно определить принадлежность к национальным меньшинствам. А вот определение национальной принадлежности офицеров немцев, подданных России, если они не остзейские дворяне, представляет определенное затруднение. В формулярах четко обозначены иностранцы, поступившие на службу в русскую армию из-за границы, процент которых, впрочем, судя по данным таблицы 4, невелик - 2,0%. Основная часть офицеров была выходцами из великорусских губерний - 50,3%, но и доля выходцев из украинских и белорусских губерний была также значительна, соответственно 28,7% и 8,4%. На долю национальных меньшинств приходится малая часть офицеров нашей выборки, но зато в ней представлены основные нацменьшинства России, в том числе и представители мусульманских народов. Таким образом, состав офицерского корпуса русской армии был многонациональным.

Четвертая и пятая графы формулярных списков с двумя подграфами, куда заносились даты всех перемещений, несут в себе наибольший объем информации. В них приводятся сведения о прохождении службы офицеров, начиная с поступления в какой-либо полк, продвижения по служебной лестнице и все перемещения из полка в полк на момент заполнения формуляра. В графах приводятся точные даты: число, месяц и год присвоения каждого звания и всех перемещений. Помимо пере-

Происхождение офицера (откуда родом)

Происхождение	в %
Из великоросских губерний	50,3
Из украинских губерний	28,7
Из белорусских губерний	8,4
Из Виленской губернии	2,5
Из остзейских губерний (Эстляндской, Курляндской, Лифляндской)	2,5
Из польской шляхты, подданных Российской империи	3,7
Из Финляндии	0,5
Из грузинских дворян	1,0
Из армянских дворян	0,1
Из молдавских дворян	0,1
Из татар	0,1
Из Франции	0,8
Из Англии	0,3
Из германских государств	0,1
Из Швеции	0,1
Из Турции	0,1
Из Греции	0,3
Из Сербии	0,1

численных в формулярах имеются сведения о службе до поступления в армию в гражданских ведомствах, а также обучения в учебных заведениях, если они имели место.

Обработка всей информации из четвертой и пятой граф без помощи ЭВМ весьма затруднительна, поэтому мы ограничились анализом лишь части, а именно: в каком звании начинали службу офицеры.

По нашим данным, 19,5% офицеров начинали службу рядовыми, 15,8% унтер-офицерами, 25,8% подпрапорщиками (унтер-офицерское звание для дворян). Здесь необходимо отметить,

что доля унтер-офицеров гвардейских полков, переведенных обер-офицерами в армейские, в нашей выборке невелика, всего 2,9%. Только 28,4% офицеров имела специальное образование в кадетском корпусе. Незначительная часть, 2,4%, начинала свою службу в ополчении. Примерно такая же часть, 2,0% - начинала свою карьеру сразу обер-офицерами. Это бывшие служащие военных ведомств или гражданских учреждений, имевшие IO-I4 класс гражданского чина табеля о рангах. Незначительный процент нашей выборки, 0,6%, приходится на офицеров, принятых на службу из иностранных армий.

Шестая графа формулярных списков также насыщена информацией. Правда, ее данные проще поддаются количественному анализу, чем в четвертой и пятой графе. Здесь идет речь об участии офицеров в боевых действиях за время прохождения службы. Несмотря на то, что основная масса русских офицеров была молода, 51,0% офицеров нашей выборки получили боевое крещение еще до кампании Отечественной войны 1812 года. Значительная их часть участвовала до 1812 года в одной кампании - 22,0%, в двух - 21,0%, в трех - 6,6%, в четырех - 0,7%, в пяти - 0,6%, в шести и семи кампаниях - 0,1%.

Но участвовать в войне можно по-разному: и в обозе, и на передовой. 36,5% исследованных нами формуляров имеют записи об участии офицеров более чем в IO сражениях, а некоторые из них участвовали в тридцати (1,3%), сорока (0,7%) и даже сорока пяти сражениях (0,2%).

В шестой графе формуляров заносились сведения о ранениях, полученных офицером в боях. Эти данные довольно подробны. Отмечалось не только когда и в каком сражении был ранен офицер, но и каким видом оружия или боеприпаса, в какую часть тела.

42,0% офицеров нашей выборки, участвовавших в боевых действиях, получили ранения или контузии, а 8,4% из них по два ранения, 1,7% по три ранения, 0,7% по четыре ранения и 0,1% по пять ранений. И это неудивительно. В сражении пехотный офицер по долгу службы должен был находиться на линии огня.

Большой интерес представляет информация о видах ранения офицеров за все время прохождения службы. По нашим

данным подавляющее большинство ранений пехотных офицеров было огнестрельным. На ранения холодным оружием приходилось всего 4,0%. Среди огнестрельных ран преобладали пулевые – 86,7%. Низкий процент ранений холодным оружием говорит о том, что в боевых действиях начала XIX века значение холодного оружия было невелико.

По нашим подсчетам большая часть ран, полученных офицерами за все время участия в военных кампаниях, приходится на конечности – 70,5%. Сравнительно низкий процент ранений в грудь, полость живота, указанных в формулярах, говорит о том, что от подобных ран редко выживали.

Шестая графа формулярных списков несет в себе также информацию о пребывании офицеров в плену. По нашим расчетам таких было 6,0% от всех офицеров выборки. В этой же графе мы можем найти сведения о наградах, которые, правда, более полно указывались в первой графе. Часто встречается, что каких-то наград, записанных в первой графе, нет в шестой, но только не наоборот. Однако в первой графе записи о наградах лапидарны, а в шестой – часто развернуты и есть информация о том, за что, в каком сражении получил офицер награду (орден, наградное оружие или высочайшее благоволение).

41,0% исследованных нами пехотных офицеров были награждены орденами и наградным оружием. С учетом других видов наград (монаршие благоволения, очередное воинское звание) эта цифра увеличивается до 56,0% (награждение памятными медалями нами не учитывалось). Если же взять только офицеров, участвовавших в боевых действиях, то доля награжденных возрастает до 65,0%.

Седьмая графа формулярных списков была отведена для записи сведений об образовательном уровне офицеров того времени. Основная масса офицеров нашей выборки, 65,0%, имела записи в своих формулярах: "читать и писать умеет, а другим наукам не обучен". У 10,1% офицеров были записи: "Читать и писать умеет, арифметику знает". Только у 24,7% наших офицеров значились в формулярах изученные предметы, в числе которых иностранные языки, гуманитарные науки,

различные разделы математики и т.д. Военно-теоретические знания занимали скромное место. На этот факт указывает и автор "Истории лейб-гвардии Московского полка: "Из научных предметов, по количеству изучавших их офицеров, на первом месте стоят языки: русский, французский, немецкий - последнее место предметы высшей математики и военные науки"⁴.

Таблица 5

Образовательный уровень офицеров	в %
Офицеры, умеющие читать и писать	65,0
Офицеры, умеющие читать и писать, знающие арифметику	10,1
Офицеры, обучавшиеся I-5 наукам	15,6
-"- 6-10 наукам	6,8
-"- 11-15 наукам	1,6
-"- 16-20 наукам	0,4
-"- 21-25 наукам	0,3
Нет данных	0,2

Правда, образовательный уровень офицеров лейб-гвардии Семеновского полка существенно отличался от среднего образовательного уровня армейских офицеров. Запись в формуляре "читать и писать умеет" в этом полку имела только у 3,5% офицеров, знание арифметики в документах особо не отмечалось, доля ранее изучавших I-5 предметов составляла 48,9%, 6-10 предметов - 30,3, 11-15 предметов - 10,4% и 16-25 предметов - 7,0%.

В целом невысокий образовательный уровень офицеров русской пехоты начала XIX века может быть объяснен тем, что основная часть дворянской молодежи в это время получала только домашнее образование. Специальное или высшее образование было не обязательным для поступления на службу. Большая часть будущих офицеров получала необходимые знания непосредственно в полку, где они начинали службу нижними чинами.

Что же касается подготовки будущих офицеров в военно-

учебных заведениях того времени, то по большей части она была неудовлетворительной. В "Военной энциклопедии" сообщается, что образовательная система, существовавшая в Дворянском полку, одном из немногих военно-учебных заведений России начала XIX века, "...массе обучавшихся при скудном отпуске материальных средств, не позволяла давать какое-либо воспитание и образование; главное внимание было обращено на строй и на поддержание суровыми методами чисто внешней дисциплины..." "Далее речь идет о более позднем времени. "На общем испытании, произведенном в полку в 1832 году, оказалось, что сведения 2/3 наличного числа дворян ограничивались только грамотностью и начальными правилами арифметики; в числе экзаменовавшихся нашлось даже 32 человека, не знающих ничего, кроме азбуки"⁵.

Последние графы формулярных списков также представляют большой интерес. Так, в восьмой графе отмечалось был ли офицер за время своей службы в отпуске, а если был, то в каком году, с какого числа и месяца, явился в срок или нет, а если нет, то по какой причине. По нашим подсчетам 90,0% офицеров нашей выборки за время своей службы не были в отпусках, а количество офицеров, воспользовавшихся за всю службу отпуском более двух раз, составляет всего 1,9%. При этом гвардейцы пользовались отпусками чаще армейских офицеров.

Редкость отпусков можно объяснить тем, что в начале XIX века в русской армии еще не существовала практика очередных ежегодных отпусков. Тот факт, что отпуска офицерам утверждал нередко главнокомандующий или даже сам император, говорит об исключительности порядка отпусков. Их продолжительность была различна: от 15 и 28 дней до полугода. Большинство, 60,0% всех отпусков наших офицеров, не превышало по продолжительности двух месяцев. Отпуска по болезни в данном случае не учитывались.

В девятой графе формулярных списков указывалось: подвергался офицер уголовной и строгой дисциплинарной ответственности или нет. В нашей выборке доля офицеров, бывших в "штрафах", сравнительно мала - 0,8%. Из них 0,3% офицеров

имели записи в своих формулярах о содержании в течение нескольких недель на гауптвахте за различные провинности по несению караульной службы, 0,1% были разжалованы в рядовые, 0,2% осуждены "за взятки и лихоимство" и 0,2% находились под судом.

О семейном положении офицеров можно узнать из 10 графы формулярных списков. По нашим данным подавляющая часть офицеров того времени была холоста, 90,4%, на долю женатых приходится 9,0%, а вдовых — 0,6%. Низкий процент женатых офицеров объясняется тем, что основная масса их была молода (см. таблицу I).

В II графе формуляров указывались причины отсутствия офицеров в части. Большая часть офицеров отсутствовала в полку по причине командировки, 8,6% от общего количества офицеров, чьи формуляры нами были исследованы, 5,0% офицеров отсутствовало по причине болезни или ранения, 2,3% к моменту заполнения формуляров умерли, но из списков полка исключены не были.

В последнюю 12 графу формулярных списков рукой полкового командира заносилась краткая запись о результатах аттестации: достоин или недостоин к представлению к очередному званию, если недостоин, то следовала краткая запись, почему недостоин. Данная информация во многом зависела от личного отношения полкового командира к тому или иному офицеру. Поэтому она в определенной степени субъективна. Так, в формулярах одних полков записи о неаттестации офицеров встречаются довольно часто, а в некоторых, наоборот, полностью отсутствуют. Что здесь? Стремление "не выносить сор из избы" или действительно существовали полки, в которых отсутствовали "слабые" офицеры? Возможно и то и другое. По данным нашей выборки, аттестацию не прошли 6,5% офицеров. Причины неаттестации различны: основная часть офицеров не прошла аттестацию за плохое выполнение служебных обязанностей, 68,0% всех неаттестованных офицеров, затем следует неаттестация за недисциплинированность 14,0% и за пьянство 14,0%.

Подводя итоги нашему исследованию, необходимо сделать

основные выводы. В первую очередь хочется отметить, что формулярные списки при обработке их в качестве массового источника дают много новой информации, получение которой из других видов источников затруднительно или вообще невозможно. В формулярах эта информация представлена довольно полно, незаполненные графы встречаются крайне редко.

Комплексная обработка формулярных списков позволяет получить результаты, которые дают возможность судить о том или ином социальном явлении с математической точностью.

Сотни тысяч формулярных списков, хранящихся в фонде 489, заключают в себе огромную информацию о личном составе русской армии XVIII - начала XIX века.

-
- 1 П.П.Карцев. История лейб-гвардии Семеновского полка, 1683-1854. СПб., 1854. С.86.
 - 2 ЦГВИА. Ф.489. Д.1749. Л.76 об.-77.
 - 3 П.П.Карцев. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683-1854. СПб., 1854. С.61.
 - 4 Пестриков Н.С. История лейб-гвардии Московского полка. СПб., 1867. Т.1. С.12.
 - 5 Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т.IX. С.5.

МОСКОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР А. А. ЗАКРЕВСКИЙ
НА СТРАНИЦАХ "КОЛОКОЛА"

Изучению Вольной русской печати посвящена обширная литература¹. Из всей совокупности работ выделим лишь те, которые представляют для нас первостепенный интерес. Это комплекс посвященных А. И. Герцену и Н. П. Огареву публикаций в серии "Литературное наследство"², раскрывающих многие аспекты публикаторской, редакторско-издательской деятельности основателей "Колокола", цикл исследований Н. Я. Эйдельмана о корреспондентах Вольной русской типографии³, важных рассмотрением источниковедческих аспектов темы, и примыкающую к ним по проблематике статью М. А. Соколовой⁴. Отмеченные работы, помимо фактических сведений из истории Вольной русской прессы, содержат методические ориентиры для решения задач данной работы.

В настоящей статье предпринимается попытка выявить информационные возможности и специфику содержащихся в "Колоколе" материалов (статей, заметок, отдельных высказываний, реплик и т. п.) о высшем звене губернской бюрократии — генерал-губернаторов и губернаторов (по терминологии законодателя — начальников губерний⁵) 50–60-х годов XIX в. Мы выявляли материалы по Московской и Калужской губерниям. Последняя олицетворяла собой, так сказать, типичные черты центральных губерний Европейской России. После общего обзора выявленного мы специально освещаем публикации о московском военном генерал-губернаторе А. А. Закревском.

Обращение к указателям "Колокола"⁶ позволило выявить в общей сложности 37 публикаций, имеющих прямое или косвенное отношение к рассматриваемой теме. (Полный их список приводится в Приложении). Из них две публикации (№ 28, 30)⁷ увидели свет не в самом "Колоколе", а в одном из прибавлений к нему "Под суд!", печатавшемся с целью более широкого обнародования вопиющих фактов несправедливости и беззаконий. Учету подлежал любой, независимо от жанра, размера, самостоятельный завершенный в сюжетно-тематическом плане текст,

освещающий отдельные эпизоды административной службы чиновников⁸ как на главных губернских должностях в названных губерниях, так и деятельности в других губерниях⁹ в период, по времени совпавший с изданием "Колокола"¹⁰. Используя такой широкий, прямо вытекающий из поставленной задачи подход к отбору произведений, мы имеем возможность получить относительно полное представление о характере заключенного в "Колоколе" материала об оценке "Колоколом" деятельности губернаторов.

Выявленные произведения охватывают и при том с разной степенью полноты ровно половину из занимавших в данное время высшие ступени губернской иерархии чиновников. Так, на московского генерал-губернатора А.А.Закревского приходится 14 публикаций (№ 1-9, 22, 24, 25, 27, 30), калужского губернатора Н.М.Смирнова - 7 (№ 12, 13, 22, 26, 31-33). Сведения о других губернских администраторах на страницах "Колокола" представлены всего в трех - П.А.Тучкове (№ 18, 19, 34), Е.П.Толстом (№ 10, 14, 28), В.А.Арцимовиче (№ 15-17), двух - Н.П.Синельникове (№ 20, 23), А.К.Сиверсе (№ 35, 36), П.А.Булгакове (№ 11, 29), Д.Н.Толстом (№ 31, 37) и даже одной - В.А.Долгорукове (№ 21) публикации.

Почти все зарегистрированные произведения опубликованы в "Колоколе" анонимно. Авторскую подпись имеют всего 4 публикации. Три из них (№ 8, 16, 20) принадлежат перу Герцена. Они подписаны его псевдонимом "Искандер". Четвертая публикация (№ 19) представляет конфиденциальное, с указанием фамилии автора и даты составления письмо московского генерал-губернатора Тучкова министру народного просвещения Е.В.Путятину. Все другие включенные в перечень статьи и корреспонденции, за исключением двух: статьи "Белый террор" (№ 21), напечатанной по воле автора за подписью "Один из сосланных под надзор полиции"¹¹ и заметки неизвестного воронежского корреспондента "Высочайшие путешественники at home" (№ 23), подписанной "(Из Малороссии)", вовсе опубликованы без всяких указаний на принадлежность их какому либо лицу.

Разыскания советских историков и филологов по истории

опубликованных в "Колоколе" произведений, основанные на привлечении широкого круга ранее не вовлеченных в научный оборот документов, и новом, детальном прочтении отдельных страниц биографии Герцена, изучение его публицистической и редакторской деятельности¹², осуществленные в связи с подготовкой указателей к "Колоколу"¹³, факсимильным изданием самой газеты¹⁴ и выходом в свет собраний сочинений Герцена в 30-ти томах¹⁵, а также конкретные исследования отдельных историков в этой области¹⁶, дали заметные результаты в атрибуции анонимно опубликованных произведений. В этих изданиях атрибутировано 17 из учтенных нами произведений (№ 1-7, 9-15, 17, 18, 21), большинство которых (кроме № 12, 18, 21) написано Герценом. По одной публикации принадлежит сенатору Д.П.Хрушову (№ 12), хорошо знавшей Герцена и Огарева писательнице Е.В.Салиас де Турнемир (№ 18) и Н.А.Вормсу (№ 21). Авторство 16 помещенных в "Колоколе" публикаций до сих пор раскрыть не удалось. Лишь две из них (№ 27¹⁷, 30) предположительно могут быть отнесены Герцену. В большинстве случаев наши сведения об анонимных авторах ограничиваются теми весьма отрывочными сведениями, которые можно почерпнуть из содержания самого публикуемого текста. Прежде всего это касается профессионального статуса, служебного положения автора, его социальной принадлежности, идейно-политических воззрений, литературных способностей, отношению к описываемым событиям. К сожалению, не проливает дополнительный свет на этот чрезвычайно сложный, требующий специального рассмотрения вопрос и редакторские предварения и заключения к некоторым (далеко не всем) анонимным сообщениям. Одни из них основное внимание концентрируют на отношении редакции к печатаемым материалам и сообщаемым в них фактам (№ 18, 19, 21, 24, 26), другие, заостряя внимание читателей на актуальности публикуемого материала, в резких тонах обличают высокопоставленных лиц правительственной администрации (№ 12, 30), либо выражают благодарность за присланную "превосходную статью" (№ 23). Но ни в одной редакционной заметке к анонимным корреспонденциям не содержится какая-либо конкретная информация об ее авторе.

Преследование русской полицией нелегально поступавших из-за границы на родину номеров "Колокола" и проживавших в России его корреспондентов, среди которых были и люди, служившие в правительственном аппарате, присылавшие в Лондон (часто через вторые и третьи руки) обличительные материалы, заставляла в конспиративных целях редакцию делать все возможное, чтобы сохранить в строгой тайне фамилию корреспондента.

Корпус выявленных публикаций отражает различные по объему, манере изложения, полноте, наконец, жанру произведений. Более трети материалов (№ I, 6, 7, 9, 10, II, 13, 15, 18, 25, 27, 31, 32) увидело свет в не имеющем никаких тематических границ отделе "Смесь" — единственной постоянной рубрике газеты, существовавшей с первого до последнего ее номера. В этом разделе помещались разнообразные материалы, обличающие злоупотребления чиновников государственного аппарата, тщательно скрываемые от общественности негативные эпизоды служебных биографий высокопоставленных сановников, многие их закулисные махинации. В "Смеси" публиковались как статьи самого Герцена, так и присылаемые из России корреспонденции. Ведущая роль в подготовке материалов для "Смеси" в течение всего периода издания "Колокола" (за исключением последних лет) принадлежала Герцену — бесспорный факт, на который неоднократно обращали внимание современники¹⁸. Свообразным подотделом "Смеси" был введенный Герценом заголовок "Правда ли?" — специфичный по жанру цикл коротких, основанных на непроверенной и искусно обработанной им информации (материалов русской и иностранной печати, слухов и т.п.), заметок. Из выявленных материалов в данной рубрике помещены две заметки. Обе касаются московского генерал-губернатора Закревского. В основу первой "Правда ли?", что Закревский остается генерал-губернатором", напечатанной в первом номере "Колокола" (№ I), положено непроверенное сообщение газеты "Nord" и услышанные, по всей видимости, от кого-то из московских знакомых слухов о якобы отставке генерал-губернатора Закревского¹⁹. Во второй заметке "Закревский и обер-полицмейстер" (№ 2), состав-

ленной так же как и первая, по недостаточно точной информации, Герцен просит подтвердить полученное сообщение о роспуске Закревским и московским обер-полицмейстером А.А.Тимашевым-Берингом общества "для освещения города газом" (с.34). Публикацией подобного рода непроверенных сообщений, Герцен надеялся привлечь внимание читателей к обсуждению животрепещущих вопросов внутренней жизни, требующих для своего раскрытия привлечения дополнительных сведений.

От предварительных замечаний общего порядка перейдем к более подробному анализу выявленного корпуса материалов. Остановимся на комплексе произведений о московском генерал-губернаторе Закревском, более насыщенном, чем другие группы источников, относительно разнородной информацией.

Арсений Андреевич Закревский родился 13 сентября 1786 г. в семье небогатого потомственного дворянина Тверской губернии. После окончания Гродненского кадетского корпуса (бывшего Шкловского корпуса Зорича), шестнадцатилетний прапорщик Закревский поступил на службу в Архангелогородский пехотный полк, командиром которого был молодой талантливый военачальник, участник Итальянского похода А.В.Суворова, генерал-майор Н.М.Каменский, младший сын известного екатерининского фельдмаршала графа М.Ф.Каменского. Сближение с Каменским положило начало военной карьере Закревского. Быстро завоевав расположение графа, он вскоре получил должность батальонного (1805 г.), а затем полкового (1806 г.) адъютанта. Закревский участвовал во Французских (1805, 1806-1807 гг.), Финляндской (1808-1809 гг.) и Турецкой (1810 г.) кампаниях. После смерти Каменского в мае 1811 года Закревский назначается адъютантом к военному министру М.В.Барклаюде-Толли, а вскоре (21 марта 1812 г.) директором Особенной при нем канцелярии. Вместе со своим новым командиром, в бытность его главнокомандующим I-й армией, Закревский участвовал во многих боях против французов, в том числе и Бородинском сражении, за что удостоился ордена Св.Владимира 3-й степени. Будучи адъютантом при главнокомандующем, Закревский сблизился со многими видными деятелями достопамятной эпохи: потом Д.В.Давыдович, московским генерал-губернатором

Ф.В.Ростопчиним, генералом А.П.Ермоловым, с которым был в дружеских отношениях до конца жизни. Во время заграничных походов русской армии (1813-1814 гг.), Закревский присутствовал при особе императора, как один из ближайших к нему генерал-адъютантов (назначен в декабре 1813 г.). После окончания военных походов, 12 декабря 1815 года, он определяется дежурным генералом Главного штаба. Эта должность поставила его в близкие отношения к любимцу государя, начальнику Главной квартиры армии П.М.Волконскому. В 1823 г. Закревский назначается финляндским генерал-губернатором и командиром отдельного финляндского корпуса, а в 1828 г. министром внутренних дел с сохранением прежних должностей. Служба его на этом посту продолжалась менее четырех лет. В 1831 г. после неудачно предпринятых карантинных мер борьбы против распространившейся в 1830 году холеры Закревский вышел в отставку. Семнадцать лет он жил исключительно частной жизнью, занимаясь главным образом управлением большими имениями своей богатой жены графини А.Ф.Толстой, живя попеременно то в деревне, то в столицах, то за границей.

В 1848 году по мере усиливавшейся реакции император Николай Павлович призвал Закревского вновь на службу, поручив должность московского военного генерал-губернатора и предоставив ему неограниченные полномочия. Этот престижный пост он занимал в течение одиннадцати лет, управляя Москвою по собственному усмотрению. В 1859 году Закревский, открыто выражавший свое недовольство либеральной политикой начала царствования Александра II, был уволен от должности генерал-губернатора и с тех пор находился в отставке. Последние годы жизни бывший московский администратор (ум. в 1865 г.) провел в сугубо частной, домашней обстановке²⁰.

Фигура московского генерал-губернатора Закревского на страницах "Колокола" встречается многократно и в связи с разными событиями. Авторы статей и корреспонденций, которые приходится на 1857-1859 гг. - последние годы московской службы и вообще его многолетней карьеры, излагают подчас любопытные, пикантные подробности его служебной биографии, в деталях раскрывают обстоятельства оставления им

в 1859 году поста генерал-губернатора, приводят достоверные факты об отношении всевластного сатрапа к крестьянскому освобождению, нелегальной печати, в частности "Колоколу". Корреспонденты остро изобличают политику открытого покровительства Закревским злоупотреблениям помещиков и должностных лиц московской администрации, предают огласке коммерческие интриги и авантюры генерал-губернатора, позволяя воссоздать и главнейшие вехи служебной биографии Закревского. В этой связи первостепенный интерес представляют напечатанные в 21-22 листах "Колокола" в разделе "Смесь" "Материалы для будущей биографии графа А.Закревского" (№ 25). Они объединяют две различные по объему и сюжету публикации, принадлежащие перу разных авторов. Первая пространная статья, собственно говоря "жизне" Закревского, описывает многолетний жизненный путь генерал-губернатора. Статья эта по замыслу ее автора должна была положить начало созданию в "Колоколе" новой рубрики, помещающей "биографии чинов первых трех классов российского государства" (Л.22. С.180). Вторая, короткая корреспонденция без заглавия, предваренная беглым вступлением Герцена, никаких биографических сведений о Закревском не содержит. В ней рассказывается об одной из спекулятивных торговых операций генерал-губернатора - продаже леса с целью личной наживы. Эта корреспонденция является как бы дополнением к ранее опубликованному в "Колоколе" (№ 24) сообщению о темных финансовых операциях Закревского. Остановимся подробнее на биографической заметке. Ее автор повествует в несколько иронических тонах о карьере, а отчасти вскользь и личной жизни Закревского, начиная с его детских лет, учебы в Шкловском (позднее Гродненском) кадетском корпусе, где будущий высокопоставленный чиновник "не выучился даже и грамоте" (Л.21. С.174), касается его службы на важных государственных постах: министра внутренних дел, генерал-губернатора Финляндии и московского генерал-губернатора. Сообщая сугубо фактические, хотя и не известные тогда широкому кругу читателей о нем сведения, особенно пристальное внимание автор уделяет характеристике личностных качества Закревского, закулисным путям его

продвижения по служебной лестнице, обличает угодливость Закревского перед начальством, его необычайную в этом направлении "деятельность" и беспрекословную исполнительность, позволившие ему в кратчайший срок после поступления на службу получить ряд престижных должностей (например, должность адъютанта при штабе пехотного полка у графа Н.М.Каменского). Автор рассказывает об обстоятельствах, предшествовавших назначению Закревского на должность директора особой канцелярии военного министра, упоминает и о выгодной для карьеры Закревского его женитьбе на графине А.Ф.Толстой.

Приводимые в заметке сведения из служебной биографии Закревского вполне надежны лишь в освещении фактической стороны вопроса, ибо в главных чертах совпадают с аналогичными данными, содержащимися как в биографических статьях о нем, принадлежащих перу лиц, хорошо знавших сановника²¹, так и в официальных документах²². Что же касается не лишенных предвзятости рассуждений автора насчет личных качеств Закревского и анекдотичных обстоятельствах его служебного возвышения, то подтверждение им в источниках и, в первую очередь, многочисленных воспоминаниях о нем современников, мы не находим. Лишь в одном случае есть основания согласиться с замечанием автора, указавшего на первостепенную роль предсмертного рекомендательного для Закревского письма Каменского императору, позволившем ему получить благосклонную аудиенцию в самых высших правительственных сферах. Об этой рекомендации, доставленной Закревским в Петербург после неожиданной и во многом загадочной смерти Каменского, наряду с его другими бумагами упоминают независимо друг от друга, адъютант Закревского по финляндскому генерал-губернаторству, впоследствии писатель Н.В.Путята²³ и литератор Д.В.Друцкой-Соколинский²⁴ — зять сановника.

Статья дает наглядное представление о деятельности Закревского на посту московского генерал-губернатора, олицетворявшей грубое беззаконие, произвол и деспотизм, санкционированный верховной властью. Закревский, замечает автор, "...окружил себя льстецами и шпионами, произвел страшную перемену в московском обществе, поставив на первый

план людей недостойных и заставил порядочных удалиться, высылал беспрестанно иностранцев за границу, русских стогнал в Колу, Архангельск, Вятку..., действовал деспотически не только полицейски, но незаконно в гражданских и уголовных делах, одним словом, везде и всегда распоряжался Москвой как своей в о т ч и н о й" (Л.21. С.176).

Отмеченные наблюдения автора, рисующие грубый произвол, беззаконие и деспотизм Закревского полностью совпадают с мнением других непосредственных очевидцев московской деятельности генерал-губернатора. Об этом рассказывают в своих воспоминаниях барон А.И.Дельвиг, двоюродный брат поэта А.А.Дельвига, представители московской купеческой корпорации Н.П.Вишняков и Н.А.Найденов²⁵. "Закревский, — замечает Дельвиг, — с самого появления своего в Москве начал деспотически обращаться со многими, произвольно налагал на богатых купцов денежные требования на общепользные предметы, удалял из Москвы без суда всякого рода плутов, вмешивался в семейные дела..."²⁶. По словам Н.Найденова, "Закревский был тип какого-то азиатского хана или китайского наместника, самодурству и властолюбию его не было меры, он не терпел, если кто-либо ссыался на закон, с которым не согласовались его распоряжения "Я — закон"; говорил он в подобных случаях..."²⁷.

Автор публикации — сторонник либеральных начинаний Александра II, рассказывая о биографии Закревского, затрагивает и такой важный для характеристики его воззрений вопрос, как его отношение к крестьянской эмансипации. Приводимые автором немногочисленные данные освещают лишь некоторые шаги Закревского в этой области (всяческие противодействия открытию дворянского комитета, попытки запретить снискавшие уважение прогрессивно настроенной московской общественности политические обеды в Москве с произносимыми на них речами в пользу крестьянского освобождения²⁸, постоянные доносы на лиц, поддерживающих эмансипацию, причисление их к партии бунтовщиков и т.д.). Они со всей очевидностью свидетельствуют, что московский администратор в этом вопросе занимал крайне враждебную правительственному

курсу позицию, отставив настроения реакционной феодально-крепостнической партии.

Опубликованные в "Колоколе" (№ 9) и прибавлении к нему материалы (№ 30) проливают свет на обстоятельства оставления Закревским поста московского генерал-губернатора и ухода в отставку. Получив долгожданное известие об этом, Герцен в статье "Прощайте, Арсентий Андреевич!", писал: "Всего забавнее, что Закревский пал, как говорят, за свое частное семейное дело, не имеющее никакой государственной важности, но все-таки хорошо, что он пал" (№ 9. С.366). Герцен не осветил, однако, всю подоплеку событий, непосредственно предшествовавших отставке Закревского. Поводом к ней, как известно, послужило выданное Закревским письменное свидетельство (разрешение) на вторичное замужество его дочери графини Л.А.Нессельроде с бывшим чиновником генерал-губернаторской канцелярии кн.Д.В.Друцким-Соколинским, без расторжения брака с первым мужем. Этот, так сказать, выходящий за рамки не только закона, но и всякого приличия поступок всеильного генерал-губернатора получил подробное освещение в материалах приложения "Колокола" "Под суд!". Здесь обнародованы, видимо, самим Герценом два официальных документа. Один включает выписку из определения Святейшего синода от 18/21 декабря 1859 г. по делу о браке графини Лидии Нессельроде с кн. Дмитрием Друцким-Соколинским. Выписка содержит немало подробных показаний свидетелей авантюры Закревского, очень ярко, в деталях описывающих мошенничество генерал-губернатора. Другой, датированный 19 апреля 1860 г. и принадлежащий и.д. обер-прокурора А.Сент-Илеру, представляет собой его "предложение" Правительствующему сенату "для надлежащего распоряжения" относительно виновников незаконной авантюры Закревского. Любопытно, что из круга этих лиц автор "предложения" сознательно исключил фамилию Закревского — организатора незаконной сделки. Последнее обстоятельство, вызвав крайнее недовольство Герцена, и послужило поводом для помещения этих материалов на страницах приложения к "Колоколу". Публикация предварена беглым вступлением и более развернутой заключительной

публикатора, в котором он, в присущей ему острой изобличительной манере, вскрывает всю безнравственность твердо уверенного в своей безнаказанности "наглого и самопроизвольного поступка" московского генерал-губернатора, необоснованное освобождение его от правосудия. "Человек, бывший руководителем законопреступного события, - сетует Герцен, - свободен от суда; а лица второстепенные, несравненно менее виновные, будут подвергнуты всей строгости закона!" (№ 30. С. 78). Верное (в силу типичности анализируемого факта) замечание Герцена как нельзя лучше доказывало соотечественникам невозможность привлечения в России к суду представителя высокопоставленной сановной бюрократии.

Преданный огласке Герценом факт незаконной брачной авантюры дочери Закревского, послуживший прямым поводом к его смещению с поста генерал-губернатора, получил некоторое освещение и на страницах мемуарной литературы²⁹. Знакомство с содержанием заключенных в воспоминаниях метких, хотя и беглых свидетельств, показывает полное совпадение взглядов современников с суждением Герцена по этому вопросу, что свидетельствует о верной интерпретации им обстоятельств дела. "Причиной его (Закревского - В.И.) увольнение, - вспоминает Дельвиг, - был выход его дочери графини Нессельроде, в замужество за князя Друцкого-Соколинского при жизни ее первого мужа, с которым она не была разведена³⁰. "Вина графа, - как бы продолжает мысль Дельвига, Друцкой-Соколинский, - заключалась в том, что он выдал нам, т.е. жене и мне заграничный паспорт на имя князя и княгини Друцких-Соколинских, в чем, несомненно, было злоупотребление властью..."³¹.

Опубликованные на страницах "Колокола" сообщения, касающиеся московской деятельности администратора, сквозь призму обличительных штрихов и зарисовок дают некоторое представление о человеческом и административном облике чиновника. Любопытные факты для характеристики, так сказать, промышленно-коммерческой деятельности и в то же время черт личности Закревского можно почерпнуть в заметке "Закревский - поставщик сукон и завоеватель казарм" (№ 24) и ко-

роткой, не имеющей заглавия вышеупомянутой корреспонденции, включенной редакцией во вторую часть "Материалов" к биографии Закревского (№ 25). В первой корреспонденции, заключающей выдержки из письма московского корреспондента "Колокола", приводятся интересные сведения, разоблачающие корыстные махинации Закревского. Автор анонимного письма, видимо, человек, в немалой степени осведомленный о теневыми сторонами промышленной деятельности генерал-губернатора, рассказывает о том, каким образом всесильный Закревский, пользуясь своим высоким служебным положением и рабочей зависимостью подчиненных, наживался на казенных поставках сукна и вина. Попутно корреспондент предаст гласности одну из выгодных в финансовом отношении операций Закревского - взятие из Военного министерства в свои руки заведывание московскими казармами.

Вторая заметка тоже анонимного автора продолжает начатый в 13 листе "Колокола" разговор о коммерческой деятельности Закревского. "Колокол", - пишет корреспондент, - показал нам графа Закревского как смышленного суконного поставщика, но и в других торговых делах он не меньше оказывает таланта" (№ 25. Л.22. С.181). Далее автор излагает единичный (фактическую точность которого проверить вряд ли возможно) эпизод, освещающий выгодную для Закревского операцию по продаже леса купцу Розанову, от которой последний в конечном итоге оказался в "чистом убытке". Как видим, сообщаемые корреспондентами "Колокола" отдельные сведения, затрагивающие торгово-промышленные "дела" московского генерал-губернатора, несмотря в целом на их краткость, обобщающий, оценочный характер, отсутствие точных указаний на временные реалии, отчасти раскрывают характер деятельности Закревского в данной сфере и прямо связанных с ней незаконных источников его личного обогащения.

К сожалению, мы не располагаем материалами, подтверждающими точность приведенных корреспондентами единичных, сугубо частных данных о коммерческой деятельности Закревского. Современники, например, обходят этот предмет полным молчанием. Вопрос о достоверности этих публикаций

остался как бы незамеченным и в статьях Н.Я.Эйдельмана³². Между тем, есть основания предположить, что заключенные в заметках сведения имели под собой реальную почву. Известно, например, что редакция "Колокола", производя тщательный отбор поступающих сообщений, постоянно заботясь о надежности публикуемых материалов, неоднократно требовала от своих корреспондентов только точной, достоверной информации³³. "Только достоверная истинность сведений, оглашенных нами, — писал Герцен, — и некоторое значение их может дать силу и важность нашему органу"³⁴. В тех случаях, когда на страницах газеты обнаруживалась недостаточно проверенная информация, редакция предоставляла каждому заинтересованному читателю уточнить или вовсе опровергнуть приведенные в корреспонденции данные. Так, в редакционном примечании к статье "Закревский — поставщик сукон и завоеватель казарм" прямо говорится: "Мы сообщаем факты так, как их получили. Всякую поправку, всякое объяснение мы напечатаем тотчас" (С.104). Никакого, однако, опровержения приведенных в заметке фактов в последующих листах "Колокола" не появилось. В целом рассматриваемый вопрос требует скрупулезного дополнительного изучения.

Наиболее наглядное отражение грубая, невежественная натура Закревского получила в серии специальных статей Герцена "Полицейский разбой в Москве", "Закревские берут верх", "Закревский и обер-полицмейстер", "Под спудом", "Москва".

Источником статьи "Полицейский разбой в Москве" (№ 3), открывшей кампанию Герцена против грубого административно-полицейского произвола Закревского и московского полицмейстера Беринга, послужили, по замечанию самого автора, материалы периодической печати (выходившей в Брюсселе газеты "Nord" прусской газеты "Kreuz-Zeitung" — с.35) и полученная от хорошо осведомленных московских корреспондентов эпистолярная информация. Несомненный интерес для нас представляет та часть статьи Герцена, в которой он приводит письмо своего московского корреспондента, характеризующее, так сказать, административное кредо Закревского, арсенал

используемых им и его ближайшими подручными методов управления. "Скажите на милость, - негодует автор письма, - когда же прекратится это татарское управление, в котором все сводится к одному знаменателю, т.е. к кулаку, где никакой закон, никакие гарантии не защищают человека от произволу и насилия двух или трех негодяев? До какого же времени общество будет безмолвно присутствовать при беспрерывных злоупотреблениях пред лицом верховной власти? И как правительство допускает все это? Неужели ему не известно до сих пор, какую репутацию пользуется Закревский в Москве? Неужели до него не дошли слухи о неистовстве его сборов?.. Неужели, - заключает корреспондент, - нет никакой возможности отделаться от людей прежнего времени, людей мрака и насилия..." (С.38). Чиновничий деспотизм Закревского, вызывавший справедливое недовольство московских жителей, Герцен также метко изобличил в статье "Закревские берут верх" (№ 7) и в своей небольшой заметке, а точнее сказать, реплике, "Закревский и обер-полицмейстер" (№ 2), опубликованной в разделе "Правда ли?". В обеих заметках Герцен затрагивает единичные и на первый взгляд мало чем примечательные, обыденные, но важные для понимания существа вопроса факты. Так, касаясь вскользь, в первой статье приказа московского обер-полицмейстера Кропоткина к городским властям и чинам полиции, "...чтобы они, при исполнении обязанностей службы, соблюдали всю возможную вежливость в отношении к публике"³⁵, Герцен весьма точно передает характерную реакцию генерал-губернатора на несогласованное с ним решение подчиненного. "Закревский, - замечает публицист, - сказал ему (т.е. Кропоткину - В.И.), что он нововведений терпеть не может и что Москву надобно держать в е ж о в ы х р у к а в и ц а х" (С.98). Во второй, выше уже рассмотренной заметке Герцен изобличает самовольное решение всесильного генерал-губернатора, запретившего введение в Москве газового освещения. Подобного рода сообщения, разоблачая приверженность Закревского к военно-полицейскому стилю управления, целиком совпадают с той оценкой, которая, как мы могли убедиться, дается действиям генерал-губернатора очевидцами его московской деятельности - Дельвигом и Найденовым.

Не последнее место в заметках Герцена занимает острое изобличение потворства Закревским всевозможным беззакониям и произволу как должностных, так и частных лиц. В статье "Под спудом" (№ 4) во второй ее части, написанной по материалам московских корреспондентов "Колокола"³⁶, Герцен оглашает факты вопиющих злоупотреблений со стороны московского полицмейстера Сечинского над девицей Янсон и систематические истязания крепостных крестьян помещиком Волоколамского уезда кн.Вредо, преступные действия которых вначале остались безнаказанными благодаря вмешательству Закревского³⁷. Поощрения Закревским очевидных беззаконий, в не менее выразительной форме разоблачены Герценом в короткой заметке "Москва". На этот раз публицист обращает внимание на защиту Закревским произвола полицмейстера Беринга, организовавшего расправу над московскими студентами. Поводом для написания статьи послужило письмо московского корреспондента "Колокола" Н.А.Мельгунова от 9 декабря 1857 г., в котором последний сообщал об оставлении Беринга (не без активной поддержки Закревского³⁸) на должности московского полицмейстера. Изобличая безнаказанность Беринга, покровительствующего ему Закревского и подобных им лиц, Герцен замечает: "Итак, с богом, г.Беринг, в поход! Наживайтесь, деритесь, убивайте несчастных женщин в тюрьмах, засекайте пожарных солдат, мешайте Москву освещать газом, — на что лишний свет вообще! За вас Закревский, — с иронией заканчивает заметку публицист, — за Закревского Мина Ивановна и Орлов. Кто ж против вас!" (С.43). Приведенные публикации верно обрисовывают одну из характерных черт служебного поведения Закревского — полное непризнание буквы закона. Это наблюдение Герцена целиком разделяют непосредственные очевидцы деятельности Закревского в Москве. "Все его замашки, — пишет о Закревском по словам Вишнякова, — доказывали убеждение в полной безнаказанности. Он был уверен, что будучи призван воплощать в себе высшую государственную власть, он стоит выше всяких законов, писанных голько для людей незначительных..."³⁹.

Увидевшие свет на страницах "Колокола" за подписью Герцена произведения ярко характеризуют воззрения Закрев-

ского и на отмену крепостного права. В статье "Закревский бунтует!" (№ 6) Герцен высмеивает крепостнические вождедения Закревского, его открытое несогласие с мнением верховной власти, несоответствие ретроградных взглядов генерал-губернатора новым историческим реалиям. "Арсений Андреевич, — саркастически замечает Герцен, — что это с вами, — всю жизнь вы были фельдфебелем, и вдруг мешаете освобождению крестьян? К лицу-ль вам эти лица? — Идти против государя! — против дисциплины!" (С.66). Герцен очень метко разоблачил всю косность воззрений Закревского в крестьянском вопросе, постоянно, как и другие реакционеры, внушавшего царю, что всякая, даже самая незначительная уступка крестьянской эмансипации неминуемо поставит страну перед катастрофой, приведет к мятежу. "...Заговорщики, — отражает взгляды этой части дворянского сословия Герцен, — поддерживают в государе мысль о близком мятеже. В Москве Закревский выдает боевые патроны и заводит полицейские сигналы" (№ 7. С.98).

Важно отметить, что содержащиеся в заметках Герцена оценки взглядов Закревского по крестьянскому вопросу, равно как и ранее приведенное мнение анонимного автора, правильно раскрывают суть воззрений генерал-губернатора на рассматриваемый вопрос. Подобные суждения мы встречаем в воспоминаниях Вишнякова⁴⁰, Дельвига⁴¹, И.В.Селиванова⁴², В.А.Кокорева⁴³. Примечателен тот факт, что приверженность Закревского к отжившим крепостническим порядкам отражена и в его интимной переписке. Так, в феврале 1856 г., под влиянием распространившихся слухов о крестьянском освобождении, Закревский в письме к своему confidentу государственному секретарю В.П.Буткову замечает: "...что тут есть правдоподобное, такими переворотами шутить нельзя"⁴⁴. Давая оценку речи Александра II, произнесенной 30 марта 1856 г. перед московскими предводителями дворянства, выражая свое недовольство намерением императора освободить крестьян, Закревский в письме от 3 апреля 1856 г. к тому же корреспонденту писал: "Государь теперь у вас, здесь остался всем доволен и меня благодарил, но я им по одному случаю остался недовольным... и я успел

государю высказать перед отъездом по сему предмету со всею открытостью"⁴⁵.

Консерватизм мышления Закревского проявлялся в каждом практическом шаге генерал-губернатора и его администрации, в том числе и в жестоким преследовании прогрессивно настроенных деятелей, обществ и изданий. В статье "Предостережения" (№ 8), подписанной псевдонимом "Искандер", Герцен как бы между прочим обличает и эту сторону деятельности московского генерал-губернатора. Получив сообщение о распоряжении Закревского таможенным властям обыскать возвращающихся на родину из-за границы молодых людей и передать их письма и бумаги в Третье отделение, Герцен негодует: "В какую грязь, в какую мерзость влекут государя эти гнусные шпионы, эти сыщики, эти Закревские?" (С.185). Герцен, правильно излагая суть политики Закревского в отношении передовых кругов Москвы⁴⁶, в данной заметке, по-видимому, использовал фактически не проверенную информацию. Во всяком случае, никакого отпуска подобного отношения генерал-губернатора в таможенную применительно к случаю, о котором говорит Герцен, в фонде московского генерал-губернатора не значится⁴⁷.

Итак, рассмотренный корпус опубликованных в "Колоколе" произведений о высших по рангу губернских администраторах - генерал-губернаторах и губернаторах, свидетельствует о слабой их насыщенности конкретными сведениями о чиновниках, но четко фиксирует отношение издателей "Колокола" к ним, особенно это прослеживается по серии выявленных публикаций о московском генерал-губернаторе Закревском.

1 Подробнее см.: Библиография литературы об А.И.Герцене. 1917-1970 / Сост. Т.И.Набокова, Л.С.Терешатова. Л., 1978-1984. Вып.1-2.

2 Литературное наследство (далее: ЛН). М., 1941-1958. Т.39/40, 41/42, 61/64. (Особенно т.41/42, 62).

3 Эйдельман Н.Я. Анонимные корреспонденты "Колокола" // Проблемы изучения Герцена М., 1963; Он же. Корреспонденты Вольной печати Герцена и Огарева в период назревания первой революционной ситуации в России. Автореф.

- дисс. канд. ист. наук. М., 1964; Он же. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". М., 1966; Он же. Начало издания "Колокола" и его первые корреспонденты // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1970; Он же. "Колокол" и его корреспонденты (первая половина 1858 г.) // Там же. М., 1974; Он же. "Колокол" и его корреспонденты (июль-октябрь 1858 г.) // Там же. М., 1978.
- 4 Соколова М.А. Анонимные статьи Герцена в "Колоколе". (Из опыта атрибутирования произведений Герцена в академическом издании его сочинений) // Проблемы изучения Герцена. М., 1963.
 - 5 Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т.2. Ч.2. Ст.268.
 - 6 "Колокол". Указатели. 1857-1867. Систематизированная роспись статей и заметок / Сост. Е.С.Радченко. М., 1957; "Колокол" Газета А.И.Герцена и Н.П.Огарева. 1857-1867. Факсимильное издание. М., 1962. Вып. II. (Указатели).
 - 7 Ссылки на приводимые в перечне Приложения произведения здесь и далее даются прямо в тексте статьи в скобках.
 - 8 В корпус источников включены произведения о следующих московских и калужских администраторах: (в скобках указано время пребывания на административной должности) А.А.Закревском (1848-1859 гг.), П.А.Тучкове (1859-1864 г.), В.А.Долгорукове (1865-1891 гг.), Н.П.Синельникове (1855-1857 гг.), А.К.Сиверсе (1867 г.), Н.М.Смирнове (1845-1851 гг.), Е.П.Толстом (1851-1854 гг.), П.А.Булгакове (1854-1856 гг.), Д.Н.Толстом (1856-1858 гг.) и В.А.Арцимовиче (1858-1862 гг.).
 - 9 Серия выявленных публикаций о губернаторе Смирнове освещает отдельные эпизоды его деятельности в Петербургской губернии (1858-1860 гг.), Сиверса - в Харьковской (1863), Д.Н.Толстого - в Воронежской (1859), Е.П.Толстого в качестве флигель-адъютанта е.и.в. в Тамбовской губернии (1859 г.).
 - 10 Произведения, лишь мимоходом упоминающие фамилии чиновников, не включающие конкретной о них информации, нами не учитывались.
 - 11 Данная статья принадлежит перу одного из корреспондентов "Колокола", поэту и публицисту Н.А.Вормсу. См. ЛН. Т.62. С.13.
 - 12 См. ЛН. Т.39/40, 41/42, 61, 62.
 - 13 См. сноску 6.
 - 14 "Колокол". Газета А.И.Герцена и Н.П.Огарева. 1857-1867. Факсимильное издание. М., 1960-1964. Вып. I-II.
 - 15 Герцен. А.И. Собр. соч., М., 1954-1965. Т. I-30.
 - 16 См., например: Указ. соч. Н.Я.Эйдельмана и М.А.Соколовой.
 - 17 "Колокол"... Вып. II (Указатели). С.76. Автор этой публикации обнаружил панегирическую речь чиновника особым

поручений московского генерал-губернатора Ф.П.Корнилова (впоследствии московского губернатора, члена Государственного Совета), произнесенную на прощальном обеде 17 апреля 1859 г. по случаю отставки московского генерал-губернатора Закревского.

- 18 Исповедь В.И.Кельсиева // ЛН. Т.41/42. С.280; Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания. СПб., 1889. Т.Ш. С.132-133.
- 19 Слухи об отставке Закревского не подтвердились. Об этом свидетельствовали многочисленные о нем материалы, поступающие в "Колокол" из Москвы. Что же касается выше приведенной заметки, то недостоверность сообщенных в ней сведений опроверг один из корреспондентов "Колокола" Н.А.Мельгунов. В письме к Герцену от 3 апреля 1857 г. он писал: "...Оказывается, что телеграфическая депеша, - переданная Nord'ом будто Суворов назначен на место Закревского, - чистый пух и что Закревский по-прежнему московский генерал-губернатор!!" (ЛН. Т.62. С.356).
- 20 Составлено по: ЦГИА СССР. Ф.660. Оп.1. Д.2. Л.76-89; Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского, составленная князем Д.В.Друцким-Соколинским // Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. Под ред. Н.Дубровина СПб., 1890. Т.1. С.1-ХVI; Путята Н.В. Краткое биографическое воспоминание о графе А.А.Закревском // Русский архив. 1865. Кн.1. Стб.371-380.
- 21 См.: Указ. соч. Д.В.Друцкого-Соколинского и Н.В.Путята.
- 22 См. сноску 20.
- 23 Путята Н.В. Указ. соч. С.373.
- 24 Друцкий-Соколинский Д.В. Указ. соч. С.1У.
- 25 Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1911. Ч.3. С.99-112; Дельвиг А.И. Мои воспоминания. М., 1913. Т.2; Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. Т.1.
- 26 Дельвиг А.И. Указ. соч. С.340 и др.
- 27 Найденов Н.А. Указ. соч. С.90 и др.
- 28 Одним из организаторов банкетов был сторонник крестьянской эмансипации, купец-откупщик В.А.Кокорев, по словам Закревского, "западник, демократ и возмутитель, желающий беспорядков". ("Любопытные показания графа А.А.Закревского о некоторых представителях Московского образованного общества в начале прошлого царствования" // Русский архив. 1885. № 7. С.449). О непринятии Закревским этих обидов ярко свидетельствует его отношение к шефу жандармов князю В.А.Долгорукову. "Речи и возгласы Кокорева, - обрушивался на поведение откупщика Закревский, - с жадностью слушаются прислугой, передаются народу и, возбуждая в нем страсти, легко могут породить беспорядки и обрушить на слепую толпу всю строгость закона". (Цит. по: Дружинин Н.М. Избранные труды. М., 1988. Кн.3. С.194).

- 29 Дельвиг А.И. Указ. соч. М., 1913. Т.3. С.14-15; Друцкой-Соколинский Д.В. Из моих воспоминаний // Русский архив. 1901. № 4. С.679; Загоскин С.М. Воспоминания С.М. Загоскина // Исторический вестник. 1900. № 2. С.512. Примеч.2; Никифоров Д.И. Москва в царствование Александра П. М., 1904 С.54-55.
- 30 Дельвиг А.И. Указ. соч. Т.3. С.14.
- 31 Друцкой-Соколинский Д.В. Из моих воспоминаний. С.679.
- 32 Эйдельман Н.Я. "Колокол" и его корреспонденты (первая половина 1858 г.)... С.181-183; "Колокол" и его корреспонденты (июль-октябрь 1858 г.) ... С.41.
- 33 См.: Герцен А.И. Собр. соч. М., 1956. Т.9. С.35-36, 315; М., 1958. Т.13. С.80.
- 34 Герцен А.И. Собр. соч. Т.13. С.48.
- 35 Санкт-Петербургские ведомости. 1857. 13 февраля. № 36.
- 36 В основу этой части статьи Герценом положены совершенно точные факты, содержащиеся в письмах П.Л. Пикулина, и тогда еще молодого начинающего правоведа, впоследствии московского губернского прокурора, человека либеральных воззрений Д.А. Ровинского. (Подробнее об этом см.: Эйдельман Н.Я. Начало издания "Колокола"... С.186-187).
- 37 Заметим, что факт разоблачения "Колоколом" злоупотреблений Сечинского впоследствии вызвал такой широкий общественный резонанс, что "...император, - как писал Герцен в письме к М.Мейзенбург около 20 (не позже 24-го) марта 1858 г. (Датировка Н.Я. Эйдельмана. См.: Эйдельман Н.Я. "Колокол" и его корреспонденты... С.180), - немедленно приказал отдать полицмейстера под суд". (Герцен А.И. Собр. соч. М., 1962. Т.26. С.169). Что же касается Вреде, то по постановлению дворянского депутатского собрания мнение его было отдано в опеку. Сам князь уклонился от суда, уехав за границу // Дружинин Н.М. Указ. соч. С.187.
- 38 В отмеченном письме Мельгунова приводятся любопытные строки об ультиматуме Закревского в связи с рассматривавшейся отставкой Беринга. "...Закревский, - информировал Герцена корреспондент, - оказал, что если сменяет Беринга, то и он подаст в отставку. А этого его величество не желает, ибо по слухам, Орлов и прочие старики уверили его, будто Закревский необходим" (ЛН. Т.62. С.369).
- 39 Вишняков Н.П. Указ. соч. С.101; См. также выше приведенные свидетельства Дельвига и Найденова.
- 40 Вишняков Н.П. Указ. соч. С.112.
- 41 Дельвиг А.И. Указ. соч. Т.3. С.14-15.
- 42 Селиванов И.В. Записки дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя, судьи и председателя палаты // Русская старина. 1881. № 8. С.735.

- 43 Кокорев В.А. Воспоминания давно прошедшего, вызванные показаниями графа Закревского // Русский архив. 1885. № 10. С.265-266.
- 44 Цит. по: Попельницкий А. Речь Александра П, оказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С.392.
- 45 Там же. С.393-394.
- 46 Отношение Закревского к различным представителям общественно-политических течений московского общества подробно освещается в посмертно опубликованных собственноручно написанных "показаниях" самого генерал-губернатора. (См.: Закревский А.А. Указ. соч.).
- 47 См.: Герцен А.И. Собр. соч. Т.13. С.580. Комментарии.

1. [Герцен А.И.] [Закревский остается генерал-губернатором.] Л.1. 1 июля 1857 г. С.10.
2. [Герцен А.И.] [Закревский и обер-полицмейстер.] Л.4. 1 октября 1857 г. С.34.
3. [Герцен А.И.] "Полицейский разбой в Москве". Л.4. 1 ноября 1857 г. С.35-38.
4. [Герцен А.И.] "Под спудом. А. По части умалишенных. В. По части смиренного дома: I. Убийство и покровительство разврата. 2. "Убийства, засекания, уласы помещичьей власти", Л.5. 1 ноября 1857 г. С.38-41.
5. [Герцен А.И.] "Москва". Л.6. 1 декабря 1857 г. С.43.
6. [Герцен А.И.] "Закревский бунтует!". Л.8. 1 февраля 1858 г. С.66.
7. [Герцен А.И.] [Закревские берут верх.] Л.12. 1 апреля 1858 г. С.98.
8. Искандер "Предостережения". Л.23-24. 15 сентября 1858 г. С.185.
9. [Герцен А.И.] "Прощайте Арсентий Андреевич!" Л.44. 1 июня 1859 г. С.366.
10. [Герцен А.И.] "Набег немецких татар в Тамбовскую губернию". Л.67. 1 апреля 1860 г. С.566.
11. [Герцен А.И.] "Пугачев и Сухозанет". Л.80. 1 сентября 1860 г. С.671.
12. [Хрущов Д.П.] "Нарвская революция и рукопашный Каваньяк-Смирнов". Л.91. 1 февраля 1861 г. С.763-764.

* В перечне произведения расположены в той хронологической последовательности, в которой они были напечатаны в газете. Статьи, публиковавшиеся без заглавия, даны в квадратных скобках. Их заглавия даются по первой строке текста. В квадратные скобки заключены также фамилии авторов произведений, опубликованных без подписи. Атрибуция включенных в перечень произведений заимствована: "Колокол". Указатели. 1857-1867. Систематизированная роспись статей и заметок / Сост. Е.С.Радченко. М., 1957; "Колокол". Газета А.И.Герцена и Н.П.Огарева. Факсимильное издание. М., 1962. Вып. II (Указатели); Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1958. Т. XIII, XV.

13. [Герцен А.И.] "Сенатские арестантские роты. (Осужденный Переверзев)". Л.92. 15 февраля 1861 г.". С.776.
14. [Герцен А.И.] "Плут уступает аксельбанту". Л.94. 15 марта 1861 г. С.786.
15. [Герцен А.И.] "L'homme aux camélias et l'homme au gibet"^ж. Л.98-99. 15 мая 1861 г. С.836.
16. [Сканде]р "12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)". Л.101. 1861 г. С.848-849.
17. [Герцен А.И.] "Валуев". Л.112. 15 ноября 1861 г. С.940.
18. [Салиас де Турнемир Е.В.] "Московская бойня студентов". Л.113. 22 ноября 1861 г." С.942.
19. Тучков П.А. "Письмо московского генерал-губернатора Тучкова к графу Путянину". Л.136. 15 июня 1862 г. С.1129-1132.
20. [Сканде]р "Преступления в Польше". Л.157. 1 ноября 1863 г. С.1302-1304.
21. [Вормс Н.А.] "Белый террор". Л.231-232. 1 января 1867 г. С.1889-1895.

А н о н и м н ы е

22. "Письмо из Петербурга". Л.4. 1 октября 1857 г. С.32-33.
23. "Высочайшие путешественники at home". Л.6. 1 декабря 1857 г. С.43-44.
24. "Закревский - поставщик сукон и завоеватель казарм". Л.13. 15 апреля 1858 г. С.104.
25. "Материалы для будущей биографии графа А.Закревского". Л.21. 15 августа 1858 г. С.174-176; Л.22. 1 сентября 1858 г. С.180-181.
26. "Опоздавшие письма из Петербурга". Л.23-24. 15 сентября 1858 г. С.186-187.
27. "Политические обеды в Москве". Л.49. 1 августа 1859 г. С.405-406.

ж "Господин с камелиями и господин с виселицей".

28. "Правительствующий откуп и при нем состоящая императорская власть. Беззаконные действия генерала Толстого, губернатора Данзаса и его сообщников по делу разбития питейных домов в г.Спасске и его уезде (Тамбовская губерния)" // "Под суд!". Л.5. I апреля 1860 г. С.45-46.
29. "Тост Пугачеву и последняя кампания (будущего графа) Тимашева". Л.76. 15 июля 1860 г. С.636-637.
30. "Граф Закревский и герцог Саксен-Веймерский" // "Под суд!" Л.8. I сентября 1860 г. С.76-78.
31. "Верные исполнители высочайшей воли". Л.93. I марта 1861 г. С.783-784.
32. "Переселение крестьян на болото". Л.93. I марта 1861 г. С.783-784.
33. "Воровство-мошенничество чиновника Арбеньева с участием гражданского губернатора Смирнова". Л.95. I апреля 1861 г. С.801-802.
34. "Из Москвы". Л.147. 15 октября 1862 г. С.1216.
35. "Телесные наказания во всем разгаре". Л.190. 15 октября 1864 г. С.1557-1558.
36. "Семь убитых крестьян и тридцать раненых в Харьковской губернии (Из письма к издателям)". Л.198. 15 июня 1865 г. С.1627-1628.
37. "Из Петербурга. (Письмо в редакцию "Колокола") ". Л.216. 15 марта 1866 г. С.1771.

ИСТОЧНИКИ О ДАРСТВЕННИКАХ УКРАИНСКИХ ГУБЕРНИЙ.
(К методике анализа)

Реформа 19 февраля 1861 года создала новый разряд крестьян, получивший название дарственников. Это были крестьяне, воспользовавшиеся ст.123 Местного положения великорусских губерний, определявшего условия выхода из крепостной зависимости великорусских крестьян. Статья предусматривала наделение крестьян четвертой частью (от 1 до 1,5 дес.) высшего размера надела без выкупа. Данная категория крестьян по великорусским губерниям рассмотрена нами в ряде работ¹.

На Украине, как и в Великороссии, была принята ст.116 Местного положения Малороссийского, на основании которой можно было прекратить временнообязанные отношения между помещиком и крестьянами в том случае, если по добровольному соглашению помещик подарит крестьянам часть надела, включая усадьбу, в размере не более одной четверти высшего. На основании этой статьи на Украине освободилась от крепостной зависимости и от временнообязанного состояния значительная часть крестьян - 82792 ревизские души. Такие дарственные сделки имели место в шести губерниях. По количеству дарственников их можно расположить в следующем порядке: Екатеринославская - 311 сельских обществ, 28918 ревизских душ; Херсонская - 192 общества, 15522 ревизских души; Полтавская - 157 обществ, 15019 ревизских душ; Харьковская - 100 обществ, 10787 ревизских душ; Черниговская - 130 обществ, 10121 ревизская душа и Таврическая - 39 сельских обществ, 2425 ревизских душ.

Для того, чтобы изучить историю этих крестьян и сравнить их с дарственниками великорусских губерний, предполагалось воспользоваться методикой, с помощью которой изучалась судьба русских крестьян-дарственников. Для этого мы снова привлекли материалы "Приложений к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости"², так как этот источник содержит сведения об экономическом положении до реформы

сельских обществ, которые впоследствии вышли на дар: о населении, о количестве земли, о форме эксплуатации. Затем материалы земской статистики – земские подворные переписи 80-х годов, в которых можно найти сведения о тех же сельских обществах через 20 лет после реформы: о размере землевладения, аренде, промыслах. И, наконец, материалы обследования дарственного землевладения, проведенного в 1907 г.; в них собрана информация и по украинским губерниям³.

Такое последовательное изучение позволяет проследить те социально-экономические изменения, которые произошли с дарственниками на протяжении 50-ти лет, понять причины, побудившие крестьян взять дарственный надел. Кроме того, этот сравнительный метод позволяет проверить достоверность приводимых в источниках данных.

Сведения об украинских губерниях помещены в шестом томе "Приложение...", который отличается от предыдущих пяти томов сборника, где собраны материалы по русским губерниям. Это отличие связано с некоторыми экономическими и географическими особенностями жизни украинских крестьян. Первый же показатель – "Название владельцев и имений" – обращает на себя внимание тем, что в великорусских губерниях, как правило, один владелец имел в своем пользовании одно имение с одним селением и под одним названием; если таких селений было больше, то каждое показывалось отдельно. На Украине же один владелец мог иметь до десяти мелких селений, иногда они все и не перечисляются, а лишь отмечается, что имеются и другие. Сведения об этих селениях объединяются и даются одной цифрой. Можно сказать, что если в русских губерниях статистические сведения даются на селение, то в украинских губерниях эти сведения даются на владельца. Это обстоятельство очень затрудняет выборку данных, а чаще всего делает ее просто невозможной.

Совершенно по-другому в шестом томе "Приложение..." расшифровывается и показатель числа тягал. Если в русских губерниях число тягал делилось на оброчных, издольных и состоящих на смешанной повинности, т.е. показывалась форма

эксплуатации, то в украинских губерниях число тяглов подразделялось в Полтавской – на тяглых, полутяглых и пеших, в Екатеринославской и Харьковской – на имеющих лошадей, волов и пеших (не имеющих никакого рабочего скота), в Херсонской – на тяглых и пеших, в Черниговской – на тяглых, пеших и имеющих одну усадьбу, и только в Таврической они делятся так же, как и в русских губерниях, – на оброчных, издольных и состоящих частью на оброке, частью на барщине, т.е. смешанных. Такое различие в расшифровке числа тяглов обусловлено тем, что почти все помещичьи крестьяне на Украине были барщинные, а то незначительное количество оброчных, которое имелось, как правило, отмечалось в примечаниях. Даже в Таврической губернии, единственной, где тягла подразделялись по форме эксплуатации, графа оброчных почти пустая.

Таким образом, мы видим, что на Украине не форма эксплуатации определяла размер крестьянского надела до реформы, как это было в великорусских губерниях, а обеспеченность крестьян рабочим скотом.

Следует отметить наличие двух новых разделов: "Число хозяев, наделенных землей", имеется для всех губерний, кроме Екатеринославской, а раздел "Распределение земель между крестьянами" (т.е. между тяглыми, полутяглыми и пешими) отсутствует только в Таврической губернии. Оба эти раздела свидетельствуют о том, что не все крестьяне наделялись пахотной землей, а та часть из них, которая получала в свое пользование пахотную землю – наделялась неравномерно даже в пределах одного сельского общества. Причем, наделение и ненаделение зависело не столько от количества земли у помещика, сколько от наличия рабочего скота у крестьянина. Например, в Полтавской губернии, по данным "Приложений...", средний надел на ревизскую душу равнялся 2,5 дес., однако графа о "Распределении земли между крестьянами" показывает, что надел у тяглых колебался от 4 до 10 дес., у полутяглых от 2 до 4 дес., у пеших, как правило, в этой губернии надела не было, но в некоторых редких случаях и пеще имели небольшой надел, в пределах 2 десятин.

И еще важный момент, на который нужно обратить внимание, — это то, что все помещицьи крестьяне на Украине имели усадьбу, независимо от наделения их пахотной землей.

Особое значение в шестом томе "Приложений..." приобретают "Примечания". Если в первых пяти томах примечания — это, как правило, пустые графы, либо редкие сведения о дополнительных повинностях, то в примечаниях по украинским губерниям постоянно даются сведения о количестве лиц, находящихся на оброке, размере этого оброка, а главное о способе существования безземельных крестьян. Выясняется, что на Украине, наряду с наделением барщинных крестьян землей, существовала и такая оплата барщинного крестьянского труда на помещицьеи земле, как выдача 3-го или 4-го сжатого снопа, либо 3-го и 4-го вместе. От чего зависело количество получаемых крестьянами снопов, определить невозможно (скорее всего от качества земли), но, думается, что и личность помещика играла не последнюю роль. Следует сказать, что 3-й и 4-й снопы получали не только безземельные пешие или малоземельные полутяглые. Бывали случаи, когда и тяглые вынуждены были жать со снопа из-за недостаточного надела.

Приведенная таблица I наглядно показывает количество тяглых, полутяглых и пеших в пяти украинских губерниях.

Мы видим, как велико число пеших тяглов. Причем, в Полтавской и Екатеринославской губерниях пешие, как правило, не наделялись полевой землей, имели лишь усадьбу, а в Черниговской, Харьковской и Херсонской губерниях пешие имели надел, но значительно меньший по сравнению с тяглыми крестьянами. Эти данные показывают, что значительная часть украинских крепостных крестьян была обезземелена еще до реформы 1861 г., что не могло не сказаться на их решении в пользу дарственного надела. И еще очень важный момент, который повлиял на пореформенное положение украинских крестьян — это степень неравномерности наделения землей. Для иллюстрации в качестве примера возьмем Черниговскую губернию, где все крестьяне, включая пеших, имели полевой надел.

Таблица I

Распределение тягол в украинских губерниях

Название губерний	Число именной	Число кре- стьян М. П.	Число дворов	Категории тягол			Итого
				тягле	полутягле	пешие	
Полтавская	695	215055	71848	17314	7459	68250	93023
				18,6	8,0	73,4%	100%
Екатеринославская	334	94469	31369	конные	волосые	пешие	
				1937	17742	30237	49916
Харьковская	461	141773	45402	4,0	35,5	60,0	100%
				20450	17052	15684	53186
Черниговская	604	164134	54106	38,0%	32,0%	30,0%	100%
				тягле	пешие	имеющие одну усадьбу	
Херсонская	447	81602	27748	46221	24095	2082	72396
				64,0	33,0	3,0	100%
				тягле	пешие		
				15815	20106		36021
				44,0%	56,0%		100%

Таблица 2

Величина наименьшего и наибольшего размеров
надела помещичьих крестьян Черниговской губернии

Название уездов	Средний надел на ревизскую душу	Надел тяглых	Надел пеших
Черниговский	от 1,06 до 5,9	от 3,25 до 12,0	от 2,5 до 9,0
Борзенский	1,38-5,89	3,0-8,0	1,0-3,5
Городнянский	0,66-6,36	1,0-11,0	1,5-5,5
Глуховский	1,08-5,86	5,5-12,0	1,5-5,5
Козелецкий	1,5-5,9	5,0-9,0	2,5-5,25
Конотопский	0,42-3,8	3,5-12,75	0,5-7,5
Кролевецкий	1,46-4,85	3,0-5,0	1,0-3,75
Мглинский	2,61-9,01	4,5-20,0	4,0-8,0
Новгород-Северский	1,38-6,89	3,0-20,0	0,5-3,5
Новозыковский	1,0-8,83	4,0-18,5	3,0-8,0
Нежинский	1,06-4,02	3,0-9,0	1,5-7,5
Остерский	2,35-4,51	5,5-9,5	4,0-7,5
Сосницкий	1,26-9,47	4,25-13,25	4,0-5,0
Стародубский	1,51-7,74	5,0-12,0	3,75-8,5
Суражский	1,51-5,05	5,0-10,5	2,5-6,0

Таблица 2 показывает, как велика амплитуда колебания между средним душевым наделом, наделом тяглых и наделом пеших крестьян. Это поуездные данные, а на поселенном уровне такое различие проявляется еще резче. Та же картина и в других губерниях. Это обстоятельство не позволяет нам определить размер пореформенного надела тех крестьян, которые вышли на дар. Кроме того, такое неравномерное наделение земель в пределах одного селения создавало условия для развития подворного землевладения на Украине, а это, в свою очередь, способствовало дифференциации крестьянских хозяйств уже в момент реформы. К тому же подворное землевладение благоприятствовало тому, что в результате реформы не все сельское общество выходило на дар, как это было в русских

губерниях, а часть его или даже несколько хозяйств.

Таким образом, несмотря на то, что мы не можем воспользоваться материалами "Приложений..." для определения размера дореформенного надела украинских крестьян, вышедших на дар, тем не менее, нам удалось выяснить: до реформы они были барщинными и в отличие от русских подразделялись на тяглых и пеших; наделение крестьян землей до реформы было неравным и зависело не столько от наличия рабочей силы, сколько от наличия рабочего скота; размер надела колебался у крестьян, имевших скот, от I до 20 десятин, а у пеших, в тех случаях, когда надел предоставлялся, — от I до 9 десятин на тягло; процесс обезземеливания крестьян произошел еще до реформы; на Украине были две формы оплаты барщины: первая — надел, вторая — часть урожая с помещичьей земли; всем помещичьим крестьянам предоставлялась земля под усадьбу; в большинстве случаев тяглые крестьяне, пожелавшие выйти на дар, потеряли часть своего дореформенного надела, а пешие сохранили его (как правило, это была усадьба); неравномерность наделения землей определила два вида землевладения в пореформенное время — обштинное и подворное. Подавляющее большинство украинских крестьян имело подворное землевладение.

Теперь обратимся к следующему источнику, дающему поселенные сведения на 80-е годы XIX в. — к материалам замской статистики.

Как известно, земские статистические обследования проводились по двум методикам и программам. Первое направление разработано В.И. Орловым, и его называют московской школой. Оно состоит из подворной переписи каждого селения. Описывается экономическое состояние каждого двора, а затем данные группируются по пяти разрядам по степени благосостояния хозяйств. Второе направление — Черниговская школа. Поскольку черниговских исследователей интересовала только проблема распределения земского налога, объектом обследования являлись не дворы, а местность, почва, доход от земли. Сами сборники, вышедшие в результате таких обследований, назывались "Материалы для оценки земельных угодий". Для

нашего исследования интерес представляли только сборники подворной переписи. В результате выявления этих сборников выяснилось, что по шести украинским губерниям мы имеем следующую картину: подворные переписи 80-х годов имеются по 15 уездам Полтавской губернии и 4 уездам Екатеринославской. В Черниговской и Херсонской губерниях обследовалось только состояние земельных угодий. Этими материалами мы воспользоваться не можем, так как они сгруппированы без учета категорий крестьян. В Харьковской губернии, хотя и было проведено подворное описание одного Богодуховского уезда, однако мне не удалось этот сборник обнаружить в московских библиотеках.

Таврическая губерния вообще не подвергалась земским обследования в интересующее нас время.

Таким образом, на 80-е годы XIX века мы располагаем материалами 15 уездов Полтавской губернии и 4 уездами Екатеринославской.

Первое, что обращает на себя внимание, — в Полтавской губернии земские статистики не выделяли дарственников в отдельную категорию. Сведения о них даны вместе с бывшими помещичьими крестьянами на выкупе. Подобное встречается и в русских губерниях, там, где дарственников немного, например, в Московской. В Полтавской дарственников довольно много, но они нигде не выделяются, хотя наряду с бывшими помещичьими крестьянами наделены и государственные, и казенные, и казаки, и мещане. Совершенно очевидно, что дарственникам здесь не придавалось никакого значения; по-видимому, для обследователей они ничем не отличались от тех крестьян, которые до реформы были нешими и получили мизерный надел за выкуп, а их в этой губернии было подавляющее большинство, как видно из таблицы I.

Естественно, раз в земской статистике не выделяются дарственники, за основу для выявления дарственных селений были взяты данные из обследования 1907 года, а затем уже подбирались соответствующие селения в материалах земской статистики. Выбрать идентичные по названию селения оказалось несложно, однако выяснилось, что в отличие от

русских селений здесь на дар выходило не все общество в целом, а часть его. Этому способствовала подворная форма землевладения, она существовала до реформы, сохранилась и после нее. 93,6% дарственных хозяйств Полтавской губернии пользовались землей подворно. Подворная форма землепользования возникла не случайно и имела свои последствия. Как мы помним, она характеризовалась разницей в дореформенном землеобеспечении. Эта разница повлияла на размер пореформенного надела, что, в свою очередь, привело к резкой дифференциации крестьянских хозяйств внутри одного сельского общества сразу же после реформы. На первый взгляд кажется, что принятое законодательством распределение земли по ревизским душам должно было уравнивать экономическое положение бывших помещичьих крестьян. Однако на Украине этого не произошло, и подтверждение тому мы нашли в материалах земской статистики. Если в великорусских губерниях все расчеты о землевладении и землепользовании велись на ревизскую душу, то в материалах по Полтавской губернии этот показатель отсутствует вообще, так как он не был определяющим.

Таким образом, хотя мы и выявили селения, в которых имелись дарственники, однако отделить их от бывших помещичьих крестьян, находившихся на выкупе, не смогли.

Попытаемся показать как выглядят селения с дарственниками в Полтавской губернии.

Из таблицы 3 видно, что количество дарственных селений в материалах земской статистики и Обследовании 1907 г. различное. Одна из причин заключается в том, что земская статистика иногда обобщает мелкие селения и дает сведения о них вместе с другими. Есть в Обследовании 1907 г. селения не дарственные, ошибочно внесенные, но их в Полтавской губернии всего два. В Обследовании 1907 г. есть такие селения, которые в земской статистике отсутствуют, их также единицы. Иногда встречаются случаи, когда два селения имеют одинаковое название и не ясно, в каком из них имеются дарственники; они не включены в таблицу. Но самое главное то, что селения, указанные в материалах земской статистики, несмотря на идентичность названий с Обследованием 1907 г.,

Таблица 3

Селения Полтавской губернии с предполагаемым преобладанием дарственников и крестьян-собственников

Название уездов	Кол-во селений дарственников по обследованию 1907 г.	Кол-во селений дарственников по земской статистике		
		Всего	из них с преобладанием крестьян-дарственников	из них с преобладанием крестьян, вышедших на выкуп
Годячский	6	6	4	2
Зенковский	4	4	2	2
Золотоношский	15	15	10	5
Кобелякский	9	8	3	5
Константинов-градский	9	8	2	6
Кременчугский	16	12	6	6
Лубенский	9	7	6	1
Лохвицкий	17	13	6	7
Миргородский	3	3	3	-
Переяславский	7	7	-	7
Пирятинский	16	14	1	3
Полтавский	23	17	12	5
Прилукский	15	11	4	7
Роменский	2	1	1	-
Хорольский	6	6	3	3
Всего	157	132	63	69

нельзя считать дарственными. Условно к дарственным можно отнести лишь 63 селения, но и в их число включена, хотя и незначительная часть крестьян, находящихся на выкупе. Их присутствие не позволяет воспользоваться показателями для изучения хозяйства дарственников. Для того, чтобы определить, в каком сельском обществе преобладали дарственники, приходилось брать за основу надел, полученный крестьянами в результате реформы и указанный в Обследовании 1907 г. Кроме того, некоторые сведения дают такие показатели из земской статистики, как распределение хозяйств по

размерам надела и количество душ мужского пола на 80-е годы XIX в.

Конечно, получить абсолютные и относительные цифры по материалам земской статистики Полтавской губернии мы не можем, но ряд наблюдений представляет интерес для раскрытия тех процессов, которые происходили в дарственных селениях. Например, материалы земской статистики отмечают процесс расслоения, произошедший в крестьянских обществах, в том числе и дарственных. Об этом свидетельствует деление хозяйств по количеству земли, находящейся во владении крестьян. Эти хозяйства делятся на безземельные, имеющие менее одной десятины, имеющие от 1 до 2 дес., от 2 до 3 дес., от 3 до 6 дес., от 6 до 9 дес., от 9 до 15 дес., от 15 до 20 дес. и от 20 до 50 дес., причем наделы от 9, от 15 и от 20 дес. на одно хозяйство не являются исключением. Если же мы обратимся к великорусским губерниям, то в Воронежской губернии дворы делятся на 3 группы: безземельные, имеющие до 5 десятин и от 5 до 15 десятин. А в Саратовской — высший предел составляют шесть десятин. Можно предположить, что хозяйства, имевшие более 9 дес., принадлежали крестьянам, вышедшим на выкуп, но тот факт, что они находились в одном сельском обществе с дарственниками, не мог не оказать влияния на экономическое состояние и тех и других.

Следующее, что обращает на себя внимание в земской статистике, — это аренда. Хотя она и имела место, но не была ведущей в землеобеспечении. Землю в Полтавской губернии арендовали менее 50% хозяйств, главным образом за отработки или испольно и всего на один урожай. Длительная аренда не была распространена.

С размером крестьянского надела тесно связана и проблема дополнительных заработков. Наиболее распространенным, наряду с другими, видом заработка, берущим начало еще с дореформенного времени, являлась жатва со снопа. Так, в Пирятинском уезде Полтавской губернии из 770 хозяйств — 226 жали со снопа, 164 отпускали на дальние заработки, 136 хозяйств имели "профессионалов", т.е. ремесленников; батрачество не было распространено, в то время как арендовало

землю только 374 хозяйства. Та же картина и в других уездах губернии.

Как уже отмечалось, в Екатеринославской губернии подверглись земским подворным переписям четыре уезда: Бахмутский, Ростовский на Дону, Мариупольский и Славяносербский. Дарственники в этих уездах выделены в отдельную группу, так как в Екатеринославской губернии помещичьи крестьяне имели не подворное, а общинное землевладение, и, как правило, на дар выходило все селение целиком. К сожалению, мы не можем получить сведений о дореформенном положении этих селений, так как из таблицы I видно, что средний душевой надел далек от реального потому, что процент пеших крестьян был велик, он составлял 60%. В Екатеринославской губернии, как и в Полтавской, пешие крестьяне, как правило, не наделялись землей, а жали со снопа.

Сравнительные данные можно получить по трем уездам — Бахмутскому, Мариупольскому и Славяносербскому. Ростовский на Дону уезд не обследовался в 1907 г., и в сборнике о нем сведения не содержатся. Поэтому материалы земской статистики являются единственным источником, дающим данные о дарственниках Ростовского на Дону уезда, а их в 21 селении 12007 душ мужского пола на 1885 г.

В результате поселенного сравнения выяснилось, что в Бахмутском уезде по материалам земской статистики 58 дарственных сельских обществ, в которые объединено 64 селения, а по обследованию 1907 г. их 61, причем идентичных 51. Семь сельских обществ не вошли в Обследование 1907 г., а десять занесено ошибочно, так как в земской статистике они значатся как находящиеся на выкупе. Единственное, что можно предположить, так это то, что они на дар вышли после 1885 года.

В Мариупольском уезде 8 дарственных селений, в обоих источниках значатся 4, в Обследование 1907 г. не вошли 4 селения, а 1 занесено ошибочно.

В Славяносербском уезде 29 дарственных селений. Из них идентичных в обоих источниках — 18. 11 селений не вошли в Обследование 1907 г., а 4 занесены ошибочно, здесь выкуплены одни усадьбы.

Таким образом, земская статистика дает более полные сведения о количестве дарственников и дарственных селений. Мы можем с уверенностью сказать, что по Екатеринославской губернии обследование 1907 г. может быть дополнено 43 селениями, в которых 13837 душ мужского пола получили в результате реформы 1861 г. дарственный надел.

Итак, с учетом изложенного выше мы можем посмотреть, как изменился экономическое положение крестьян-дарственников четырех уездов Екатеринославской губернии к 80-м годам XIX в., т.е. через 20 лет после освобождения от крепостного права.

В Ростовском на Дону уезде одно селение, 79 ревизских душ получили полный надел в дар в размере 237 десятин. К 1885 г. в этом селении 35 из 39 хозяйств арендовали 214 дес. пашни и 79 дес. сенокоса, в среднем по 8,3 дес. на арендуемое хозяйство. 2 хозяйства приобрели 16 дес. в собственность, а 3 хозяйства землю сдавали.

В остальных 20 селениях 3390 ревизских душ получили при выходе на дар одни усадьбы в размере 2659 дес. К моменту земских обследований мужское население увеличилось до 5973 душ. Число хозяйств составляло 1676. Из них 79 хозяйств надельную землю сдавали, 13 хозяйств приобрели в собственность 193,25 дес. пашни, а 1427 хозяйств арендовали 10705 дес. пашни и 4125,5 дес. сенокоса, что составляло в среднем по 10,3 дес. на арендуемое хозяйства, а на наличную мужскую душу в среднем приходилось в общей сложности по 2,93 дес. В то время как до реформы у крестьян Ростовского на Дону уезда, по сведениям "Приложений...", средний душевой надел колебался от 1,62 до 10,82 дес.

Таким образом, 86% хозяйств к 1885 г. имели в своем пользовании количество земли, равное высшему размеру сред него душевого надела дореформенного времени. Остальные 14% хозяйств не имели полевого надела.

Крестьяне, получившие землю за выкуп в среднем по 2,9 дес. на ревизскую душу, арендовали по 15 дес. на хозяйство, причем соотношение арендующих и безземельных совпадает с данными дарственных селений.

Динамика землепользования и землевладения дворянников 1861-1907 гг.

	Славяносербский уезд		Мариупольский уезд		Бахмутский уезд	
	1885 г.	1907 г.	1885 г.	1907 г.	1885 г.	1907 г.
Количество сельских обществ	18	22 ¹	4	5 ¹	58	61
Ревизских душ по X переписи	-	1871	-	562	-	5093
Ревизских душ, получивших надел	1732	-	481	-	5353	-
Десятин наделной земли	1813,4	1731,8	882,6	1055,5	6174,7	5804,6
% ко всей земле, находящейся в пользовании	24,0%	16,4%	25,7%	31,5%	15,0%	15,6%
Хозяинов	882	1387	202	312	2620	3857
Душ мужского пола	2678	3100	638	1197	8085	6485
Десятин купчей земли	821,8	2157,0	1101,9	1326,4	1031,9	7425,7
% ко всей земле, находящейся в пользовании	10,8	20,2	31,9	40,0	2,5	19,8
Десятин аренды	4906,9	6764,0	1460,7	950,0	33977,0	24164,0
% ко всей земле, находящейся в пользовании	65,2%	63,4%	42,4%	2,7%	82,5%	64,6%
Всего десятин земли, находящейся в пользовании крестьян	7542,1	10652,8	3444,8	3331,9	41183,7	37394,3
В среднем на мужскую душу	2,8	3,4	5,3	2,7	5,0	5,7

* Земля вошла 4 сельских обществ, получившие усадьбу за выкуп, в них 172 ревизские души и 336,2 дес. под усадьбой.

в Земля вошла одно обществу, в котором 109 душ м.п. получили в надел 12 дес.

в Земля вошла 3 количестве душ мужского пола не полные.

К сожалению, как уже отмечалось, мы не имеем сведений об этом уезде на 1907 г. и не можем проследить изменения в землеобеспечении дарственных хозяйств в следующие 20 лет.

В Славяносербском уезде 29 селений и 2619 ревизских душ получили дарственный надел в размере 2768,4 десятины. К 1885 г. мужское население в этих обществах возросло до 3966 душ. Число хозяйств составляло 1288. Собственную землю приобрели 68 хозяйств в размере 1264,5 дес., по 18 дес. на хозяйство в среднем. Основная масса дарственников вела свое хозяйство на арендованной земле, они арендовали 4959,6 дес. пашни 3329,4 дес. сенокоса, в среднем на наличное хозяйство по 6,3 дес., на наличную мужскую душу по 3,1 дес. В то время как до реформы средний душевой надел в этом уезде колебался от 2,07 до 3,55 дес.

Крестьяне, получившие в надел за выкуп 3,8 дес. на ревизскую душу, в 1885 г. имели в своем пользовании в среднем по 4 дес. на душу мужского пола с учетом аренды, купчей земли и надельной.

Как уже отмечалось, в Обследовании 1907 г. вошли только 18 дарственных селений. Поэтому для того, чтобы проследить динамику землепользования у дарственников Славяносербского уезда, мы взяли из земской статистики данные по этим обществам и сравнили со сведениями 1907 г. Результаты изложены в таблице 4.

Из приведенной таблицы видно, что, несмотря на прирост населения, средний душевой надел, по сравнению с 1885 годом, увеличился; кроме того, вдвое увеличился удельный вес купчей земли в общем землепользовании.

В Мариупольском уезде по материалам земской статистики в 8 сельских обществах, которые в 1861 году по дарственной сделке получили 1537,3 дес. земли на 1175 ревизских душ. В 1885 году в этом уезде насчитывалось 1418 душ мужского пола в 143 хозяйствах. Помимо надела, 157 хозяйств приобрели 1155,9 дес. в собственность и арендовали 4898,9 дес. В среднем на наличное хозяйство приходилось 11,2 дес., а на мужскую душу 5,3 дес. У крестьян, получивших надел за выкуп в этом уезде на душу мужского пола, приходилось

в среднем по 5,1 дес., меньше, чем у дарственников.

С Обследованием 1907 года в этом уезде мы имеем 4 идентичных сельских общества. Сравнительные данные по ним приведены в таблице 4. Мы наблюдаем уменьшение общего землепользования, но удельный вес купчей земли, как и в Славяносербском уезде, увеличивается, купчая земля становится ведущей в земельном балансе дарственников.

И последний, Бахмутский уезд, по которому имеются сведения на 1885 год. 58 сельских обществ с 5353 ревизскими душами получили в дар 6174,73 дес. земли. Ко времени земского обследования мужское население достигло 8085 душ, 32 хозяйства приобрели 1031,9 десятин в собственность, а аренда составляла 33977,0 дес. В среднем на мужскую душу крестьяне имели по 5,0 дес. До реформы средний надел в этом уезде у помещичьих крестьян колебался от 1,03 до 7,29 десятин.

Как уже отмечалось, в Обследовании 1907 г. ошибочно включены 10 селений, получивших надел за выкуп и не достает 7 дарственных. В связи с этим приведенные в таблице 4 цифры нельзя принимать как абсолютные, но все же тенденцию проследить можно. В этом уезде, как и в Мариупольском, также наблюдается уменьшение к 1907 г. землепользования главным образом за счет уменьшения аренды. Но растер размер купчей земли и увеличивается ее доля в общем землепользовании.

Если попытаться найти обобщающие показатели по всем губерниям Украины, то следует прибегнуть к материалам Обследования 1907 года. Таблица 5 содержит данные о землевладении и землепользовании, но в относительных величинах, полученных при обработке абсолютных данных. Используя ленинское указание на то, что одно владение в пределах 7 дес. отражает разоренное хозяйство, 15 дес. — среднее хозяйство⁴, можно выделить три группы: в группу нищенствующих селений дарственников войдут селения Полтавской и Черниговской губерний — не выше 4 дес. в среднем на хозяйство; в группу разоренных хозяйств — селения Харьковской губ.; в группу маломощных середняков селения Харьковской и Бессарабской губерний.

Таблица 5

Землевание и землепользование дарственников украинских губерний
на 1907 г.

	Полтав- ская губ.	Харьков- ская губ.	Чернигов- ская губ.	Екатерино- славская губ.	Херсонская губ.	Таврическая губ.
Доля арендной земли в общем землеполь- зовании	33,3%	36,3%	25,7%	56,2%	64,6%	44,2%
Доля купчей зем- ли в общем зем- лепользовании	21,3%	35,8%	31,6%	28,6%	19,6%	16,3%
Доля наделенной зем- ли в общем земле- пользовании	45,4%	27,9%	42,7%	15,2%	15,8%	16,3%
Прирост населения	8,1%	52,9%	31,6%	79,8%	34,6%	14,3%
Безземельные дворы	39,4%	15,5%	12,5%	20,2%	22,8%	13,2%
На налгичный двор при- ходится всего дес.	3,4	6,5	3,7	10,6	9,1	16,9

ринославской губерний, и только дарственники Таврической губернии являются крепкими середняками. Этот обобщающий итог рисует усередненную картину, что следует иметь в виду. Есть целые уезды, где средние показатели значительно выше губернских, например, в Одесском уезде Херсонской губ. средний надел на наличное хозяйство равнялся 12,2 дес., в Старобельском уезде Харьковской губ. — 11,8 дес., в Козелецком уезде Черниговской губ. — 9,2 дес.

Итак, подведем итоги. При анализе данных о дарственниках украинских губерний выработанная нами методика изучения дарственников великорусских губерний потребовала значительных коррективов. Это вызвано как своеобразием дореформенного быта украинского крестьянства, так и вытекающими из этого обстоятельствами в отражении этого быта в использованных нами источниках. Мы не смогли построить систематические ряды на поселенном уровне, так много давшие для изучения экономической эволюции русской дарственной деревни, но все же могли извлечь из изученных источников достаточно данных для установления примерно таких же параметров процесса эволюции украинской деревни, что и в русской, с той только разницей, что буржуазная дифференциация в украинской деревне шла интенсивнее.

-
- 1 Источниковедческие вопросы изучения судьбы дарственников в России. // Источниковедение отечественной истории. М., 1980. С.177-191; О приемах изучения хозяйства дарственников (на примере Воронежской губернии). // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Докладный период. М., 1981. С.159-180.
 - 2 Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Извлечения из помещичьих имений свыше ста душ. СПб., 1860. Т.6.
 - 3 Дарственное наделное землевладение крестьян (по обследованию 1907 г.). СПб., 1908.
 - 4 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17. С.67.

О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГРАМОТНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА

Среди демографических источников дореволюционной России самым обширным и в своем роде уникальным является перепись населения 1897 г. Фактически это единственный источник, материалы которого составляют данные, собранные одновременно на территории всей страны, по общей программе и при весьма однородных приемах и требованиях. Источниковедческий анализ переписи, методика сбора данных, их сводки и обобщения свидетельствуют о высокой достоверности показателей грамотности, широко представленных в публикациях итогов переписи. Не удивительно поэтому неоднократное использование в литературе материалов переписи для характеристики общей грамотности населения.

В советской историографии одним из первых попытка определить грамотность сельского населения по данным переписи 1897 г. А. Г. Рашин. Однако он привел лишь самые обобщенные сведения о половозрастной структуре грамотных среди сельских жителей в целом по России, не выделяя при этом региональных особенностей этого явления. Губернский анализ грамотности в Европейской России был произведен им на материале "Общего свода" результатов переписи обо всем населении страны¹.

Несколько иначе подошел к этому источнику И. М. Богданов. В основу его расчетов были положены данные переписи о грамотности всех возрастных групп за исключением детей до 9 лет. Кроме того, читателю была предложена пословная характеристика грамотности². Но в основном вполне естественное стремление автора проводить региональные сопоставления привело к тому, что по преимуществу анализировались сведения за 1897 г., взятые из публикаций демографической переписи 1926 г. В них приводились таблицы грамотности населения и на 17 декабря 1926 г. и на 9 февраля 1897 г. (по новому стилю), для чего разработчикам переписи пришлось приложить много усилий, чтобы добиться сопоставимости

территорий. Конечно, было бы неразумно не воспользоваться этими данными. Но для характеристики сельского населения России конца XIX в. они явно непригодны, ибо состав городских поселений по переписи 1897 г. существенно отличался от состава их по переписи 1926 г.

Обращение не к первоисточнику (наряду с отсутствием единого подхода в отборе показателей 1897 г.) вызвало, по мнению Н.Н.Улащика, разногласия в научной литературе по поводу грамотности в дореволюционной России³. И это понятно, ибо материалы 1897 г. воспринимались большинством исследователей только как своеобразный статистический справочник, характеризующий грамотность населения в целом, и фактически не становились предметом специального изучения.

Не проводилось, в частности, и исследование грамотности отдельных классов и сословий, например, крестьянства. Среди историков-аграрников наблюдалось, с одной стороны, почти полное исследовательское забвение переписи 1897 г., вызванное боязнью недостоверности ее сведений, с другой — постоянное локальное использование в научном обороте материалов переписи без соответствующей их критики. Между тем, нет другого подобного источника, содержащего сплошные данные о населении Российской империи, в том числе и об уровне его грамотности. И более того, если социальная структура общества в начале XX века заметно менялась, то столь существенных сдвигов в области образования не происходило. Поэтому представляется вполне правомерным не ограничивать при анализе переписи выводы о грамотности населения лишь рубежом двух веков, а распространить их и на более позднее время, вплоть до 1917 года. Тем паче, что положительные примеры такой экстраполяции уже имеются в нашей литературе⁴.

Проведенный нами источниковедческий анализ переписи населения 1897 г. показал, что некоторые недостатки опубликованных сводок коренятся исключительно в самой методике разработки переписного материала. Точность же и достоверность сведений переписи о грамотности сельского населения

нужно признать со всей определенностью. Обратимся поэтому к региональной структуре грамотности крестьянства Европейской России. Ее анализ представляет интерес с точки зрения определения факторов, влиявших на грамотность основной массы населения страны.

Среди 125640021 жителя Российской империи 96896648 человек (или 77,1%) принадлежали к крестьянскому сословию. Из них 76841432 чел. (81,2%) проживали в Европейской России. Но в Астраханской, Оренбургской губерниях и областях Войска Донского крестьяне занимали менее двух третей населения. В первой больше половины жителей составляли так называемые "инородцы", а в двух других от 30% до 50% — казаки. Учитывая, что в материалах переписи 1897 г. чаще всего фигурирует собирательное понятие "лица сельского состояния" (т.е. крестьяне, казаки, иностранные поселенцы и т.п.), для характеристики собственно крестьянского сословия имело смысл исключить эти три губернии из дальнейшего анализа. В оставшихся 47 губерниях, на которых был остановлен наш выбор, перепись зарегистрировала около 76 млн. крестьян обоего пола (или 78,3% всего крестьянского населения империи)⁵.

В среднем по Европейской России крестьяне составляли 84,1% населения. Но в губерниях их соотношение с другими условиями было отнюдь не равнозначным (табл. I). Если в западной части Европейской России доля крестьян во всем населении, как правило, не превышала средних значений, то в Псковской, Смоленской, Орловской, Харьковской и почти во всех губерниях, расположенных от них на север и восток, крестьяне составляли 90—97% населения. Исключением являлись лишь несколько промышленно развитых губерний, таких как Московская, Ярославская, Тульская. В целом же с запада на восток наблюдалось неуклонное повышение среди жителей доли представителей крестьянского сословия. В некотором роде это было связано с уменьшением к северу и востоку количества крупных городов и, как следствие, приближением числа крестьян к общей численности населения. Не случайно, начиная от центра и до Урала "крестьянские" губернии становились

Таблица I

Состав крестьянства Европейской России
по данным переписи 1897 г.

Губернии	Крестьян во всем населении в %	Среди кре- стьян доля в %		В уездах среди крестьян, состоящих в браке, доля в %	
		муж- чин	жен- щин	мужчин	женщин
I	2	3	4	5	6
1. Архангельская	89,0	47,2	52,8	48,4	51,6
2. Бессарабская	72,1	51,6	48,4	50,0	49,9
3. Виленская	75,2	50,1	49,9	49,8	50,2
4. Витебская	78,2	49,9	50,1	49,8	50,7
5. Владимирская	90,3	45,4	54,6	45,8	54,2
6. Вологодская	95,3	47,4	52,6	48,4	51,6
7. Волынская	74,9	50,6	49,4	49,1	50,9
8. Воронежская	95,2	49,5	50,5	48,6	51,4
9. Вятская	97,2	47,1	52,9	47,9	52,1
10. Гродненская	72,5	52,0	48,0	50,8	49,2
11. Екатеринославская	87,3	51,7	48,3	51,0	48,9
12. Казанская	94,2	48,9	51,1	49,3	50,7
13. Калужская	90,3	44,1	55,9	45,9	54,1
14. Киевская	77,8	49,9	50,1	48,1	51,9
15. Ковенская	71,1	49,1	50,9	49,8	50,2
16. Костромская	91,5	44,9	55,1	46,3	53,7
17. Курляндская	81,5	48,5	51,5	49,8	50,2
18. Курская	93,5	49,3	50,7	48,5	51,5
19. Лифляндская	84,5	48,5	51,5	49,6	50,4
20. Минская	71,8	50,1	49,9	50,7	49,3
21. Могилевская	80,1	49,3	50,7	51,8	48,2
22. Московская	77,9	51,0	49,0	45,8	54,2
23. Нижегородская	93,0	47,0	53,0	47,5	52,5
24. Новгородская	91,6	47,7	52,3	48,8	51,2
25. Олонецкая	91,8	47,1	52,9	48,8	51,9
26. Орловская	90,3	48,4	51,6	47,3	52,7
27. Пензенская	96,1	47,9	52,1	47,7	52,3

Продолжение таблицы I

I	2	3	4	5	6
28. Пермская	95,2	18,1	51,9	58,8	51,2
29. Подольская	80,8	50,1	49,9	50,0	49,9
30. Полтавская	88,5	49,7	50,3	48,9	51,1
31. Псковская	91,4	48,1	51,9	48,3	51,7
32. Рязанская	93,2	46,8	53,2	45,7	54,3
33. Самарская	92,7	49,2	50,8	48,9	51,1
34. С.-Петербургская	68,4	55,8	44,2	47,9	52,1
35. Саратовская	89,1	48,9	51,1	48,7	51,3
36. Симбирская	94,2	47,8	52,2	48,7	51,3
37. Смоленская	81,0	47,2	52,8	47,8	52,2
38. Таврическая	77,6	52,8	47,2	50,4	49,6
39. Тамбовская	93,7	48,5	51,5	47,8	52,2
40. Тверская	92,8	44,9	55,1	45,2	54,8
41. Тульская	89,7	46,9	53,1	45,0	54,9
42. Уфимская	94,7	49,7	50,3	49,1	50,9
43. Харьковская	90,8	50,3	49,7	49,0	50,9
44. Херсонская	67,5	51,9	48,1	49,9	50,1
45. Черниговская	87,2	48,9	51,1	48,7	51,3
46. Эстляндская	89,1	49,2	50,8	49,7	50,3
47. Ярославская	88,1	42,8	57,2	45,2	54,8

все более и более типичными. Повышение здесь доли крестьянства, естественно, сопровождалось понижением доли других сословий, однако это не было свидетельством большей патриархальности или отсутствия оттока крестьян в города. Речь идет лишь о сословной принадлежности к крестьянству, а не о занятиях крестьян.

В этом смысле, бесспорно, представляют интерес данные о лицах сельского состояния находившихся на момент переписи в городах. Они свидетельствуют об одной из сторон раскрестьянивания деревни: перекачки трудовых ресурсов в город (рис. I). Абсолютными лидерами были столичные губернии, в которых половина или даже более половины всех крестьян проживало в городах. Конечно, в основном это достига-

лось за счет притока в промышленные центры крестьян других губерний. Так, в Петербургской губернии меньшая часть всех зарегистрированных переписью крестьян была приписана к волостям собственно этой губернии. Среди прочих регионов, в которых существенным был отток лиц сельского состояния в города, выделяются три прибалтийские, а также плуноукраинские губернии. Правда, даже внутри двух этих районов степень указанного явления заметно варьировалась. Если в Лифляндии каждый пятый крестьянин к XX веку уже стал или полностью, или почти городанином, то в Эстляндии таковым был лишь каждый седьмой, а в Харьковской и Таврической губерниях — каждый десятый. Даже в таких "крестьянских" губерниях как Орловская, Курская, Тамбовская, Рязанская, Владимирская, Пензенская более 5% всех лиц сельского состояния проживала в городах. Учитывая, что город притягивал главным образом трудоспособное население, из деревни здесь уходило минимум 10—15% крестьян в рабочем возрасте. Лишь в Приуралье, северных и западных областях внутригубернский отход крестьян в города, судя по рис. I, был наименьшим. По всей видимости, в поисках заработка крестьяне окраинных губерний предпочитали уходить в промышленные центры, так как на местах работу в городе могли найти из них только 2—3%.

О влиянии отхожих промыслов на уровень грамотности крестьянства существует довольно обширная литература, и поэтому нет смысла останавливаться на этом подробно. Ниже мы рассмотрим, насколько лживой была такая зависимость. Сейчас же укажем лишь, что некоторые сведения о внедеревенских промыслах крестьян можно почерпнуть и из имеющейся в публикациях переписи 1897 г. характеристики половозрастного состава лиц сельского состояния. Так, например, в Петербургской губернии среди крестьян мужчин было на 11,5% больше, чем женщин, в то время как в сельском населении их доля уже составляла лишь 47,7% (против 52,3% крестьянок). Схожая картина характерна и для Московской губернии. В целом же в Европейской России соотношение среди крестьян мужчин и женщин в большинстве губерний было в пользу последних (табл. I). Причем в Костромской, Ярославской, Твер-

ской, Владимирской, Калужской и ряде других центральных губерний преобладание женщин было довольно весомым. Однако существовал и противоположный полюс: в южных (Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Бессарабской губ.) и западных (Гродненской, Волынской губ.) районах наблюдалось незначительное превышение мужского крестьянского населения над женским как в целом по губернии, так и только в сельской местности. Указанные региональные различия в половом составе крестьянства не были результатом одних демографических факторов. Не меньшую роль играли и факторы экономические, в частности, влиявшие на характер промышленной деятельности крестьян. Так, среди женатых и замужних лиц сельского состояния численность женщин и мужчин не совпадала ни в одной губернии. По Европейской России эта разница достигала 953975 человек, или 3,4% всех крестьян, состоявших в браке и проживавших вне городов. Ясно, что эти "исчезнувшие" партнеры не могли быть учтены как холостые или вдовы. Можно было бы, конечно, отнести это на счет не раз встречавшихся при проведении демографических переписей неточностей. Ведь, например, по переписи населения 1970 г. также замужих женщин было больше, чем женатых мужчин: систематическая ошибка возникла из-за погрешностей в ответах в результате различной оценки своего семейного положения мужчинами и женщинами. Но в нашем случае для ряда губерний, как следует из таблицы I, характерна была прямо противоположная ситуация. Поэтому, скорее всего, несовпадения в семейных парах объясняются тем, что некоторые партнеры просто не были зарегистрированы переписчиками по месту проживания их семей. Таким образом учитываются все случаи ухода в город или другую губернию на промыслы одного из супругов — сведения, фиксация которых, кстати, не входила в задачи разработчиков переписи.

Примерное равенство мужчин и женщин, состоящих в браке, наблюдалось в Подольской, Херсонской, Бессарабской губ. Небольшая разница в численности между полами среди семейных отмечается и в других регионах. Не следует расценивать это обязательно как свидетельство отсутствия здесь в зимнее время года (а именно тогда проводилась перепись)

всякой промысловой деятельности крестьян, но скорее как предпосылку внедеревенским отхожим промыслам иных видов заработка. Конечно, данные не исключают вероятности наличия в указанных губерниях тех или иных форм внедеревенского отхода, однако, как правило, он не приводил к длительному отрыву от семьи одного из супругов. Другое дело, губернии Центрально-промышленного района. В Тульской, Калужской, Московской, Ярославской, Владимирской и некоторых других губерниях разрыв между замужними и женатами среди крестьян достигал 10%. То есть почти в пятой части крестьянских семей, проживавших вне городов, мужчина-супруг находился вдали от родного дома: промышленное развитие городов определяло и степень распространения крестьянских отхожих промыслов.

В ряде южных и западных губерний женатых среди крестьян было немного больше, чем замужних, и, значит, женские отхожие промыслы превалировали в них над мужскими. В определенной мере это сказывалось и на соотношении мужчин и женщин в крестьянском населении деревни.

В публикациях переписи довольно подробно представлены сведения о грамотности крестьянства. Напомним, что этот показатель характеризует не собственно грамотность, а "чтимость" населения. Переписной лист требовал ответа на вопрос об умении читать и формах обучения. Причем, умеющими читать считались разбирающие печатные слова хотя бы по слогам.

Как известно, исчисление доли грамотных обычно проводится с учетом всего населения за исключением малолетних детей и глубоких стариков. Но предложенное публикаторами переписи распределение населения по десятилетним возрастным циклам (до 9 лет, 10-19 лет, 20-29 лет, ... свыше 60 лет) несколько затрудняет точное вычленение когорты, включавшей население в возрасте потенциально возможной грамотности. Обращаясь к данным о грамотности, исследователи обычно ограничивались возрастными группами от 10 лет и старше или же от 10 до 49 лет. Однако такой подход тоже не безупречен. Он, конечно, лучше, чем подсчет грамотных во всем населении, но возможен и последний. Просто в таких случаях примерно 75% грамотных в населении считается рубежом всеобщей гра-

лотности. В своем анализе мы остановились именно на этом наиболее простом методе определения доли грамотных, так как приемлемость его для региональных сопоставлений не вызывает сомнений.

Рис. 2 демонстрирует распределение губерний в зависимости от доли грамотных среди крестьян в уездах. Вне всякой конкуренции находились прибалтийские, затем столичные, центрально-промышленные губернии и т.д. Причем за исключением Псковской губ., фактически окруженной наиболее "грамотными" регионами, переход к другим с наименее грамотным крестьянством был не резким, а постепенным. То есть центры крестьянской грамотности были окружены также относительно "грамотными" губерниями, и по уровню грамотности крестьянства Европейской России выделялись целые области намного шире территорий отдельных губерний.

Более обобщенная картина грамотности крестьянства Европейской России была получена в результате факторного анализа данных переписи 1897 г. На основе 15 показателей опубликованных сводок было выделено 18 относительных признаков (указаны в табл. 2), определяющих в основном демографическую структуру крестьянства. Среди показателей с преимущественно социально-экономической направленностью следует обратить внимание на данные об общей численности (вместе с членами семей) занятых сельским хозяйством. В материалах переписи содержатся обширные сведения о распределении населения по основным занятиям. Причем к сельскому хозяйству составителями публикаций были отнесены земледелие в различных его проявлениях, пчеловодство и шелководство, животноводство, лесоводство и лесные промыслы, рыболовство и охота. Далеко не все из перечисленного является типично крестьянским занятием. Поэтому из группы населения, занятого сельским хозяйством, на наш взгляд, правомерно было исключение охотников, рыболовов, китобоев, ловцов жемчуга и т.п., а также занимавшихся лесоводством, заготовкой леса, производством древесного угля, дегтя, смолы, сбором ягод и грибов. Таким образом, группу занятых сельским хозяйством составили земледельцы, пчеловоды, шелководы и животноводы.

Конечно, полностью все же не удалось избежать некоторой условности, так как, например, в животноводство было включено заводское и косячное коневодство, хотя в остальном эта группа получилась достаточно "чистой".

Однако доля занятых сельским хозяйством отнюдь не столь однозначный параметр, как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, он не ограничивается лишь крестьянством и сельским населением вообще. Во-вторых, включает так называемых "самостоятельных" и членов их семей вне зависимости от реальных сфер занятости последних. Ведь при разработке материалов переписи к самостоятельному населению были отнесены лишь главы хозяйств, а члены семей — к лицам, живущим за счет средств хозяина, в то время как их участие в том или ином производстве могло быть отнюдь не меньшим. В итоге по публикациям переписи невозможно указать численность фактически участвовавших в определенном занятии. Не случайно поэтому, в отличие от относительно небольших колебаний по губерниям доли крестьян в сельском населении, амплитуда разброса доли занятых сельскохозяйственным производством была значительной: процент варьировался примерно от 25 (Петербургская, Московская губ.) до 90 (Вологодская, Вятская, Воронежская губ.).

По 47 губерниям Европейской России были получены коэффициенты корреляции каждого из 18 показателей с каждым. Корреляционный анализ является простейшим статистическим методом учета тесноты взаимосвязи факторов. В реальной исторической действительности один из элементов объекта всегда связан не только с каким-либо другим, а с множеством их. Причем это взаимодействие может быть столь скрытым и опосредованным, что уловить его без специального методического инструментария, каким, например, может служить метод корреляционного анализа, нельзя. Корреляционная зависимость как проявление закона всеобщей связи явлений возникает, в отличие от функциональной, тогда, когда признак зависит не только от данного второго, но и от ряда других меняющихся условий или же оба зависят от условий, общих для них обоих. Количественный показатель такой зависимости — коэффициент

корреляции – может принимать значения в интервале от -1 до $+1$. Чем ближе величина коэффициента к его предельным значениям, тем больше теснота взаимосвязи между признаками. Нулевое значение говорит об отсутствии всякой линейной связи, положительное – о прямой, отрицательное – об обратной зависимости.

На рис.3 обозначены графы наиболее тесно взаимосвязанных признаков. При заданном пороге, когда рассматривались только коэффициенты, равные 0,8 и выше, были получены четыре графы: грамотности, сословно-социальной принадлежности, семейного положения и полового состава крестьян. Если же снизить порог до 0,6, то количество графов сокращается. В единый граф объединяются сословная принадлежность и семейное состояние крестьян. Кроме того, граф грамотности пополняется данными о крестьянах в рабочем возрасте, что отражает преимущественную принадлежность грамотных к данной возрастной группе.

Оба из предложенных порога значимости коэффициентов корреляции имеют право на существование. Взаимосвязи параметров свидетельствуют о линейной зависимости соответственно в $2/3$ или $1/3$ случаев.

Уже судя по матрице корреляции, из всех 18 относительных показателей выделяется примерно четыре фактора. Это подтверждает автоматическая классификация признаков и губерний, проведенная с помощью метода экстремальной группировки параметров. Суть этого метода многомерного количественного анализа заключается в том, что при обработке матрицы коэффициентов корреляции выявляются самые взаимосвязанные между собой относительные признаки. Появление взаимосвязанной группы признаков есть результат того, что они испытали влияние некой общей скрытой причины – фактора. Сначала ЭВМ произвольно разбивает показатели на число заданных исследователем групп (факторов). А затем каждый из признаков переводится в каждую из групп до получения оптимального результата: наибольшей суммы абсолютных значений коэффициентов корреляции признаков, входящих в данный фактор, с ним самим. Фактор представляет собой не просто

конгломерат ряда характеристик, но новый, интегральный показатель, отражающий те скрытые причины, которые обуславливают взаимную близость одних признаков и отдаленность их от других. Итогом факторного анализа и, в частности, метода экстремальной группировки является получение факторных нагрузок (коэффициентов корреляции исходных показателей с полученными факторами) и факторных весов. Факторные веса — это индексы, характеризующие степень проявления свойств данного фактора в каждом из объектов. Нулевое значение свидетельствует о среднем проявлении фактора в объекте. Положительное или отрицательное — соответственно о большем или меньшем средней. Таким образом, вместо десятков параметров, отражающих самые различные стороны каждого объекта изучаемой совокупности, выводятся количественные показатели, обобщенные индексы уровня его развития, благодаря которым становится возможной многомерная типологическая классификация этих объектов, группировка их с помощью ЭВМ.

В табл. 2 (однофакторная модель) представлены коэффициенты корреляции каждого из признаков с одним фактором, объединяющим все их в своего рода агрегированный показатель. Как и рис. 3, таблица 2 показывает, что неоднородность включенных в него признаков не позволяет получить и сколько-нибудь единого обобщенного показателя. Кажущаяся близость сведений о крестьянстве, содержащихся в публикациях переписи 1897 г., на поверку оказалась далекой от действительности. И возраст, и пол, и семейное положение, а также грамотность и сословно-социальная принадлежность слабо коррелировали между собой. Именно это обстоятельство, видимо, повлияло на то, что данные переписи о крестьянстве в комплексе практически историками не использовались. В научный оборот включались лишь отдельные блоки признаков для иллюстрации тех или иных сторон жизни этой категории населения.

Механически соединив в одном факторе указанные выше сведения, мы фактически получили вместо интегрального показателя некий эклектический. Автоматическая группировка

Таблица 2

Факторная характеристика крестьянства Европейской России
по данным переписи населения 1897 г. ^ж

Признаки	Факторные модели					
	I	2				
	I	I	2	3	4	5
1. Доля крестьян во всем населении	-36					-93
2. Доля мужчин среди крестьян в уездах	-II			-100		
3. Доля женщин среди крестьян в уездах	II			100		
4. Доля крестьян в уездах во всем населении	-59					-98
5. Доля крестьян в уездах во всем крестьянском населении	-6I					-96
6. Доля занятых сельским хозяйством во всем населении	-74					-96
7. Доля лиц сельского состояния, проживавших в уездах, во всем населении	-59					-98
Среди лиц сельского состояния, проживавших в уездах:						
3. Доля холостых и малолетних	30	97				
3. Доля состоящих в браке	-26	-97				

10. Доля лиц в рабочем возрасте	57	67
11. Доля грамотных среди лиц сельского хозяйства 20-59 лет, проживавших в уездах	96	99
12. Доля грамотных в рабочем возрасте среди всех грамотных лиц сельского хозяйства в уездах	59	61
Среди проживавших в уездах лиц сельского хозяйства:		
13. Доля неграмотных	-95	-99
14. Доля грамотных	95	99
15. Доля грамотных мужчин	94	98
16. Доля грамотных женщин	94	98
17. Доля грамотных мужчин среди мужского крестьянского населения уездов	93	97
18. Доля грамотных женщин среди женского крестьянского населения уездов	94	98
Среднее значение факторных нагрузок	64	91
Суммарная факторная нагрузка (в %)	63,5	96
	100	96

* Значения факторных нагрузок приведены без деления на 100.

параметров пошла не по пути обобщения и слияния признаков, а по пути выявления доминирующих в количественном отношении. Наиболее крупный блок данных – о грамотности крестьянства – подчинил себе в этом факторе все остальные. По сути перед нами весьма размытая (несмотря на то, что сумма факторных нагрузок, т.е. сумма абсолютных значений коэффициентов корреляции со своими факторами, составляла свыше 60% максимально возможной) однофакторная модель грамотности крестьян с элементами их социально-профессиональной структуры. Ведь сведения о половозрастном составе и семейном положении крестьян в этом факторе не несут скольконибудь существенной нагрузки.

Программа подсчета предполагала несколько вариантов построения факторных моделей. ЭВМ задавалось также выделение двух, трех, четырех и пяти факторов (пятифакторная модель приведена в табл.2). Причем во всех вариантах суммарная факторная нагрузка, возраставшая, естественно, с увеличением числа факторов, была достаточно высокой. Уже в двухфакторной модели она составляла около 80%. Однако достигалось это опять же за счет корреляции со своим фактором наиболее крупных блоков признаков. В то же время сведения, представленные двумя-тремя показателями, выпали из общей факторной структуры.

С переходом от четырех- к пятифакторной модели намечился уже незначительный рост суммарной факторной нагрузки – с 94,6% до 96%. Это свидетельствовало о стабилизации факторной структуры. Действительно, распределение признаков по факторам претерпело небольшие изменения. Если в четырехфакторной модели выделялись факторы семейного положения, грамотности, полового состава и сословно-социальной принадлежности, то в пятифакторной – первые три остались прежними и лишь из четвертого образовались два фактора, в которых среднее значение факторных нагрузок возросло с 0,91 до 0,96.

Итак, были получены следующие факторы: 1) семейного состояния, 2) грамотности, 3) полового состава, 4) сословно-социальной принадлежности, 5) социально-профессиональной

принадлежности или занятости в сельском хозяйстве (табл.2). Наряду с группировкой параметров была предусмотрена и классификация губерний по факторам.

По всем пяти факторам диапазон колебаний факторных весов, посчитанных для каждой губернии, был достаточно широким (в пределах ± 4), поэтому в принципе даже вручную группировка губерний не вызывает затруднений. Но больший интерес представляют результаты автоматической классификации, проведенной с помощью ЭВМ, при заранее заданном разбиении 47 губерний на 6 групп по каждому из факторов в отдельности⁶. Она позволяет проводить на совершенно ином уровне районирование Европейской России, некоторые подходы к которому были намечены выше.

Группировка губерний с помощью ЭВМ во всяком случае вносит весомый элемент объективности в определение границ между группами. Любопытно поэтому сравнить классификацию губерний Европейской России по фактору грамотности крестьянства (рис.4) с проведенной ранее – по доле грамотных среди лиц сельского состояния (рис.2). При сходном в целом положении наблюдаются и отличия, связанные с тем, что во втором случае учитывались помимо указанного еще восемь других показателей. Теперь более четко можно выделить регионы грамотности крестьянства, проживавшего вне городов. Фактически наряду с Прибалтикой и примыкавшими к ней северными белорусскими губерниями выделяется еще лишь один центр грамотности вокруг Ярославской губернии. Причем коррективы, внесенные автоматической классификацией губерний, показывают, что он не столь обширен (в отличие от рис.2 к самой многочисленной группе малограмотных отнесены Тульская и Рязанская губернии). В остальных же, расположенных широкой полосой с запада на восток, крестьянство почти полностью было неграмотным. Исключение составляли лишь несколько губерний. И то, что они были разрознены в общей массе сплошь неграмотных районов, свидетельствует скорее не об экономических, а об исторических причинах относительной грамотности проживавших в них крестьян. Например, в Самарской губернии грамотность лиц сельского состояния

определялась в первую очередь тем, что в среде удельных крестьян школы получили распространение еще в первой половине XIX в.

Сопоставление картограммы грамотности крестьянства с картограммами, созданными на основе классификации губерний Европейской России по другим полученным факторам, так же как и сравнение с косвенными сведениями о крестьянских отхожих промыслах, показывают отсутствие прямой зависимости уровня грамотности от какого-либо одного экономического или демографического признака. Грамотность крестьянства определялась целым комплексом причин, среди которых крайне трудно выделить приоритетные. Во всяком случае, по данным только переписи населения 1897 г., этого добиться не удалось. Источник позволяет констатировать лишь следствия, а не причины. Исходя из его анализа, на губернском уровне складывается вполне определенная картина. Грамотность среди крестьянства уездов в основном была характерна для северо-запада и северо-востока Европейской России. Крестьяне же центральной ее части, начиная от Белоруссии и до Приуралья, оставались почти поголовно неграмотными. И грамотность лиц сельского состояния не всегда находилась в прямой зависимости от близости крупных промышленных центров.

-
- 1 Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. М., 1951. Т.37. С.36-37, 48-49.
 - 2 Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. (Историко-статистические очерки). М., 1964. С.67-68.
 - 3 Улащик Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии. // История СССР, 1968. № 1. С.106.
 - 4 См.: Ненароков А.П. К вопросу об уровне грамотности народов России в предоктябрьский период. // Советская культура. История и современность. М., 1983.
 - 5 Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.161-165. Далее в тексте и таблицах приводятся цифровые данные, почерпнутые из отдельных погубернских выпусков следующей публикации: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899-1905.

6 Отличия пяти факторов столь существенны, что предпринимаемая попытка группировки губерний с учетом одновременно нескольких из них закончилась выделением 47 групп. То есть каждая губерния, исходя из всего комплекса анализируемых данных, настолько непохожа на все прочие, что не могла быть объединена ни с одной другой. В этом смысле с целью получения блоков объектов по большому количеству факторов используют обычно иную методику многомерного анализа — кластерный анализ.

Группы губерний

В городах находилось лиц сельского состояния:

1		от 38 до 59% (всех лиц сельск.сост. в губернии)
2		от 13 до 20%
3		от 9 до 11%
4		от 6 до 8%
5		от 4 до 5%
6		3% и менее

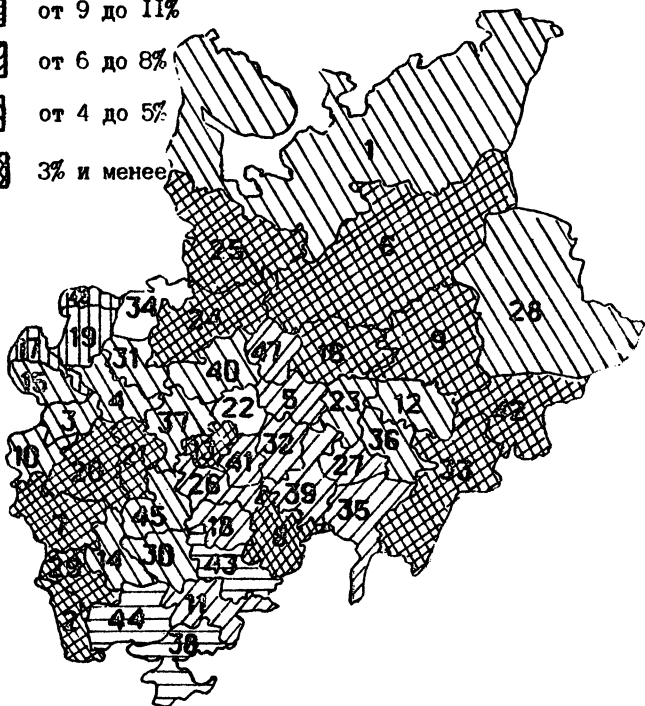

Рис. I. Численность лиц сельского состояния в городах
28 января 1897 г.

Соответствующие номерам названия губерний приведены в табл. I.

Группы
губерний

Доля грамотных среди лиц сельского состояния,
проживавших вне городов:

1		от 75 до 80%
2		от 25 до 45%
3		от 20 до 25%
4		от 15 до 20%
5		менее 15%

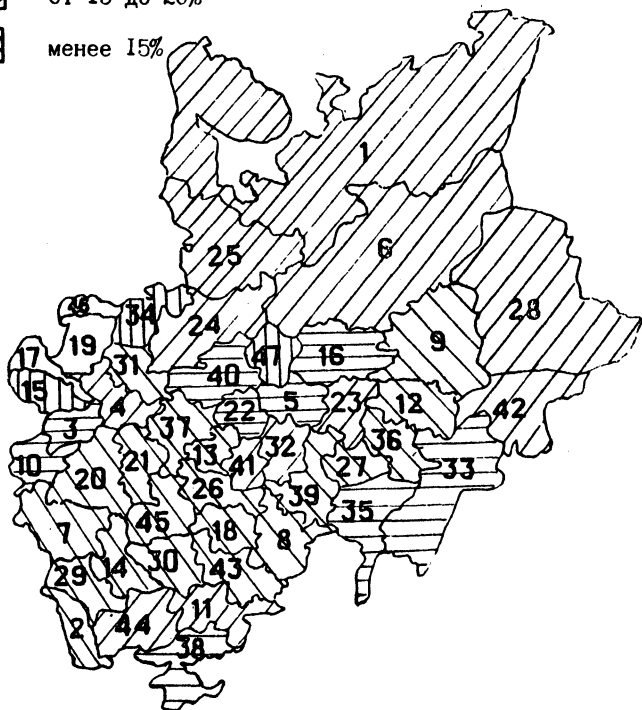

Рис. 2. Грамотность крестьянства Европейской России по
данным переписи населения 1897 г.

Соответствующие номерам названия губерний приведены в табл.1

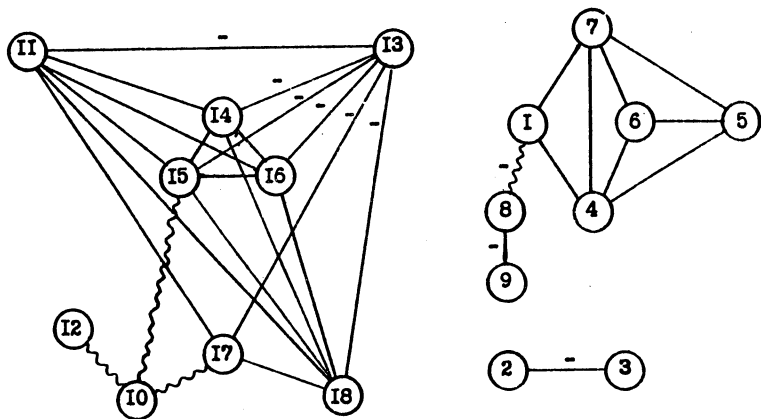

Рис. 3. Взаимосвязи показателей, характеризующих крестьянское население Европейской России (по данным переписи 1897 г.)

Номера показателей соответствуют названиям в табл. 2. Корреляционные связи в пределах 0,6-0,8 отмечены волнистой линией, свыше 0,8 - прямой. Отрицательные взаимосвязи указаны знаком "-".

Группы губерний

1 с наибольшим влиянием фактора

2

3

4

5

6 с наименьшим влиянием фактора

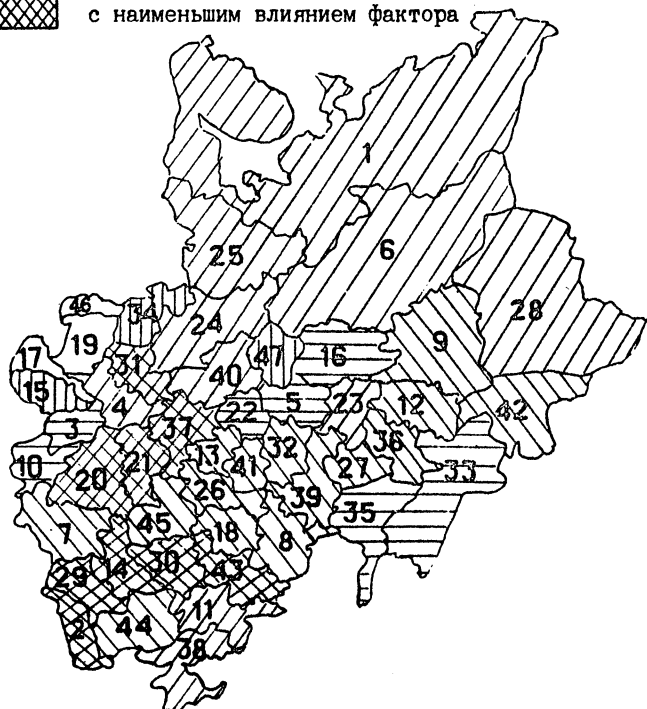

Рис. 4. Классификация губерний Европейской России по фактору грамотности крестьянства.

Соответствующие номерам названия губерний приведены в табл. I.

Ю. Я. Рыбаков

ЗАКОН ОБ ИЗМЕНЕНИИ РЕГЛАМЕНТАЦИЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО
ТРУДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЖЕНЩИН
от 24 апреля 1890 г.

При изучении фабрично-заводского законодательства России 80-х годов в центре внимания обычно оказывались законы "О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах" от 1 июня 1882 г., "О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции" от 12 июня 1884 г., "О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах" от 3 июня 1885 г., "О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих" от 3 июня 1886 г. Другие акты, как закон "О взысканиях за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, мануфактурах и в ремесленных заведениях" от 5 июня 1884 г. или закон "Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения" от 24 апреля 1890 г. — характеризуются более кратко, с упоминанием отдельных норм или вообще не рассматриваются¹. Недостаточный исследовательский интерес к закону от 5 июня 1884 г. объясним — данный акт не вносил существенных изменений в действовавшую систему взысканий за нарушения в использовании труда несовершеннолетних рабочих. Сущность же закона от 24 апреля 1890 г. заслуживает, на наш взгляд, большего исследовательского внимания. Установлению происхождения и содержания этого закона и посвящено настоящее сообщение.

Перечислим важнейшие нормы фабрично-заводских актов 80-х годов по регламентации труда несовершеннолетних рабочих и женщин, а также обучению малолетних рабочих:

Закон от 1 июня 1882 г. — запрещение работы детей до 12 лет, рабочий день не свыше 8 часов с перерывом не более как через 4 часа для 12-15-летних рабочих, запрещение до 15 лет работы в ночное время, в воскресные дни и праздники, не менее 3 часов в день на учебу

ные дни и праздники, не менее 3 часов в день на учебу малолетних рабочих, создание фабричной инспекции для надзора за выполнением закона².

Закон от 5 июня 1884 г. — арест сроком до одного месяца или денежный штраф до 100 руб. за нарушение правил о работе и обучении малолетних рабочих³.

Закон от 12 июня 1884 г. — разрешение 6-часовой непрерывной работы для 12-15-летних рабочих, расширение численности фабричной инспекции и территории ее деятельности⁴.

Закон от 3 июня 1885 г. — временное запрещение для женщин и подростков до 17 лет ночной работы на хлопчатобумажных, полотняных и шерстопрядильных предприятиях⁵.

Издание этих актов являлось мерами "государственного попечения" в отношении рабочих, следствием усиления стачечной борьбы, фактором, направленным на предотвращение распространения социалистических идей в стране⁶.

Общей чертой этих законодательных мер являлась всевозможная регламентация их введения и действия. Так, закон от 1 июня 1882 г. должен был вступать в силу с 1 мая 1883 г., т.е. через год после принятия, а в первые два года "в случае надобности" допускался детский труд с 10 лет и ночная работа для 12-15-летних рабочих. Затем по просьбе Московского отделения совета торговли и мануфактур и Московского биржевого комитета, поддержанной министром финансов Н.Х.Бунге и одобренной Государственным советом, Александр III утвердил отсрочку начала применения этого закона еще на один год⁷.

Проект закона от 24 апреля 1890 г. был подготовлен в министерствах финансов и внутренних дел. Затем с совместным представлением министра финансов И.А.Вышнеградского и министра внутренних дел П.Н.Дурново он поступил в Государственный совет, где рассматривался в департаментах законов и государственной экономики и в общем собрании. Сведений о разработке законопроекта в ведомствах не обнаружено. Итоги же обсуждения в Государственном совете, отраженные в опубликованном отчете за 1890 г.⁸, свидетельствуют, что заключение двух министров предопределило

отношение к проекту в высшем законосовещательном учреждении России, мнение по нему в департаментах и в общем собрании.

В центре проекта и его рассмотрения были вопросы об использовании в фабрично-заводской работе детей от 10 до 12 лет, о допуске к работе 12-14-летних детей и 15-17-летних подростков, о труде женщин, о 6-часовой непрерывной дневной работе рабочих до 15 лет и о распространении законодательных ограничений в применении труда несовершеннолетних рабочих на ремесленные заведения. Одной из задач законопроекта являлось продление ряда действовавших норм, расширение сферы их функционирования.

В представлении двух министров труд 10-11-летних рабочих истолковывался как вынужденная мера, продиктованная "единственно состраданием к участи сих детей, остающихся без крова и пищи". Их труд назывался не работой, а "занятиями", которые не имели какого-либо "вредного для их здоровья влияния", "Неизнурительность", "невредность для здоровья", "сиротство", "крайняя бедность родителей", "особые условия местной жизни" - вот мотивы, которыми обосновывалось использование в промышленных предприятиях труда до 12 лет. Все это подкреплялось общими ссылками на материалы фабричной инспекции. Новый закон должен был юридически санкционировать разрешение дневной работы рабочих от 10 до 12 лет, если они уже работали ко времени вступления его в силу.

В Государственном совете к запрещению работы на фабриках и заводах рабочих до 12-летнего возраста отнеслись в целом как к решенной проблеме. Констатировав, что на 1324 предприятиях, осмотренных фабричными инспекторами, насчитывалось всего 315 рабочих в возрасте до 12 лет, в департаментах законов и государственной экономии отметили: "...промышленность наша вовсе не нуждается в приложении труда малолетних в столь раннюю пору их жизни"⁹. Проверить, на каких данных основывались эти подсчеты, в настоящее время невозможно, поскольку годовые отчеты фабричных инспекторов к моменту разработки закона перестали

ли печататься, а архивные материалы фабричной инспекции в целом сохранились неполно. Ранее же опубликованные отчеты фабричных инспекторов хотя и говорили о сокращении общей численности малолетних рабочих в результате действия закона от 1 июня 1882 г., приводили и факты противодействия владельцев фабрик и заводов этому, а также случаи укрывательства ими несовершеннолетних рабочих¹⁰.

В обосновании законопроекта особо выделялись стеклянные предприятия, где запрещение ночной работы подростков принесло бы "существенный вред" отрасли и доходам владельцев. Выгоды владельцев учитывались и в Государственном совете при рассмотрении этого аспекта проекта: "Владелец стеклянного завода, который пожелал бы ограничить работу малолетних одним дневным временем, не мог бы это сделать без значительного ущерба для своих материальных интересов"¹¹, - говорилось в опубликованном отчете. Члены совета нашли, что 6-часовая непрерывная ночная работа 12-14-летних подростков на предприятиях, производивших изделия из стекла, необходима и правильна.

Двойственной была общая оценка ночного труда и проектировавшихся законодательных правил о нем. С одной стороны, И.А.Вышнеградский и П.Н.Дурново соглашались с неблагоприятным влиянием ночной работы на здоровье рабочих, отмечали сокращение работы в ночное время в результате действия закона от 3 июня 1885 г. С другой, считалось, что запрещению ночной работы не следует придавать абсолютное значение, она допустима "в случаях особо уважительных". (К ним отнесли выполнение усиленных заказов перед ярмарками, предшествовавшие остановки предприятия "из-за несчастья"). В отчете ничего не сообщалось о возражениях совета в отношении допуска к ночной работе подростков и женщин.

В совете не было возражений на предложение о предоставлении губернским присутствиям по фабричным делам, министрам финансов и внутренних дел права допуска 12-14-летних подростков к 9-часовой смене при двухсменной работе предприятия по 18 часов в сутки, а также о едином расписа-

нии нерабочих дней для взрослых и несовершеннолетних. При рассмотрении же вопроса о ночной работе в совете предложили решать его не на уровне министерств, а в губернских инстанциях - в присутствиях по фабричным делам или у губернаторов, чтобы не возникло "нежелательное замедление в течении дел".

Некоторые разногласия выявились при трактовке границ ночного рабочего времени. Министерства определяли ночное время с 10 часов вечера до 4 часов утра. В Государственном совете первоначально предлагали оставить действовавшую трактовку ночной работы - между 9 часами вечера и 5 часами утра, но не возражали и против того, чтобы сократить ее на два часа. В итоге в одобренный советом законопроект вошли статьи с различными формулировками. В одной из них говорилось о том, что к работе между 9 часами вечера и 5 часами утра не должны допускаться подростки от 15 до 17 лет и женщины на хлопчатобумажных, полотняных, шерстяных, льнопрядильных, льнотрепальных заведениях и при производстве смешанных тканей. В другой статье предлагалось считать ночным временем на предприятиях с 18-часовой двухсменной работой период от 10 часов вечера до 4 часов утра - в эти часы не допускались к работе малолетние до 15 лет, подростки от 15 до 17 лет и женщины. Если принять во внимание также общее право для присутствий по фабричным делам или губернаторов о допуске к работе в ночное время, особые правила в использовании труда малолетних рабочих в ночное время в стеклянном производстве, то можно заключить, что законопроект предоставлял большую свободу в обосновании предпринимателями ночной работы на своих предприятиях.

Законопроект сохранял существовавшие формы взысканий с владельцев предприятий или фабричной администрации за нарушение правил в использовании труда детей, подростков и женщин - арест сроком до одного месяца или денежное взыскание до 100 руб. Эти меры содержались в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. В Государственном совете поддержали такое предложение, но рекомендовали несколько изменить редакцию соответствующей статьи Уложения.

Новая формулировка I404 статьи отличалась от действовавшей более широким перечнем предприятий, в том числе и ремесленных, на которые должны были распространяться эти нормы.

Закон должен был вступать в силу сразу после обнародования, а не I октября 1890 г., как предполагалось вначале. Поэтому Министерству финансов нужно было информировать владельцев предприятий о новых нормах до наступления очередного срока найма.

На основании отчета Государственного совета можно сделать вывод о том, что на всех уровнях этой законосовещательной инстанции были одобрены все основные предложения Министерства финансов и Министерства внутренних дел в отношении действовавшего законодательства о труде детей, подростков и женщин на фабриках и заводах. В новом акте, ставшем законом 24 апреля 1890 г., можно выделить следующие нормы о фабрично-заводском найме и труде:

1) Разрешение на дневной труд детей до 12 лет, уже работавших на промышленных предприятиях;

2) подтверждение права на 6-часовую непрерывную работу для рабочих от 12 до 15 лет и на допуск таких рабочих к работе в воскресные и праздничные дни вместе со взрослыми рабочими;

3) 9-часовая сменная работа рабочих до 15 лет на предприятиях с двухсменным режимом работы в сутки;

4) трактовка ночной работы для несовершеннолетних рабочих и женщин, исходя из специфики отрасли производства и с разрешением этого вопроса впредь губернскими или министерскими мерами, а не законодательным путем;

5) особые правила работы в стеклянном производстве.

Казалось бы, что в своей проблематике закон не поднимал новые правовые аспекты, объединил нормы, затронутые рядом узаконений 1882-1885 гг. Общий спектр проблематики данного закона был довольно широким. Из законодательных актов 80-х годов по рабочему вопросу закон от 24 апреля 1890 г. не инкорпорировал нормы закона "О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях

фабрикантов и рабочих" от 3 июня 1886 г., который В.И. Ленин относил к числу главных фабричных законов в России¹². Но этот закон затрагивал более общие аспекты фабричного найма, обязательства нанимавшихся и нанимателей, условия заключения и прекращения договора найма, меры наказания рабочего за неисправную работу, прогул, за "нарушение порядка", расширял систему органов надзора за фабрично-заводскими заведениями и др. О труде малолетних рабочих и женщин в нем говорилось только в связи с постановкой общих проблем найма. Так, в примечании к первой статье отмечалось: "Наем малолетних в заведения фабричной промышленности и надзор за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих определяются особо изданными на сей предмет правилами"¹³. При перечислении функций фабричной инспекции специально оговаривалось, что они возлагаются на нее "независимо от обязанностей по надзору за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих"¹⁴.

Органическая связь закона от 24 апреля 1890 г. с рабочим законодательством 1882-1885 гг. о труде несовершеннолетних рабочих и женщин прослеживается не только в проблематике, но и в способе выражения в правовых нормах различных правил, в казуистских формулировках отдельных статей. Особые обстоятельства, различного рода ограничения и допуски, исключения из правил во времени и территории распространение тех или иных норм, в охвате ими производств и в ведомственной принадлежности предприятий, свойственные прежним фабрично-заводским законам, не исчезли и в законе от 24 апреля 1890 г. Его статьи пронизывали оговорки в трактовке и использовании труда несовершеннолетних рабочих и женщин.

Устраняя кратковременный характер действия отдельных норм предшествующего законодательства, он сам утверждал некоторые правила в виде временной меры. Так, правила о работе и обучении малолетних рабочих, принятые для фабрично-заводских предприятий, распространялись на ремесленные заведения только на три года, причем лишь на те, "к которым применение оных признано будет полезным"¹⁵.

Отметим, что возможность такого распространения в аналогичной трактовке предусматривалась законом от 1 июня 1882 г.¹⁶ (Опытный срок действия этого положения первоначально имел два года).

На протяжении 80-х годов оно было реализовано соглашением министров финансов и внутренних дел в отношении пекарен, булочных, овчинных и шубных заведений, типографий и брошюровочных мастерских¹⁷. Для более широкого решения вопроса фабричная инспекция должна была собрать и обобщить сведения о положении дел в различных ремесленных заведениях. Это пожелание закона осталось невыполненным, да и не могло быть выполненным за столь короткий срок фабричной инспекцией без привлечения дополнительных сил. Поэтому хотя в названии закона от 24 апреля 1890 г. говорилось о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения, в его тексте сохранился опытный характер таких правил, чтобы по истечении трех лет получить "окончательное заключение" по данному вопросу¹⁸.

Спустя три года никаких окончательных правил также не появилось, поэтому действие их по представлениям министерств финансов и внутренних дел несколько раз продлевалось¹⁹. Лишь в октябре 1897 г., когда заканчивался очередной срок продления, нового представления об этом не последовало. Более того, министр финансов С.Ю.Витте и министр внутренних дел И.Д.Горемыкин поставили перед Николаем II вопрос об отсрочке в отношении ремесленных мастерских действия закона от 24 апреля 1890 г. Единственным аргументом для этого ими выдвигался предполагавшийся пересмотр общего сословного ремесленного управления²⁰.

23 января 1898 г. данная просьба была одобрена царем²¹. Тем самым взаимодействие министерств финансов и внутренних дел в правовом регулировании условий труда и найма не закончилось разработкой очередного узаконения, оно предусматривалось и законом от 24 апреля 1890 г., продолжалось и в процессе его осуществления.

Но данный акт отличался не только унификацией действовавшего права о работе несовершеннолетних и женщин

и продлении временных ограничений ранее принятых норм. Разработка и принятие закона от 24 апреля 1890 г. явилось фронтальной корректировкой целого направления рабочего законодательства. В его статьях, учитывая все обстоятельства их применения, интересы владельцев предприятий выступали более явственно и последовательно, чем в актах 1882-1885 гг. В то же время в нем нельзя выделить ни одной статьи, ни одной оговорки, принятой в изменение действовавших норм и правил, содержание которых можно было бы расценить как дополнительную уступку рабочим. По основным нормам, будь то регламентация труда малолетних рабочих до 12 лет, работы подростков и женщин, в трактовке ночного времени, систематически ущемлялись интересы рабочих. Добавим к этому, что различные исключения из общих правил, неоднозначные формулировки по одним и тем же правовым аспектам, сохранившиеся в законе, позволяли произвольно трактовать и обосновывать ряд требований по применению наемного труда в промышленных предприятиях.

В тексте закона умалчивалась подоплека утверждавшихся им норм, действия сил по реализации в официальном праве своих интересов. В материалах опубликованного отчета Государственного совета законодательная инициатива ограничивалась рамками существовавшей административно-бюрократической системы, как проявление ее действий. Эпизодические упоминания об инициативе скорее выступают в виде поддержки предпринимателями отдельных положений уже подготовленного проекта, представленного министрами финансов и внутренних дел. Так, при обосновании права на 6-часовую непрерывную работу для 12-14-летних рабочих и в новой, более сокращенной трактовке ночного времени говорилось о поддержке этого владельцами фабрик.

Однако в целом, материалы опубликованных отчетов Государственного совета за другие годы, а также хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы фонды Московского отделения совета торговли и мануфактур - совещательного учреждения при Министерстве финансов, Московского биржевого комитета - общественного органа

московской буржуазии дают представление об отношении буржуазных кругов к проектировавшимся узаконениям и к утвержденным актам 80-х годов по рабочему вопросу. Например, в записке Московского биржевого комитета, направленной в Министерство финансов по законопроекту о работе малолетних на фабриках и заводах и об устройстве фабричных школ, — будущем законе от 1 июня 1882 г., — предложение об ограничении труда малолетних рабочих расценивалось как совершенное уничтожение труда 12-14-летних в дневное и ночное время²². Вскоре после утверждения закона Московский биржевой комитет и Московское отделение совета торговли и мануфактур в ходатайстве на имя министра финансов Н.Х. Бунге просили о дополнительной отсрочке введения его в жизнь, что и было удовлетворено²³.

В Московском биржевом комитете отрицательно отозвались об обязанности фабрикантов и заводчиков устраивать школы при своих предприятиях, выступили за изменение возрастного критерия на право рабочего самому распоряжаться своим трудом (17-летний возраст для этого здесь посчитали "чрезмерно высоким")²⁴.

В 1884 г. Московское отделение совета торговли и мануфактур от имени фабрикантов и заводчиков всего Центрального промышленного района решительно возражало против предложения владельцев бумагопрядильных, ткацких и ситценабивных фабрик Петербургской губернии в условиях спада производства и трудностей со сбытом временно запретить ночную работу женщинам и несовершеннолетним рабочим²⁵.

Однако недовольство действовавшим законодательством высказывали и петербургские капиталисты. В том же 1884 г. они обратились через главного инспектора над фабриками и заводами к министру финансов с просьбой изменить ограничения законом от 1 июня 1882 г. работы 12-14-летних рабочих 8 часами в сутки при не более чем 4 часов работы без перерыва. Предлагалось разрешить рабочим в возрасте от 12 до 15 лет 6-часовую непрерывную работу. Н.Х. Бунге назвал эти ходатайства "заслуживающими внимания"²⁶.

Таким образом, недовольство фабрикантами и заводчиками

проектировавшимися или утвержденными в 80-х годах узаконениями по рабочему вопросу, отстаивание ими права распоряжаться рабочими на своих предприятиях по своему усмотрению широкое явление в отношении капиталистов к официальным регламентам наемного труда тех лет.

В такой связи нормы закона от 24 апреля 1890 г. выступают как свидетельство удовлетворения пожеланий российского промышленного предпринимательства. Используя ленинскую оценку закона о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и установлении праздничных дней для рабочих от 2 июня 1897 г., следует рассматривать и закон от 24 апреля 1890 г. как пример защиты государственными правовыми постановлениями интересов "самых прижимистых фабрикантов"²⁷.

Анализируя фабрично-заводское законодательство 80-х годов в совокупности отдельных норм, мы видим, сколь ограниченной и непоследовательной была политика так называемого "государственного попечения" в рабочем вопросе, выраженная в ряде узаконений тех лет.

Являясь определенным итоговым актом в правовой политике 80-х годов XIX в. по рабочему вопросу, рассматриваемый закон одновременно выступал как контрмера по отношению к прежним законам о применении в промышленности России труда несовершеннолетних рабочих и женщин. Правительство предприняло этот шаг в период, когда продолжавшееся рабочее движение носило в целом характер стихийного неорганизованного возмущения²⁸. После Морозовской стачки 1885 г. новых значительных импульсов для разработки рабочего законодательства, требовавших каких-то уступок рабочим, не было. В этих условиях законопроект Министерства финансов и Министерства внутренних дел с корректировкой действовавшего законодательства в интересах фабрикантов без каких-либо особых бюрократических проволочек был одобрен в Государственном совете и без шума со стороны официальной прессы стал новым законом. Тем самым отдельные фабрично-заводские законодательные акты, призванные регламентировать фабрично-заводской труд, оставались отражением общего уровня рабочего движения в стране.

- I Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900 (2-е изд. СПб., 1904); Балицкий Г. Фабричное законодательство в России. М., 1906; Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882-1906. Киев, 1906; Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909; Лунц М.Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. Сборник статей. М., 1909; Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Изд. 2-е доп. Л., 1925. Т.2; Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. М., 1926. Ч.1-III; Шельмагин И.И. Фабрично-заводское законодательство в России. 2-я половина XIX в. М., 1947; Лаврычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917). М., 1972; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981, и др.
- 2 ПСЗ-Ш. Т.2. № 931. С.265-266.
- 3 ПСЗ-Ш. Т.4. № 2286. С.342-343.
- 4 Там же. № 2316. С.365-368.
- 5 ПСЗ. Т.5. № 3013. С.261.
- 6 См. Записку Н.Х.Бунге Александру II "О финансовом положении России" от 20 октября 1880 г. // "Исторический архив". 1960. № 2. С.136 (публикация А.П.Погребинского).
- 7 Отчет по Государственному совету за 1883 год. СПб., 1884. С.169.
- 8 Отчет по Государственному совету за 1890 год. СПб., 1891. С.341-363.
- 9 Там же. С.352.
- 10 Отчет за 1885 год фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова. СПб., 1886; Отчет за 1885 год фабричного инспектора Казанского округа А.В.Шидловского. СПб., 1886; Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Московского округа профессора И.И.Янжула. СПб., 1886 и др.
- II Отчет по Государственному совету за 1890 г. С.344.
- 12 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.2. С.270.
- 13 ПСЗ-Ш. Т.6. № 3769. С.262-263.
- 14 Там же. С.267.
- 15 ПСЗ-Ш. Т.10. № 6742. С.310.
- 16 ПСЗ-Ш. Т.2. № 931. С.266.
- 17 Отчет по Государственному совету за 1890 г. С.348.
- 18 ПСЗ-Ш. Т.10. № 6742. С.310.
- 19 ЦГИА СССР. Ф.40. Оп.1. Д.42. Л.62-62 об.; Д.45. Л.78-79 об.; Д.46. Л.152-153.

- 20 Там же. Д.50. Л.19.
- 21 Там же. Л.20.
- 22 ЦГА г.Москвы. Ф.143. Оп.1. Д.34. Л.68-74.
- 23 ЦГА г.Москвы. Ф.616. Оп.1. Д.19. Л.74-75.
- 24 ЦГА г.Москвы. Ф.143. Оп.1. Д.34. Л.81-83; Ф.616. Оп.1. Д.19. Л.74-75.
- 25 ЦГА г.Москвы. Ф.616. Оп.1. Д.19. Л.159.
- 26 Отчет по Государственному совету за 1884 год. СПб., 1886. С.306-312.
- 27 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.2. С.275.
- 28 Рабочее движение в России в XIX в. Сборник документов и материалов. М., 1952. Т.Ш. Ч.1-2.

ИЗ ИСТОРИИ РАБОТЫ РУССКИХ ИСТОРИКОВ В АРХИВАХ
(конец XIX - начало XX в.)

Одной из важных задач исторической науки всегда было выполнение эвристической функции, т.е. поиск, выявление и введение в научный оборот новой информации источников. При реализации этой функции существенную роль играет взаимодействие архивоведения, источниковедения и других исторических дисциплин, уровень развития которых непосредственно отражается на источниковой базе исторических исследований и методах ее изучения. В нашу задачу входит освещение вопроса об исследовании архивных источников русскими историками конца XIX - нач. XX в. В основу положены прежде всего материалы личных фондов, переписка, а также опубликованные работы ряда выдающихся представителей отечественной науки, принадлежавших главным образом к ведущему течению исторической мысли рассматриваемого периода. Среди них такие крупные ученые, как А.С.Лапш-Данилевский, В.И.Сергеевич, В.Н.Латкин, а также видные архивисты - Н.В.Калачов, А.А.Гоздаво-Голомбиевский, А.Н.Зерцалов. В документах личных фондов находим богатейший материал о работе с самыми разнообразными источниками. Они показывают какое место занимала работа с архивными источниками в общем объеме научной работы вообще (наряду, скажем, с созданием научных трудов, подготовкой и чтением лекций, работой в библиотеках). С другой стороны, весьма важным представляется вопрос о влиянии философских, методологических взглядов на работу с источниками. В то же время отметим специфику документации личных фондов в качестве материала для освещения этих вопросов. Она состоит прежде всего в том, что рассматриваемые документы (рукописи научных трудов, конспекты и отдельные записи научного характера, переписка и т.п.) представляют нам информацию, свидетельствующую не столько о том, что произошло, сколько о том, как происходило и, следовательно, ценную с т.з. субъективного восприятия учеными условий их работы. Отсюда необходимость коррективов ряда положений,

учета обстановки, личности ученого, его симпатий и антипатий. Но с этой небольшой оговоркой полученные из источников сведения представляются достоверными и научно значимыми. Перейдем к рассмотрению поставленных проблем.

Труды А.А.Шахматова, А.С.Лапшo-Данилевского, П.Н.Милукова, С.Ф.Платонова, А.Е.Преснякова, Н.П.Павлова-Сильванского по изучению и изданию важнейших источников русской истории создали основу научного подхода к историческому памятнику и принципов его публикации. Общие тенденции развития научной мысли эпохи оказали прямое влияние на основные направления архивной работы. Среди них можно отметить обращение прежде всего к памятникам права — изучению и изданию законодательства, материалов кодификационного характера, отражающих разработку, обсуждение и принятие важнейших правовых актов. Это прежде всего документы Уложенных комиссий, проекты уложений, а также документы о подготовке и проведении крупнейших реформ социального строя и административного аппарата. Данное направление исследовательской деятельности связано главным образом с преимущественным вниманием к изучению памятников публичного права, а потому осуществлялось оно в основном юристами, среди которых выделяется деятельность М.Ф.Владимирского-Буданова, В.И.Сергеевича, Н.В.Калачова, В.И.Латкина. Другим крупным направлением стала работа по исследованию источников социальной и социально-политической истории, связанная прежде всего с переходом от права к социологии, стремлением отыскать в источниках (главным образом правовых) материал для сравнительно-исторического изучения фундаментальных социальных институтов.

Мы хорошо представляем себе круг учреждений, архивов, музеев и библиотек, который существовал в рассматриваемый период^I. Но нам труднее понять, что представляла собой та среда, тот круг людей, которые непосредственно распоряжались архивами и от которых во многом зависела их исследовательская и издательская деятельность. Для ответа на этот вопрос мы располагаем ценным источником — неизданными записками М.К.Соколовского (1867-1941 гг.) — "Научные и литературные встречи" (1897-1917)". Являясь сотрудником ряда

изданий, журналов, участвуя в работе архивов, хорошо зная многих людей науки, архивистов, он был членом ряда русских исторических обществ, председателем Петербургской губернской ученой архивной комиссии, занимался отечественной военной историей. Его воспоминания, частично опубликованные в настоящее время, были написаны в конце 20-х - начале 30-х гг.²

"Тревожить ли мне в памяти этот муравейник, зовущийся архивным мирком и всегда кополившийся в стеллажах и связках, - вспоминал он. - С одной стороны, архивисты были близки крысам, объедавшим аппетитные корки и переплеты дел, а с другой стороны - они хранили записи минувшего, документы, ценное научное богатство, непередаваемое в цифрах рублей. Сообразно этому и требования к архивистам были двойного рода: одни находили возможным "ссылать" в архивы неудачных чиновников, способных только высихивать геморрой, другие желали в архивистах видеть энциклопедистов, историков, научных работников... И разнообразная, пестрая армия архивистов располагала архивистами обоих лагерей"³.

Одной из наиболее существенных особенностей деятельности архивных учреждений рассматриваемого периода было сочетание функций государственного учреждения, ведавшего хранением документов, и научного центра, видевшего смысл своего существования в изучении и публикации источников, которое неизбежно приводило к их взаимному противоречию, находя выражение и в отмеченном современниками существовании двух типов архивистов. Это наблюдение подтверждается деятельностью основных архивов того времени.

Конечно, воспоминания Соколовского не являются идеальным источником в силу своей недостаточной полноты, а в ряде случаев субъективности. В то же время, характеристики архивистов и историков - явление настолько редкое, что заслуживает внимания, тем более, что в них отразились настроения, социально-психологическая атмосфера работы исследователей в архивах. Перед нами предстает, например, "чопорный государственный архив Министерства иностранных дел", которым ведал бюрократ-чиновник Горяинов, а доступ

туда производился только с высочайшего соизволения (т.е. лишь с разрешения самого царя). Известно, что С.М.Горяинов (1849–1917 гг.) – директор Государственного архива Министерства иностранных дел, являлся военным историком, публикатором документов по истории 1812 г., законодательных источников⁴. Как свидетельствует Соколовский, Горяинов появлялся в архиве редко, мешал работникам, причем смыслил в деле мало. Это происходило оттого, что сам Горяинов "проходил обычный круг чиновничества Министерства иностранных дел и получил архив в порядке очередного служебного назначения". В то же время такое положение вовсе не означало, что архив бездействовал. За Горяинова здесь трудились "опытные в архивном деле помощники, трудолюбивые Приваловы, Цитовичи, Корольковы, неизменно доброжелательные ко всем занимавшимся в архивах". Между прочим, сообщает Соколовский, "в архиве этом служил и знаменитый Павлов-Сильванский, тридцать лет назад написавший свое исследование о феодализме на Руси", однако, "кажется он покончил самоубийством". Данное свидетельство об Н.П.Павлове-Сильванском (1869–1908 гг.), работавшим в архиве МИД с 1899 г., и умершим в 1908 г. от холеры, представляет интерес как свидетельство об отношении к ученому со стороны окружающих его людей, архивистов и историков. Почти такой же была ситуация и в других архивах. Так, во главе архива Государственного совета стоял, по словам Соколовского, некто Панчулидзе – "бывший кавалергард", однако он также имел хороших помощников. Речь идет о Д.С.Панчулидзе – известном военном историке, управляющем архивом Государственного совета, авторе трудов по истории кавалергардов⁵. "Архивною звездой в этом архиве был Голомбиевский, настоящий архивист, научный человек, писавший хорошо сработанные статьи. Там же служил и Строев, обожавший Бирона и Аракчеева..." Сенатский архив был в лучшем положении – возглавлявший его Н.А.Мурзанов считался хорошим архивистом. В памяти современника остался также А.И.Никольский, служивший в архиве Синода, который "любил архивное дело и был, можно сказать, его знатоком", или "самородок-архивист" Лукин из Лефортов-

ского архива, который был "опытным архивным шахтером". В архивах Морского министерства и Главного штаба, наряду с чиновниками, также были хорошие специалисты. Значительно меньше повезло Рукописному отделу Румянцевского музея, где его хранитель — известный архивный деятель Георгиевский создал, по словам Соколовского, атмосферу "чиновничьего мракобесия". Таково было положение даже в центральных архивохранилищах: доступ к документам был затруднен, а реальная научная работа велась мало.

В связи с интересом к местной истории, краеведению, этнографии, определенное развитие получило музейное дело. Оно концентрировалось в Историческом музее в Москве, а также в ряде местных музеев — в Твери, Орле, Новгороде, Ревеле и т.д. "Конечно, — отмечает Соколовский, — в этих провинциальных музеях не было еще четкой линии собирания, еще не просочилось в них сознание о необходимости каждый провинциальный музей обращать в краеведческий. Они часто гонялись за большими задачами, а потому, по недостатку средств, эти музеи были неполны, случайны, расплывчаты, отдавали аматерством. Но все-таки они были симпатичны и полезны"⁶.

В научной деятельности архивов большую роль играла их связь с исследовательской и педагогической деятельностью, которая концентрировалась главным образом в Археологическом институте, организованном А.И.Успенским, среди преподавателей которого были такие видные ученые как Н.И.Веселовский, С.М.Середонин, Н.Д.Чечулин, академик Н.П.Лихачев и др. Институт разделялся на два факультета — археологический и архивистский. Про оба археологических института (Московский и Петербургский) Соколовский пишет, что "это были очаги культуры весьма правого фланга даже для того времени. Доминировала вообще археология и архивоведение ей уступало первое место. Поэтому наши русские институты ничем не напоминали французскую *école des chartes*. Хартии то у нас были в черном теле. А махровым цветом цвела иконописно-панагийная археология с мотивами доброго пастыря, корсунскими воротами, колосниками"⁷.

Вопросы издания источников часто становились предметом обсуждения в правительственных и академических сферах.

Одним из направлений архивной деятельности рассматриваемого периода становится русская история Смутного времени. Активная разработка этой темы С.Ф.Платоновым, подготовка публикаций и исследований нашла отражение в переписке ученого. Вообще говоря, как показывают источники, в поле зрения ученого был весьма широкий круг архивных документов. Он внимательно следит за подготовкой и изданием в 1903 г. Иосафовой летописи, заботится о привлечении А.А.Шахматова и А.И.Никольского к этому делу, интересуется в связи с этим "Кратким летописцем Архангелогородским"⁸. В письмах ученого находим оценки новых публикаций – напр., появившегося в 1905 г. издания Я.И.Гурлянда. Значительный комплекс материалов был привлечен исследователем для работы непосредственно по теме диссертации – о Смуте. Так, он пишет В.Г.Дружинину: "если можно, выпиши "Временник дьяка Ивана Тимофеева. Рукопись принадлежала Флореницевой пустоши Владимирской епархии".⁹ Поскольку историк часто обращался к своему коллеге за литературой, мы имеем ключ для установления тех источников, которыми он располагал, а также его отношения к их публикации. Так, в его письмах находим указания о работе с "книгами дворцовых разрядов", "актами Западной России", записками иностранцев, напр., Флетчера и литературой – трудами К.А.Неволина, М.П.Погодина, П.М.Строева, В.И.Сергеевича, В.О.Ключевского¹⁰. Мы узнаем далее о работе Платонова с "архивом юридических сведений Н.В.Калачова", "историко-юридическим исследованием Уложения", материалами журнальных публикаций, а также хитием Аввакума. Об этих своих занятиях источниками историк говорит – "сиду за диссертацией и дажду их поглотить"¹¹. На начальном этапе работы историк испытывал определенные трудности с доступом к архивным материалам. Он писал, напр., что хотел бы ознакомиться с "Ответами Литовских (Сигизмундовых) послов 1616 г., но не имеет пока возможности это сделать, а в другом случае говорит – "очень я заинтересован писцовыми книгами Калачова (неизданными)". Средством для решения этой проблемы историк считал поддержку Ключевского. Но "к Ключевскому, – рассказывает он, –

безо всякого внешнего повода лучше не ходить, если нет рекомендации: он очень милый, но и очень осторожный человек, и дело может выйти так, что при его очень любезном приеме все-таки уйдешь не солоно хлебавши как говорится, и вынесешь впечатление неудовлетворенности"¹². Ровно через месяц этот мотив получает продолжение и подтверждение. В письме от 6 июня 1885 г. историк рассказывает: "Сегодня рано утром я должен был уехать к Троице, чтобы не прозевать здесь Ключевского, который обязательно взялся помочь мне в более удобном пользовании рукописью"¹³.

Работа по изучению и интерпретации архивных источников нашла более полное выражение в переписке С.Ф.Платонова с издателем А.С.Сувориным, отложившейся в фонде последнего. Как можно судить по сохранившимся документам, историк обсуждал с издателем возможность публикации документов по истории Смутного времени. "Очень было бы хорошо, - говорит он, - выбрать и перевести все те письма Сапеги и его корреспондентов из "Archivum dom. Sapiehanae", которые касаются Москвы и Смут. Из иностранных источников исследование этого материала должно стать на первом плане"¹⁴. В связи с изучением новых архивных источников, Платонов в ряде писем довольно полно характеризует свои научные интересы, взгляды на проблему. "Да, - пишет он, - Смутное время - интереснейшее время. Его много изображали и мало исследовали, и менее всех, разумеется, последний "историограф". Работать над ним нелегко. Ваш покорный слуга вот уже много времени не может сладить с постановкою такой темы, которая охватила бы суть эпохи - междусловные отношения. Начинать приходится часто с азбуки и на все надо время и время"¹⁵. В переписке с Сувориным о новых источниках Смутного времени вновь вставал традиционный вопрос о личностях Бориса Годунова, царевича Дмитрия и Лжедмитрия I. Вопросы эти имели определенное значение для Суворина, поскольку вставали, вероятно, в связи с изданием источников, проведением их через цензуру. С одной из таких трудностей, связанных прежде всего с церковной цензурой, историк столкнулся при характеристике царевича Дмитрия. В церковной традиции

царевич Дмитрий, причисленный к лику святых на основании версии о его убийстве по приказанию Бориса, имел канонический образ и не мог трактоваться иначе: "действительно, - говорит Платонов, - канонизация царевича Дмитрия - одно из препятствий для исследования"¹⁶. Отметим, что сам Платонов принадлежал к тем достаточно консервативным историкам, которые пользовались определенной поддержкой церковных властей, о чем свидетельствует как его переписка, так и ряд свидетельств современников, так что описываемые трудности имели вполне преодолимый характер. Однако, для других исследователей и публикаторов они могли оказаться (и, несомненно, оказывались) гораздо более ощутимыми. При обсуждении публикуемых документов вставал и другой, не менее интересный вопрос - о личности Лжедмитрия I. В ответ на запрос Суворина о том, какими сведениями располагает наука по этому поводу, Платонов пишет: "Что касается до самозванца, то до счастливых будущих открытий можно верить или не верить в его подлинность, но ее нельзя доказать и в ней нельзя убедить. По моему твердому верованию, самозванец был действительно самозванец и создан на Московской почве"¹⁷. Те доказательства, которые выдвигал в защиту такой версии ученый, носили (из-за отсутствия прямых указаний источников), поэтому дедуктивный, чисто логический характер. Пытаясь понять ту социальную среду, в которой стал возможен самозванец, историк обращается к новым архивным источникам и их толкованию. "Обмолвки документов, - говорит он, - позволяют открыть ту подробность, что Отрепьев ходил по боярским дворам, а это в моих глазах важно. Чем бы он там ни стал: самозванцем ли, или агентом по самозванческому делу, знаменательно его знакомство с боярскими домами". Толкование документов также представлялось важным аргументом, особенно в связи с учетом внешних особенностей текста. Характерен в этом отношении анализ подписи Лжедмитрия: "Подпись "Inperator" - разъясняет историк, - характерна не потому, что смешаны "n" и "m" а потому, что слово написано раздельно (ее можно видеть во 2-м томе Собрания государственных грамот и договоров). Еще характернее "Demiestri"

вместо "Dimetrius" если только нет здесь недоразумения в чтении слова"¹⁸.

Немало проблем вставало перед публикаторами законодательных источников. Публикация "Доклады и приговоры Правительствующего Сената", не утратившая своего значения до настоящего времени, содержит документы Сената со времени его создания в 1711 г. и доведена до 1715 г. Достоинством ее является наличие некоторых групп документов, мотивирующих принятие того или иного указа. Недостатками, сильно мешающими ее использованию, стали относительно узкие хронологические рамки, неполнота публикуемых источников (большинство важных материалов делопроизводственного характера осталось вне публикации), существенные неточности в передаче текста. Так, напр., при передаче текста именного списка представителей высшего дворянства 1712 г. без оговорок опущена мотивировочная часть документа, содержащая указания на источник информации при его составлении – боярские списки¹⁹. Об этой известной публикации свидетельствуют справочные издания, отражающие круг известных в то время документов Сената²⁰. В ответ на запрос историка Г.В.Есипова, сенатор П.А.Баранов – издатель описи указов Сената – писал: "Все имеющиеся в хранении Сенатского архива высочайшие указы и повеления за время 1755–1762 годы приведены в известность и оглавление их отмечено в изданной и имеющейся у вас описи"²¹.

Об интересе к такого рода источникам и их публикации свидетельствует и переписка Есипова с Я.К.Протом (1812–1893 гг.) – известным историком литературы и филологом, вице-президентом Петербургской академии наук, автором ряда публикаций и исследований по истории русской общественной мысли и культуры. В переписке речь шла о выявлении документов екатерининской эпохи, над которыми была необходима работа в связи с изданием научной биографии Державина и его произведений. Обсуждалась, в частности, подготовка к публикации такого источника как камер-фурьерские журналы²², изучение записок Мардефельда, княгини Е.Р.Дашковой²³ или, наконец, поиски (в целях протовского издания) таких свое-

образных документов как "подлинное сенатское дело о преследовании Державина за карточную игру". Обращаясь к Есипову за этим документом, Грот пишет, что издание бумаг Г.Р.Державина было поручено ему Академией Наук.

Публикация официальных документов всегда велась под особым контролем и охватывала в основном источники высших учреждений, причем, главным образом, законодательных. Такова была та среда, в которой велась научная работа, изучались и издавались памятники. Мы имеем возможность проследить, как это делалось практически. Для этого обратимся к истории подготовки и издания одной из крупнейших публикаций рассматриваемого времени – наказов в Екатерининскую Уложенную комиссию.

Эта публикация давно уже вошла в научный оборот, использовалась в трудах практически всех исследователей русской истории XVIII в., вызывала споры источниковедов и археографов о тех принципах, которыми руководствовались издатели, прежде всего В.И.Сергеевич при ее подготовке, влиянии идеологических соображений и т.д.²⁴ Однако история ее создания практически неизвестна.

Издание документов Уложенной комиссии 1767–1769 гг., предпринятое в рамках издательской деятельности Русского исторического общества, явилось фундаментальной серийной публикацией, отразившей многие характерные черты общественной жизни и научной мысли пореформенного периода. Она была начата в 1869 г. и завершена фактически к моменту прекращения деятельности Общества в области издания исторических источников (1916 г.). За этот период было издано 14 томов документов Уложенной комиссии. Особый интерес это издание стало представлять с того времени, когда первого публикатора – академика Д.В.Поленова (1806–1878 гг.) сменил выдающийся представитель юридической школы – В.И.Сергеевич. С его приходом археографические принципы издания да и сама его концепция претерпели существенные изменения. Поленов, руководствовавшийся чисто логическими соображениями, допускал возможность перегруппировки источников, их сокращения, пересказа современным языком. Напротив, Сергеевич,

исходя из новых для того времени научных принципов, основное внимание обращал не на формально юридическую, а на источниковедческую сторону дела. Это определило новые принципы отбора источников, передачи текста, но, в свою очередь, потребовало более основательного изучения всех архивных документов Уложенных комиссий. Обосновывая необходимость издания всех документов екатерининской Уложенной комиссии без пропусков и сокращений, Сергеевич хорошо показал, что только в этом случае удастся восстановить обстановку ее деятельности, раскрыть картину давления правительства на депутатов, восстановить подлинный ход обсуждения актуальных вопросов и настроения депутатского большинства, которое выражалось только лишь в результатах голосования, иногда и по второстепенным вопросам. Полнота издания источников является для Сергеевича не столько проявлением археографического рипоризма, сколько условием научного осмысления исторического опыта русского парламентаризма: "Дневные записки должны бы предостеречь от повторения тех ошибок, которые превратили в ничто великий акт обращения государя к представителям своего народа"²⁵.

Основной массив публикации материалов Уложенной комиссии составили наказания депутатов, которые сохранились главным образом в материалах II Отделения Е.И.В. Канцелярии и наказания учреждений, выявленные в ходе большой подготовительной работы Сергеевича и ряда его сотрудников в различных архивах. Однако в подходе Сергеевича прослеживается стремление с возможной полнотой отразить и деятельность самой Уложенной комиссии, ввести в научный оборот хотя и не получившие законодательного утверждения, но информативные с социологической точки зрения проекты законодательных положений, напр., о правах сословий. Характерно, что данная проблема волновала в то время не одного Сергеевича, но и других ученых. В.Н.Латкин, напр., предпринял исследование уложенных комиссий XVIII в. в их преемственности, начиная с петровской эпохи²⁶. В центре внимания находился при этом вопрос о том, почему законодательные комиссии так и не выработали за столетие своей деятельности нового уложения.

Новый архивный материал позволяет переосмыслить многие из сделанных в литературе суждений и во всяком случае раскрывает механизм, лабораторию публикаторской деятельности рассматриваемого времени. Это — научная переписка ученика Сергеевича — В.Н.Латкина, специалиста по русскому праву периода империи, автора ряда капитальных трудов по истории Уложенных комиссий в ХУШ в. Его письма адресованы другому видному историку — В.Г.Дружинину и в них содержится интересующая нас информация. В первом из писем (от 12 мая 1884 г.) Латкин сообщает своему корреспонденту о просьбе Сергеевича "навести некоторые справки в архивах". О характере этих справок мы узнаем из дальнейшего. Латкин, занятый работами в архиве МАМО, просит Дружинина выяснить в архиве МИЦ "нет ли у них в архиве наказов депутатам в Екатерининскую комиссию по составлению нового Уложения 1767 года от трех следующих учреждений: 1) Коллегии эстляндских, лифляндских и финляндских дел; 2) Ревизион-коллегии и 3) Камер-конторы эстляндских, лифляндских и финляндских дел"²⁷. В то же время историк, зная нравы архивной среды, предлагает своеобразный маневр: "Спросите их, — говорит он, — от своего или от моего имени, как хотите, и прибавьте, что мы не намерены ими заниматься, а то они, пожалуй, не дадут надлежащего ответа, ввиду того, что мы не получили разрешения для занятия этими документами". По прошествии некоторого времени (около полугода) вопрос о документах архива встал снова, но уже по-другому. В письме (от 1 октября 1884 г.) Латкин сообщал Дружинину, что он поставлен в неприятное положение перед Сергеевичем благодаря начальству архива МИЦ. Дело было в следующем: Дружинин, выполняя просьбу Латкина, обратился к чиновнику архива Станкевичу, который заверил его, что наказания в архиве имеются, о чем и было сообщено Сергеевичу. Однако администрация архива, видимо, узнав о готовящейся публикации, сочла нецелесообразным выдачу ценных, а для того времени также острых в политическом отношении документов ученому. "Этот последний, — рассказывает далее Латкин, — через Историческое общество послал Уляницкому (тоже чиновник архива) письмо

(уже официальное) с запросом, нет ли этих наказов в архиве, и получил ответ, что их нет. Тогда Сергеевич послал частное письмо Уляницкому (он с ним знаком), заявив, что ему известно, что я (т.е. Латкин) справлялся в архиве и получил утвердительный ответ от Станкевича. Вскоре пришло письмо от Уляницкого, где он пишет, что "Станкевич никогда не говорил г. Латкину, да и не мог говорить об этих наказах, в виду того, что их в архиве не имеется"²⁸. Латкин сообщал далее, что должен был "оправдываться перед Сергеевичем", намерен выяснить дело до конца и высказывает ряд соображений относительно причин, мешающих получению документов: "по всей вероятности, Булер не хочет давать этих наказов Сергеевичу для печати и заварил всю эту кашу". Мы знаем, что документы, о которых идет речь, все же были опубликованы, вероятно, благодаря личным связям Сергеевича — одного из крупнейших юристов и признанного авторитета в научном мире. Но становится также понятна та обстановка, которая делала это предприятие весьма трудным. Данный пример может свидетельствовать о тех проблемах, которые практически затрудняли публикаторскую и исследовательскую деятельность.

Другой пример подобного рода, также рассказанный Латкиным, связан с сознательным сокрытием документов руководством архивов (МАМО). Рассказывая Дружинину о своей работе в архиве, Латкин пишет: "Могу вам сообщить по секрету, что благодаря указаниям одного чиновника архива юстиции, я напал на много документов, совершенно никому не известных, касательно Земского собора 1648-49 гг., составившего Уложение Алексея Михайловича, документов, бросающих совершенно новый свет на роль выборных по составлению Уложения, сведенных Строевым и другими учеными к нулю. Из этих документов видно, какую роль играло наше древнее представительство в законодательстве и управлении государством"²⁹. Речь идет здесь о полемике с С.М. Строевым — историком консервативного направления, трактовавшим Земские соборы с монархических позиций. Латкин был совершенно захвачен оделанным открытием, поскольку оно доказывало одно из важнейших положений его диссертации — о тождестве Земских соборов

с сословно-представительными учреждениями западных стран — генеральными штатами, парламентами, кортесами, ландтагами и пр. и, следовательно, возможность говорить о сословно-представительной монархии на Руси в ХУП в. Это был вывод принципиальной важности, который отрицал положение предшествующей историографии, отвергавшей значение земских соборов. В эпоху борьбы за конституцию вывод этот имел и определенное политическое значение, поскольку показывал наличие определенных традиций социального контроля в русском государстве. Вывод этот стал предметом споров: одни историки, как, напр., Б.Н.Чичерин и В.О.Ключевский, а отчасти С.Ф.Платонов, ставили подобное значение Земских соборов под сомнение; другие, напр., Н.П.Павлов-Сильванский, наоборот, даже заострили его. Во всяком случае, источники по этому вопросу должны были привлечь внимание. Но почему они не стали предметом исследования ранее и как было сделано само открытие? На этот вопрос мы находим весьма красноречивый ответ. Рассказывая о своем открытии Дружинину и Платонову, Латкин подчеркивает, что оно стало возможным только благодаря помощи архивиста, сделавшего это против воли своего начальства. Открытие документов, — говорит он, — "всцело принадлежит названному чиновнику. Он же открыл и документы, о которых написал Дитятин свою статью в "Русской мысли" (о чем Дитятин ничего не сказал и даже приписал открытие себе)".

Описание всех последующих перипетий этого дела вообще похоже на детективную историю. "Занимаясь все время в архиве юстиции и благодаря знакомству с чиновником, открывшим документы об Уложении (меня познакомил с ним мой бывший товарищ по университету, Востоков, оказавшийся служащим в архиве) я получил доступ в архив завтра, несмотря на праздники, — пишет Латкин 14 мая 1884 г. — Этот чиновник передал мне все открытые им документы и я намерен их издать по приезде в Петербург вместе с теми, которые переписываю теперь. Надеюсь, университет даст мне нужные средства для этого"³⁰. Как и в случае с изданием наказов в Уложенную комиссию, ученый предвидит трудности, которые, однако, ока-

зались другого характера. В первом случае их причиной служило опасение архивной бюрократии нарушить инструкцию, во втором, наивное тщеславие крупного архивного деятеля. "Открытие, сделанное Зерцаловым (фамилия чиновника), - пишет Латкин, - относится к 1879 г. и с тех пор лежит под спудом, т.к. Калачов, зная об этом открытии, запретил печатать его, т.к. оно опровергает выводы, сделанные Мейчиком, фаворитом и учеником Калачова под его наблюдением! Не правда ли - картинка хорошая из наших нравов! Не встретиться я с Зерцаловым и не уговори его издать их, так бы все это и лежало до второго пришествия!" А.Н.Зерцалов (1839-1897 гг.) - известный архивист, работавший в Московском архиве Министерства юстиции, публикатор многих документов по русской истории, в том числе о городских восстаниях ХУП-ХУШ вв. и Земских соборах³¹. Латкин дает при этом крайне отрицательный отзыв Калачову, управляющему Московским архивом Министерства юстиции, организатору архивного дела в России, известному историку, археографу и архивисту³². Латкин фактически обвиняет его в сознательном сокрытии документов от общественности: "И после всего этого Калачов, разговаривая со мною, - пишет Латкин, - нес свою белиберду о земских соборах, повторяя зады, давно отброшенные всеми здравомыслящими людьми! Вся эта история до невозможности омерзительна и только доказывает, как формально относятся квази-ученые к науке"³³. В результате длительных размышлений, сомнений и дискуссий между историками решено было предпринять публикацию указанных уникальных источников. "Я, - свидетельствует историк, - был у Зерцалова и мы взвесили pro и contra касательно результатов нашего издания. На нашем совещании присутствовала и супруга Зерцалова и мы единогласно решили: издать документы во что бы то ни стало. Я с радостью принял за это дело, вот и наживу себе врагов в лице Калачова и Мейчика! На что, впрочем, я очень мало обращаю внимания". О том, насколько значительной представлялась угроза со стороны Калачова, свидетельствует просьба Дружинину никому (кроме С.Ф.Платонова) не говорить о находке - "Зерцалов просил меня до поры до времени об этом помалчивать, чтоб

как-нибудь не дошло до Калачова"³⁴. В дальнейшем Латкин продолжил начатую работу по публикации такого рода источников. Об этом свидетельствует, в частности, одно из его писем более позднего периода: "Я, - писал он в 1890 г. - сам собирался в скором времени приступить к изданию одного памятника, найденного мною в архиве Кодификационного отдела, а именно проекта нового Уложения, составленного при Елизавете Петровне и весьма любопытного по содержанию"³⁵. В связи с этим мы узнаем о том, как практически осуществлялась эта работа. Передача текста (переписка) производилась копиистом архива. Латкин специально уделяет этому вопросу внимание в своих письмах. "Передайте, пожалуйста, - пишет, напр., он, - копиистке, что если возможно, пусть она все перепишет, ничего не пропуская. Буду вам также очень благодарен, если узнаете у нее, когда она будет готова (точно срок окончания переписки), чтоб мне приехать в архив, сверить написанное и расплатиться". Таким образом, переписка содержит ценные свидетельства, позволяющие установить в ряде конкретных случаев какова была иерархия ценности имеющихся документов, принципы или практические соображения при их отборе для исследований и публикаций, какие причины определяли окончательный выбор (соображения научной ценности, цензура, внутренняя самоцензура, идеологические или политические соображения и т.д.). Кроме того, субъективная оценка того или иного научного издания, явления культуры, случайное суждение в письме - все это может быть весьма информативно для выявления имевшихся воззрений и различий в них.

Как известно, важным направлением исследовательской и публикаторской деятельности рассматриваемого периода стало обращение к документам частного права, а также социально-экономической истории. Одним из ярких представителей этого направления стал А.С.Лаппо-Данилевский. В письмах ученого отразился прежде всего его широкий интерес к делу введения в научный оборот новых архивных источников. Он был в курсе всех важных предприятий в этой области. Как явствует из имеющихся в нашем распоряжении писем, историк

в рассматриваемое время активно занимался разработкой теоретических основ издания ряда категорий документов, прежде всего актового материала, других правовых источников, писцовых книг, участвовал (наряду с другими крупными учеными) в работе по составлению справочника об архивах, вел довольно большую работу по практической организации архивных исследований своих сотрудников с целью издания источников. По отдельным высказываниям на эти темы можно представить себе его отношение к работе такого рода и принципах, которыми он руководствовался в ней.

Об отношении ученого к введению в научный оборот ряда категорий новых архивных источников свидетельствуют, в частности, такие из его предполагаемых докладов в научных обществах, как, напр., "Значение писцовых книг для русской археологии", "О городском и строительном деле в XVII веке", где обосновывались принципы исследования и издания этих источников. Об этом направлении деятельности ученого находим косвенное подтверждение в переписке с известным историком и библиографом — Н.П. Барсуковым, писавшим ему о работе над Нижегородскими писцовыми книгами, которые Лаппо-Данилевский готовил к изданию³⁶. Приветствуя намерение В.Г. Дружинина издать такой важный историко-правовой документ, как "Духовный регламент", он считает необходимым делать это в виде отдельной книги с соблюдением всех правил археографии. "Мне думается, — говорит Лаппо-Данилевский, — что было бы хорошо составить список рукописей регламента (и относящихся к нему бумаг?): кроме экземпляра в Синодальном архиве, мне известен экземпляр в Государственном архиве, кажется, с пометами Петра Великого; впрочем, текст, если не ошибаюсь, без больших помарок"³⁷. Считая неслучайным условием научной публикации ее полноту в археографическом отношении, ученый усматривал необходимость составить "список рукописей" публикуемого источника с тем, чтобы затем с помощью Академии Наук получить "иностранодние" списки. Как показывают документы, велика была роль Лаппо-Данилевского и в координации архивной работы, в частности, по вопросу о сохранении источников. Так, в письме М.К. Соколовскому Лаппо-

Данилевский выступает в качестве председателя "Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов" и разъясняет организацию и порядок заседаний "Особой комиссии представителей губернских ученых архивных комиссий" (письмо от 15 октября 1916 г.). Документ содержит ценные сведения об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий, а также об образовании в составе ИРИО (Имп. русского исторического общества) особой Комиссии по сохранению местных архивных материалов³⁸. На ее организационное заседание приглашались представители губернских архивных комиссий. Вся эта организационная, научно-методическая работа связана была с публикаторской деятельностью вообще и Дашко-Данилевского, в частности. Интерес к этнографии, краеведению, местным архивам в рассматриваемый период стал особенно значительным и представлял собой выражение социологического интереса к местной истории. С этим связана и публикаторская деятельность губернских архивных комиссий. Можно отметить и тот факт, что сам ученый уделял довольно большое внимание работе в архивах, о чем свидетельствует, напр., его переписка с В.Г.Дружининым, С.Ф.Платоновым и другими историками³⁹. В ряде писем описывает он и свою архивную работу. Сообщая, напр., о своей работе с актовыми источниками, ученый сообщает своему коллеге, что приехал в Москву для работы в архиве Министерства юстиции — "здание красивое, жаль только что далеко", рассказывает и о ходе своих работ: "работы мои идут кое-как. Давно просмотрел каталог 1-го и 2-го отделений. Ожидал большего"⁴⁰. В ходе архивных исследований ученые обменивались информацией, обсуждали научно-организационные вопросы, говорили о публикациях документов, делились планами.

Одним из острых вопросов работы историков в архивах рассматриваемого времени стала проблема доступности архивных материалов. При ее освещении следует иметь в виду, что, говоря о доступности, важно определить не формальную возможность (вытекающую из нормативных инструкций различных учреждений), а фактическое положение дел. Именно поэтому в данном случае особенно ценно привлечение документов личного

происхождения. Из них следует, что доступ в архивы был крайне ограничен и затруднен. Мы располагаем рядом свидетельств об этом. Одно из них принадлежит В.Н.Латкину. Он рассказывает о системе рекомендательных писем, но в то же время указывает на ее недостаточность в ряде случаев. "Представьте себе, - пишет он, - что мой достопочтенный ментор Сергеевич ничего не знал о тех трудностях, которые сопряжены с проникновением в святая святых архива М.И.Д. и потому, из-за него, я бы отправился в Москву не заручившись никаким разрешением и уж там бы узнал об этом сюрпризе!"⁴¹. Оказывается, Сергеевич действительно не представлял себе всех трудностей ситуации. "Сергеевич, - продолжал Латкин, - дал мне рекомендательное письмо к Балеру, воображая, что оно равносильно предписанию Гирса (министр иностранных дел). Можете себе представить, поэтому, как я был разозлен (буквально это слово) на Сергеевича, когда получил Ваше письмо. Сегодня я был у Андреевского (историк права), а завтра отправлюсь к Мартенсу (известный историк международного права и публикатор). Он, как известно, служит в МИД"⁴². Мы видели какие трудности испытывал С.Ф.Платонов, другие историки в работе с документами по истории церкви, в частности, Синодального архива. Представление об отношении Лапшо-Данилевского к организации архивной службы может дать ряд его недвусмысленных ее оценок. Наведя по просьбе издателя "Голоса минувшего" С.П.Мельгунова справку о возможном его допуске в архив, он констатирует: "По поводу Синодального архива я наводил кое-какие справки: они оказались не особенно утешительными. Чиновники говорят, что в случае возбуждения ходатайства от Академии наук надо бы ... знать тему исследователя, да и справки будут наводиться о том, "не являетесь ли вы агентом старообрядцев", а под такие категории можно подвести все что угодно. В Отделении я также не мог умолчать о том, что попытка уже была сделана, но привела к отказу"⁴³. В результате следует такое предложение: "Не повременить ли несколько с делом? Тогда больше было бы шансов на успех, особенно если можно было бы сослаться на какие либо ваши исследования, снабженные

всяческим ученым аппаратом и проч.". В фонде хранителя императорской Публичной библиотеки в Петербурге В.И.Саитова сохранился целый ряд записок или заметок (на визитных карточках) А.С.Лаппо-Данилевского с просьбой дать возможность его сотрудникам работать с грамотами Коллегии экономии и другими источниками. Среди лиц, за которых ходатайствует Лаппо-Данилевский, такие в дальнейшем известные историки как А.И.Андреев, Г.В.Вернадский, о котором ученый замечает: "Георгий Владимирович - приват-доцент СПб. Университета и специально занят изучением истории масонства"⁴⁴. В письме В.И.Срезневскому от 26 февраля 1914 г. Лаппо-Данилевский просит его оказать содействие американскому исследователю Г.Фрэнку Гольдеру в розыскании архивных материалов, касающихся истории Америки и русско-американских отношений⁴⁵. Как видим, вопрос о допуске к архивным материалам стоял остро, а система рекомендательных писем была повсеместной.

Таким образом, обращение к личным фондам ведущих юристов, историков и публикаторов, прежде всего тех из них, которые (подобно Сергеевичу, Латкину, Платонову, Лаппо-Данилевскому и др.) совмещают все эти качества в одном лице, дает реальную возможность раскрыть принципы публикаторской и исследовательской деятельности, а также получить новые данные о том, что осталось за пределами вышедшей публикации и какие на то были причины. С этой точки зрения и рассматривались здесь материалы ряда личных фондов ЦГАЛИ, ЦГАОР, переписка ученых и их научные труды. Становится ясен механизм самой публикаторской деятельности, функционирование на практике цепочки: архивист-публикатор-историк. Рассмотрим эту формулу подробнее. Во-первых, отношение "архивист-публикатор" содержит в себе известное внутреннее противоречие. Архивист как государственный служащий (чиновник) выступает своего рода "собственником" документов, которые он объективно не заинтересован вводить в научный или общественный оборот. Публикатор, следовательно, выступает как его антагонист, или во всяком случае конкурент, создающий угрозу его монополии на источники. Во-вторых, отношение "публикатор-историк" также не лишено конфликтности, в ос-

нове которой лежит уже профессиональный критерий. Историки полемизируют с публикаторами с позиций идеала высшей научной истины. Данное противоречие снимается, если публикатор и историк выступают в одном лице. В-третьих, противоречие между архивистом и историком — носит более устойчивый характер, поскольку их объективные цели диаметрально противоположны, как чиновника и ученого.

Нами представлены конфликты всех трех типов в ходе работы над фундаментальными публикациями рассматриваемого периода. В то же время прослеживаются основные способы разрешения указанных конфликтов: путь официальный, когда ученый обращается в архивное учреждение с рекомендательным письмом; официальное обращение от авторитетной организации (напр., РИО); неформальный, к которому, напр., прибег Сергеевич. Данный способ был наиболее эффективен, когда имелись формальные препятствия, связанные, напр., с идеологическими соображениями.

Все эти обстоятельства, как показано в тексте, непосредственно отражались на характере подготовки документов для издания, полноте публикаций, способах комментирования, а также формальном и неформальном статусе публикаций. Как выясняется из переписки ученых, сохранившейся в их личных фондах, направленность публикаторской деятельности во многом отражала господствующие общественные настроения — борьбу за конституцию, правовое государство, реформы политической системы, откуда происходит особый интерес к документации сословно-представительных учреждений ХУП-ХУШ вв., теории и практике конституционализма.

-
- 1 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т.Ш.
 - 2 Из воспоминаний М.К.Соколовского (публикация А.Д.Зайцева). // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып.5. С.387-390.
 - 3 ЦГАЛИ. Ф.442. Д.15. Л.133.
 - 4 Из документов Государственного и Санкт-Петербургского Главных архивов. СПб., 1912.
 - 5 Панчулидзе С.Д. История кавалергардов. 1724-1799-1899. СПб., 1899-1912. Т.1-4.

- 6 ЦГАЛИ. Ф.442. Д.15. Л.131.
- 7 Там же. Л.128-128 об.
- 8 ЦГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.394. Л.57, 59.
- 9 Там же. Л.68.
- 10 Там же. Л.14-23, 140-170, 178-179, 186 и др.
- 11 Там же. Л.186.
- 12 Там же. Л.24.
- 13 Там же. Л.33.
- 14 ЦГАЛИ. Ф.459 (Суворин А.С.). Оп.1. Д.3322. Л.9.
- 15 Там же. Л. 7 об.
- 16 Там же. Л.8.
- 17 Там же. Л.6.
- 18 Там же. Л.7.
- 19 Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880-1901. Т.1-6; Ср. том II данной публикации (Кн.2. С.100-112. Док.658) и архив (ЦГАДА. Ф.248. Оп.2. Кн.42. Л.9).
- 20 Баранов П.А. Архив Правительствующего Сената. СПб., 1872. Т.1-3.
- 21 ЦГАОР СССР. Ф.926 (Есипов Г.В.). Оп.1. Д.598. Л.2 об. и др.
- 22 Там же. Д.690. Л.1.
- 23 Там же. Д.600. Л.1.
- 24 Медушевский А.Н. Наказы в Уложенную комиссию 1767-1769 гг. как источник о социальных противоречиях эпохи. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987.
- 25 Сб.РМО. СПб.1881. Т.39. С.ХХ1.
- 26 Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России ХУШ ст. СПб., 1887.
- 27 ЦГАЛИ. Ф.167 (Дружинин В.Г.). Оп.1. Д.306. Л.7-7 об.
- 28 Там же. Л.12 об.
- 29 Там же. Л.8.
- 30 Там же. Л.9-9 об.
- 31 О мятежах в Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. // ЧОИДР. М., 1890. Кн.3; Новые данные о Земском соборе 1648-1649 гг. // ЧОИДР. М., 1887. Кн.3; См.также: Беляев И.С. Памяти Зерцалова. М., 1898.
- 32 Под руководством Н.В.Калачова было начато "Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМО" и изданы первые четыре тома (1869-1885).

- 33 ЦГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.306. Л.9 об.-10.
- 34 Там же. Л.10-11.
- 35 Там же. Л.20.
- 36 ЦГАЛИ. Ф.87 (Барсуковы). Оп.1. Д.78. Л.798.
- 37 Там же. Ф.167. Оп.1. Д.304. Л.9-9 об.
- 38 ЦГАЛИ. Ф.442. Оп.1. Д.77. Л.1.
- 39 Там же. Ф.167. Оп.1. Д.730. Л.1-1 об.
- 40 Там же. Д.304. Л.21, 43-44.
- 41 Там же. Ф.167. Оп.1. Д.306. Л.4-5.
- 42 Там же. Л.5.
43. Там же. Ф.305 (Мельгунов С.П.). Оп.1. Д.842. Л.3 об.-4.
- 44 Там же. Ф.437 (Сайтов В.М.). Оп.1. Д.190. Л.1-3, 4, 13-13 об. и др.
- 45 Там же. Ф.436 (Срезневские). Оп.1. Д.2771. Л.1.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. А.Г.Тартаковский	3
Борис Григорьевич Литвак (штрихи к портрету историка-источниковеда). Ю.Я.Рыбаков	5
С.Н.Кистерев. К истории калужско-бежецкого удела в начале XVI века	16
Е.Б.Емченко. Стоглав: предполагаемый оригинал полной редакции	21
Ю.В.Анхимюк. Список членов двора царя Федора Ивановича, оставшихся в Москве на время поездки его в Троице-Сергиев монастырь в августе 1585 г.	55
А.П.Богданов, А.И.Плигузов. Материалы по истории Сибири в Древлехранилище Псковского музея-заповедника	67
Е.В.Синицына. Архиепископ Антоний Знаменский, собиратель и исследователь ярославских рукописей	82
О.П.Тюнина. Документальное собрание музея "Архангельское" по истории русской культуры	94
Д.Г.Целорунго. Формулярные списки офицерского корпуса русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года	115
В.А.Иванов. Московский генерал-губернатор А.А.Закревский на страницах "Колокола"	132
О.Н.Бурдина. Источники о дарственниках украинских губерний. (К методике анализа)	156
К.Б.Литвак. О методике определения региональных особенностей грамотности крестьянства	174
Ю.Я.Рыбаков. Закон об изменении регламентаций фабрично-заводского труда несовершеннолетних и женщин от 24 апреля 1890 г.	195
А.Н.Медушевский. Из истории работы русских историков в архивах (конец XIX - начало XX в.)	208

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Подписано в печать 14.03.91. Формат 60х84/16. 14,5 п.л.
11,82 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 1р.80к. Заказ № 38

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19